

A. X

795

Хр 3.04 44

КОНСТАНТИНЪ АНТОНОВИЧЪ
ВЕРНЕРЪ.

С 59

Н. В. СОКОЛОВЪ.

97-224

33
С 591

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ

И

ЖУРНАЛЬНОЕ ДѢЛО.

948483
8111

ВЪЗРАЖЕНІЯ
ВЪ СЪВѢЩАНІИ
И. А. С. ДУБИНА
№ _____

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печати В. Головина, у Владимирской церкви, домъ №

1866

Д.Х
795

Н. В. СОКОВОД

ЭКОНОМИЧЕСКЕ ВОП

ЖУРНАЛНОЕ ДѢЛ

Спирено
1891 г.

3 ⁹/₈₁

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
СЕНЬКОВСКАГО И К^о
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

СТОИМОСТЬ ИЗДАНИЯ.

I. По счету печати В. Головина:

- а) За наборъ и печатаніе *одинадцати* листовъ in-8°, въ количествѣ 1200 экземпляровъ (съ первою корректурою и сатинировкою бумаги), по 16 рубл. за листъ . . . . . 176 р.
- б) За наборъ и печатаніе обертки . . . . . 5 р.
- в) За 13 дестей брестольской цвѣтной бумаги для обертки, по 20 р. за стопу . . . 13 р.=194 р. — к.

II. По счету Красносельской бумажной фабрики К. П.

Печаткина:

За 28 стопъ бумаги большого формата въ 8-ю долю, № 3 рояль, по 2 р. 70 к. за стопу . . . . . 75 р. 60 к.
(Эта бумага доставлена изъ типографіи г. Куколь-Яснопольскаго).

III. По счету переплетчика И. Дмитриева:

За брошюровку 1200 экзempl., по *одной* коп. за экз. . . . . 12 р. — к.

Всего: 281 р. 60 к.

Складъ изданія въ числѣ 1150 экземпляровъ, находится при «Книжной Торговлѣ Сеньковскаго и К^о», на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкина дворца, № 60. Изданіе сдано на комиссію съ уступкою 25%. «Книжная Торговля Сеньковскаго и К^о» печатаетъ объявленія о книгѣ на свой счетъ.

СТОЛОНЕЦЪ ПЕДАГОГЪ

I. Не ереть ерестинъ В. Родина:

1) Не ереть ерестинъ В. Родина: 1200 страницъ (въ первомъ томе) и 1200 страницъ (въ второмъ томе) по 10 руб. за томъ.

2) Не ереть ерестинъ В. Родина:

3) Не ереть ерестинъ В. Родина:

4) Не ереть ерестинъ В. Родина:

II. Не ереть ерестинъ В. Родина:

Не ереть ерестинъ В. Родина:

1) Не ереть ерестинъ В. Родина:

2) Не ереть ерестинъ В. Родина:

III. Не ереть ерестинъ В. Родина:

Не ереть ерестинъ В. Родина:

IV. Не ереть ерестинъ В. Родина:

1) Не ереть ерестинъ В. Родина:

2) Не ереть ерестинъ В. Родина:

3) Не ереть ерестинъ В. Родина:

4) Не ереть ерестинъ В. Родина:

5) Не ереть ерестинъ В. Родина:

6) Не ереть ерестинъ В. Родина:

7) Не ереть ерестинъ В. Родина:

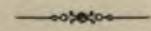
Въ эту книгу вошли четыре экономическія статьи, которыя были уже напечатаны въ журналѣ „Русское Слово“ болъшею частью въ началѣ 1863-го года. Что же касается статьи „Журнальное дѣло“, то она появляется въ печати первый разъ.

Н. Соколовъ.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	стр.
1. Нищета Европы.	
Предисловіе	3
Глава I.	7
» II.	19
2. Торговля и кредитъ безъ денегъ	29
3. Безъ денегъ за дѣло!	89
4. Чего не дѣлать?	101
5. Журнальное дѣло	131

СОДЕРЖАНИЕ КНИЖИ

I. История Европы.

II. История России.

III. История Европы.

IV.

V. Торговля и кредитная система.

VI. Восток и Европа.

VII. Наука и искусство.

VIII. Заключение.

НИЩЕТА ЕВРОПЫ.

«Если для обогащения следует заставлять рабочих довольствоваться ничтожной платою, то я смѣло скажу — да погибнуть богатства!»

Мальтусъ.

В
III

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое отрицаніе.

Жизнь не терпитъ застоя. Исторія заявляетъ намъ, что понятія и убѣжденія людей, нравы, обычаи и всѣ гражданскія, политическія и социальныя учрежденія народовъ измѣнялись по необходимости, вслѣдствіе горькаго опыта жизни. Исторія воспитываетъ человѣчество. Но какъ она его воспитываетъ?—Рокowymъ путемъ отрицанія устарѣлыхъ понятій, обычаевъ и учреждений. Отрицаніе — смыслъ исторіи, смыслъ самой жизни. Вотъ почему безъ отрицанія нѣтъ прогресса, нѣтъ развитія. Въ этой истинѣ убѣждаетъ насъ вся прошедшая жизнь народовъ.

Въ основѣ древнихъ обществъ лежало рабство. Величайшіе мудрецы и законодатели Рима и Греціи смотрѣли на это явленіе современной имъ жизни, какъ на вполне законное и естественное. Ни Сократъ, ни Аристотель не могли себѣ представить общества безъ рабовъ. Для Платона даже идеаль республика былъ немислимы безъ рабства.

Мудрый Аристотель былъ того убѣжденія, что «рабочихъ не слѣдуетъ признавать гражданами. Званіе гражданина, говорилъ онъ, принадлежитъ по праву только тому, кто не живетъ работой, то есть тому, кто не унижается до занятія ремеслами. Ремесломъ же я называю всякую наемную работу, за которую платятъ.» (Polit.).

Платонъ, божественный Платонъ, въ свою очередь, утверждалъ, что «природа не создавала ни сапожниковъ, ни кузнецовъ. Подобныя занятія позорятъ каждаго, кто имъ предается. Презрѣнные наемники, изверги безъ названія! — нѣтъ вамъ политическихъ правъ; вы лишаетесь ихъ по вашему низкому состоянію.» (Respublica, Lib. V).

Ксенофонтъ говорилъ: «ремесленниковъ не допускаютъ къ

занятію общественныхъ должностей — и совершенно справедливо.» (Oeconomicon, IV, VI).

Цицеронъ тоже былъ убѣжденъ, что «всѣ рабскіе, какимъ бы ремесломъ они ни занимались, должны составлять узкій и отверженный классъ людей, недостойныхъ званія гражданъ.» (De Offic. I. tit. II, ch. XLII).

Аристотель, Платонъ, Цицеронъ и другіе древніе республиканцы были, безспорно, люди славные и умные; но при всемъ своемъ умѣ они смотрѣли на рабство, какъ на разумное и законное явленіе, а работника считали извергомъ общества.

Восемнадцать слишкомъ вѣковъ тому назадъ, древній міръ, основанный на рабствѣ, погибалъ въ суевѣріи и развратѣ, подъ владычествомъ цезарей.

Рабство подданныхъ, лихоимство и грабежи правителей, войны и развратъ римскихъ императоровъ убивали въ подвластныхъ имъ народахъ всякое сознаніе права и справедливости. Мудрецы предвидѣли конецъ имперіи, а чѣмъ пособить — не знали. И что, дѣйствительно, могли они придумать? Для спасенія того дряхлаго общества приходилось отрицать всѣ начала его рабской жизни, приходилось измѣнять всѣ укоренившіяся понятія и уничтожать всѣ права, освященныя вѣками. Кто могъ рѣшиться на такое страшное отрицаніе? Идопоклонство въ религіи, рабство въ государствахъ, эгоизмъ и развратъ въ домашней жизни составляли основу учреждений и нравовъ. Посягать на нихъ значило потрясать общество въ его основаніяхъ. Вотъ почему идея отрицанія не могла придти въ голову древнимъ мудрецамъ — эпикурейцамъ, циникамъ или стоикамъ.

Но вотъ раздалась евангельская проповѣдь изъ Иудеи и разнеслась по всему пространству римской имперіи. Затрепеталъ древній міръ язычества, почуявъ близость неминуемой кончины. Завязалась страшная война палачей и мучениковъ вѣры и, послѣ трехъ-вѣковой пропаганды евангелія, языческой міръ былъ обращенъ и принялъ новый завѣтъ. Общество было оживлено отрицаніемъ его принциповъ, ниспроверженіемъ старой религіи и нарушеніемъ вѣковыхъ учреждений.

Законъ вѣчнаго отрицанія былъ исполненъ.

Въ концѣ V вѣка, западная римская имперія падаетъ подъ ударами варваровъ. На развалинахъ ея появляются новыя государства и въ основѣ ихъ ложится право завоевателя, право

сильнаго. По понятіямъ мудрецовъ этой эпохи, крѣпостное право — явленіе совершенно законное и естественное; феодалъ никакъ не можетъ представить себѣ общества безъ крѣпостныхъ. Но сила историческаго отрицанія рушить феодальную систему и уничтожаетъ крѣпостное право, какъ уничтожило рабство.

Это послѣднее отрицаніе выводитъ человѣчество на новую дорогу жизни; политическое рабство европейца среднихъ вѣковъ смѣняется закономъ свободою современнаго рабочаго, получившаго право гражданства. Мудрецы западной Европы провозглашаютъ, вмѣстѣ съ гражданскою свободою лица, и право труда.

Но если трудъ, только одинъ трудъ создаетъ богатства, то, съ другой стороны, какая же причина той ужасающей нищеты, которая свирѣпствуетъ въ средѣ рабочихъ классовъ Европы? Неужели исторія отрицала рабство, крѣпостное право затѣмъ только, чтобы породить пролетаріатъ?

Да, самое поразительное и мрачное явленіе западной цивилизаціи, источникъ всѣхъ политическихъ переворотовъ и сдавленная причина социальныхъ революцій Европы — та хроническая болѣзнь народовъ, названіе которой — нищета, пауперизмъ.

Не смотри на свободу труда, рабство душитъ работника. Едва успѣлъ онъ вздохнуть послѣ крѣпостнаго ига, едва сталъ свободнымъ гражданиномъ съ правомъ наживать милліоны, какъ снова попалъ въ рабство! Что же осуждаетъ его на такое безвыходное положеніе? Почему для работника воли обращается въ неволю, а трудъ въ каторгу? Или, въ самомъ дѣлѣ, свобода неизбѣжно приводитъ къ рабству, а работа къ нищетѣ?

Эти вопросы не новы; ихъ такъ часто подымали и такъ глупо рѣшали, что они совсѣмъ опошлелись. При всемъ томъ, надо же найти, наконецъ, разумное рѣшеніе: есть вопросы, которыхъ нельзя похоронить молчаніемъ или незнаніемъ, и къ числу ихъ, безспорно, относится вопросъ о нищетѣ рабочихъ классовъ. Цивилизованная Европа трудится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нищаетъ; она жаждетъ мира, а живетъ войнами и революціями! Чудовищныя предпріятія, основанныя на громадныхъ капиталахъ, лопаются при малѣйшемъ политическомъ ударѣ и выбрасываютъ на мостовую десятки, сотни тысячъ рабочихъ. Торговые, финансовые и банковые кризисы повторяются и развиваются повсюду. Между капиталистами и рабочими ищутъ прочныхъ отношеній; оба класса питаютъ взаимную, затаенную нена-

висть, которая при всякомъ случаѣ обращается въ открытую вражду. Государственные долги, расходы и недоимки безпрестанно возрастаютъ, а единственное средство ихъ погашенія — трудъ падаетъ, становится кабалнымъ и потому менѣе и менѣе производительнымъ. Долги не оплачиваются, работа не вознаграждается и лихоимство во всѣхъ его видахъ дѣлается закономъ экономической жизни обществъ. Каждый пытается нажить безъ труда и рискуетъ поминутно впасть въ нищету. Частное благосостояніе видимо уменьшается, потому что ничто не можетъ его обезпечить и упрочить при той анархіи и борьбѣ интересовъ, въ которой сильные безжалостно давятъ слабыхъ. Вотъ въ какомъ состояніи находится Европа!

Почти ежедневно мы слышимъ толки о выставкахъ. Парижъ и Лондонъ состязаются на этомъ поприщѣ. Экономисты и журналисты наперерывъ поютъ хвалебные гимны въ честь труда, величія и пышности его произведений...

Нѣтъ! — пора перестать играть въ куклы и задать вопросъ: какую истину докажутъ намъ всѣ эти блестящіе, вся эта мишура наряднаго костюма, въ который такъ театрално одѣвается современная промышленность Европы и ея убогое, жалкое тщеславіе?

Нѣтъ! пусть Лондонъ, напримѣръ, выставитъ лучше на показъ всему міру рубища сыновъ Великобританіи; пусть, вмѣсто откормленныхъ быковъ, свиней и заводскихъ лошадей, покажетъ онъ намъ заморенныхъ голодомъ, изнуренныхъ машинною работою и доведенныхъ до идиотизма своихъ вольныхъ рабочихъ. Я не предполагаю, что успѣхи современной промышленности доведутъ когда либо быка или свинью до состоянія разумнаго существа; но извѣстно, что та же промышленность съумѣла низвести человѣка, въ лицѣ работника, на степень скота.

И такъ, да не прельстятъ насъ ни тщеславіе современной промышленности, ни чудеса всемірныхъ выставокъ. Раскроемъ глаза: нищета, страшная, чудовищная нищета раздѣдаетъ цивилизованную Европу. Статистическія таблицы смертности и преступленій, тюрьмы, эшафоты — вотъ настоящія выставки ея цивилизаціи!

НИЩЕТА ЕВРОПЫ.

ГЛАВА I.

Прогрессъ нищеты и бѣдствій рабочаго народа въ Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Англии, Ирландіи, Шотландіи, Франціи и Германіи.

Тамъ на Западѣ, гдѣ процвѣтаетъ цивилизація, творится многое, чего не грезилось не только намъ, а даже древнимъ мудрецамъ. — Тамъ рабочій, голодный, грязный, оборванный рабочій возбуждаетъ къ себѣ идеальную любовь сытыхъ, чистоплотныхъ и нарядныхъ господъ. Они любятъ его, какъ существо, похожее на человѣка; они любятъ его, какъ свободаго гражданина, который пользуется своимъ законнымъ правомъ умирать съ голоду; они любятъ его, какъ меньшого брата, который признаетъ ихъ старшинство; они любятъ его, наконецъ, за то, что онъ усердно работаетъ и притомъ еще постоянно проситъ работы.

Какъ бы изумились, въ самомъ дѣлѣ, древніе мудрецы, если бы очутились среди современныхъ либераловъ, друзей рабочаго народа, и прислушались къ ихъ громкимъ возгласамъ о прогрессѣ!

Взгляните поближе на эту цивилизованную Европу. Вотъ, напримѣръ, Бельгія: эта страна — самая населенная (125 чел. на 100 десятинъ), самая промышленная (рабочій классъ составляетъ $\frac{3}{4}$ населенія), самая земледѣльческая (земля такъ хорошо обработана и такъ плодородна, что производитъ вдвое болѣе того, сколько нужно для пропитанія жителей); эта страна — самая свободная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая несчастная. Нигдѣ, кромѣ Ирландіи, нѣтъ такой возмутительной и страшной нищеты, какъ въ богатой Бельгіи. Официальная статистика показываетъ, что въ этомъ королевствѣ одинъ изъ шести жителей записанъ въ число бѣдняковъ, получающихъ

законное пособие. Въ самыхъ промышленныхъ провинціяхъ, какъ наприм. въ Брабантъ, восточной и западной Фландріи, число бѣдныхъ еще значительнѣе: тамъ приходится одинъ законный нищій на 4, даже на 3 жителей.

Повсюду сельское населеніе страдаетъ менѣе городскимъ; въ Бельгіи же наоборотъ. — Напр. въ городахъ Фландрій считается одинъ бѣднякъ на 4 жит., а въ деревняхъ — одинъ на 3. Десятки тысячъ людей не знаютъ даже ржаного хлѣба и питаются травой и корнями растений. Въ большей части сельскихъ общинъ средняя заработная плата поденщика — 60 сантимовъ, то есть 15 коп. въ сутки. Въ зимнее время рабочій нанимается за 20 сант. (за 5 к. въ день). Обыкновенная плата городскихъ рабочихъ — 1 франкъ 30 сант. (33 к.) и менѣе, а работница получаетъ 75 сант. Самая скудная пища обходится въ день 60 сант. на человѣка! (Poussin. La Belgique et les Belges).

Объ участи бѣдныхъ въ Бельгіи лучше всего можно судить по слѣдующему, достовѣрному факту: «15 мая этого года, бельгійская палата депутатовъ выслушала съ особеннымъ волненіемъ докладъ, представленный министру юстиціи г. Коомансомъ (Coomans). Этотъ депутатъ сообщилъ, что въ общинахъ Фландріи бѣдныхъ распродаютъ, какъ товаръ, съ публичныхъ торговъ. Бургомистры (сельскіе старосты) выкликаютъ обыкновенно бѣдняковъ по очередно, заставляють ихъ становиться на скамейку и по одиночкѣ раздають, послѣ торга и переторжки, тѣмъ крестьянамъ, которые берутся содержать ихъ на свой счетъ. Понятно, что въ этомъ случаѣ мужей разлучаютъ съ женами, дѣтей съ родителями, и всѣ эти несчастные поступаютъ въ полное распоряженіе своихъ покупателей, которые заставляютъ ихъ, разумѣется, работать безъ устали, за позволеніе не умереть съ голоду. Это уже настоящая распродажа человеческого мяса, настоящая торговля бѣлыми («Siècle, 21 mai 1865, et «Nord»).

Нищета въ Голландіи не слабѣе, чѣмъ въ Бельгіи. Тамъ земледѣліе требуетъ очень мало рукъ, потому что $\frac{2}{3}$ земель находится подъ лугами. Масса населенія скопилась въ городахъ и, при страшной конкуренціи рабочихъ, задѣльная плата самая ничтожная. А между тѣмъ жизнь дорога, подати обременительны, государственный долгъ такъ великъ, что на каждаго жителя приходится по 1000 фр., т. е. 250 р. Полмилліона живетъ публичнымъ, полицейскимъ подаеніемъ; слѣдов. почти на 6 чел.

считается одинъ офиціальныи нищій. Въ большихъ городахъ бѣдность еще значительнѣе.

Для спасенія отъ нищеты Голландія извергаетъ своихъ бѣдняковъ къ колоніи.

Въ республиканской Швейцаріи изъ 10 чел. одинъ находится въ крайней бѣдности; эта цифра средняя. Въ Бернѣ на 4 жит. приходится одинъ бѣдный; въ роскошномъ кантонѣ Vaud — 1 на 8. Въ Люцернскомъ кантонѣ $\frac{1}{4}$ населенія живетъ офиціальной милостыней, а $\frac{1}{2}$ населенія такъ бѣдна, что не можетъ дать ничего въ пользу нищихъ. Съ утра до ночи толпы голодныхъ окружають дома зажиточныхъ гражданъ и постоянно держатъ ихъ въ осадномъ положеніи. Въ Шафгаузенѣ сама полиція посылаетъ бѣдняковъ въ дома богачей съ правомъ требовать поданія. Въ кантонѣ Valais, населенномъ крестинами, нищета общая и непримѣрная. Даже въ богатой Женевѣ, и тамъ одинъ изъ двадцати жителей — офиціальныи нищій. Женевскіи граждане пользуются исключительнымъ правомъ быть публичными женщинами; иностранки, которыя занимаются этимъ ремесломъ, изгоняются изъ республиканскаго города.

Нищета и неизбѣжный ея спутникъ — преступленіе развиваются въ Швейцаріи даже замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Ежегодно тысячи семействъ покидаютъ свое отечество и выселяются въ Америку, въ Италію и Германію, спасаясь отъ нищеты или платежа податей въ пользу нищихъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ достаточные люди сами отказываются отъ права гражданства, съ цѣлью избѣжать налога, который обязаны нести для пропитанія бѣдныхъ. Этотъ налогъ опредѣляется для каждой общины городскимъ совѣтомъ и возрастаетъ съ году на годъ въ страшной пропорціи, соразмѣрно быстрому развитію нищеты. И сколько же получаетъ бѣднякъ ежегоднаго пособия изъ рукъ своихъ законныхъ благотворителей? — Отъ 40 до 50 франковъ!

Не говоря уже о томъ, что офиціальная милостыня почти бесполезна для бѣдныхъ, она имѣетъ еще то пагубное вліяніе на характеръ швейцарцевъ, что дѣлаетъ ихъ безжалостными и совершенно равнодушными зрителями окружающей ихъ нищеты. «Мы платимъ законную подать бѣднымъ и потому не обязаны помогать имъ частнымъ образомъ; пусть обращаются къ полиціи, — она подаетъ помощь, кому нужно».

Ученіе англійскаго пастора и экономиста Мальтуса о запре-

щеніи браковъ между бѣдными освящается швейцарскими законами, какъ нравственное средство противъ нищеты. Вотъ почему въ Швейцаріи бракъ позволителенъ только для тѣхъ, которые по своему состоянію не нуждаются въ законномъ пособіи. Бѣдные же, записанные въ число нуждающихся, могутъ вступать въ бракъ только по истеченіи извѣстнаго срока отъ послѣдней выдачи полицейскаго пособія, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія городскихъ старшинъ. Въ кантонѣ Швицъ эта отсрочка дѣлается на 4 года, а въ Унтервальденѣ на 12 лѣтъ! Иногда бѣднякъ, получающій позволеніе жениться, обязанъ по закону уплатить сполна всю сумму, которую выдавала ему полиція въ видѣ пособія, по мелочамъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ Швицѣ бракъ запрещается не только тѣмъ бѣднымъ, которые пользовались законнымъ пособіемъ послѣдніе четыре года, а даже и тѣмъ гражданамъ, которыхъ родственники, отецъ, мать, братья и сестры, находились въ подобномъ положеніи. Въ кантонѣ Аппенцель, каждое воскресенье и въ каждой церкви, громко объявляются имена всѣхъ несчастныхъ, попавшихъ въ число официальныхъ бѣдняковъ, и сумма выданнаго имъ пособія. Въ Бернѣ и Фрибургѣ полиція вывѣшиваетъ на дверяхъ каждаго кабака и ресторана списки этихъ бѣдныхъ и строго воспрещаетъ впускать ихъ туда; для отличія отъ прочіхъ гражданъ, они обязаны носить особенный, нарочно для того придуманный нарядъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Въ Унтервальденѣ заботливая полиція не только наряжаетъ своихъ питомцевъ въ нищенскій костюмъ, но запрещаетъ имъ всякія игры, танцы и подъ конвоемъ водить въ церковь. Замѣтьте, что эти питомцы полиціи — не преступники, не бездомные и нищіе бродяги, а свободные граждане-республиканцы, которые по бѣдности, по честной бѣдности доводятъ себя до подобнаго униженія!

Швейцарскіе законы неумолимы относительно нищенства: оно считается почти уголовнымъ преступленіемъ. Лишеніе правъ гражданства, исключеніе изъ списка получающихъ законное вспомошествованіе, насильственная вербовка, тѣлесное наказаніе, заточеніе въ смиренныхъ домахъ и тюрьмахъ, каторжная работа и разныя другія мягкія наказанія ожидаютъ бѣдняковъ, которымъ вздумается просить милостыню у прохожихъ. На стѣнахъ домовъ и церквей, на дорожныхъ столбахъ и всѣхъ перекресткахъ прибиты внушительныя и грозныя объявленія о

запрещеніи нищенства. Городская и земская полиція неусыпно слѣдитъ за нищими и неутомимо охотится на нихъ по горамъ, по лѣсамъ, по самымъ дикимъ ущельямъ, чуть-чуть не по снѣговымъ вершинамъ и ледникамъ. Въ городахъ и деревняхъ нѣкоторыхъ кантоновъ, напр. въ Аппенцель, каждый домовладелецъ, вооруженный алебардой или длинной шпагой, обязанъ въ опредѣленные сроки выходить на ловлю нищихъ или нанимать вмѣсто себя болѣе опытныхъ охотниковъ. Нищихъ и бездомныхъ (heimathlos) имѣетъ право преслѣдовать и ловить каждый, кому вздумается; за поимку этихъ несчастныхъ полиція даетъ такую же награду, какъ за истребленіе опасныхъ звѣрей.

Не смотря, однако, на всю строгость законовъ и рвеніе полицейскихъ и всякихъ сыщиковъ, нищета гнѣздится и накапливается въ горахъ и долинахъ Швейцаріи и угрожаетъ со временемъ затопить ее.

Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ! Издали намъ Швейцарія кажется какимъ-то земнымъ раемъ, обѣтованной страной. Такою она представляется, конечно, и тѣмъ празднымъ, близорукимъ путешественникамъ, которые ѣздятъ туда любоваться красотами природы, восходомъ и закатомъ солнца на снѣжныхъ высотахъ. Жаль, что швейцарская полиція не приглашаетъ такихъ сантиментальныхъ путешественниковъ охотиться на нищихъ, а напротивъ того ласкаетъ взоры ихъ призрачнымъ порядкомъ и счастьемъ.

Отвернемся съ отвращеніемъ отъ убогой Швейцаріи и взглянемъ на Англію, этотъ идеалъ неисправимыхъ экономистовъ и политиковъ.

Впрочемъ объ Англіи было уже писано у насъ такъ много дурного и хорошаго, что говорить объ ней долго не стоитъ. Для возбужденія восторга нашихъ англомановъ приведемъ только нѣсколько статистическихъ данныхъ о благосостояніи рабочихъ народа въ Соединенномъ королевствѣ Великобританіи.

Собственно въ Англіи считается одинъ официальный бѣднякъ на семь жителей обоого пола. Такимъ образомъ седьмая часть населенія (болѣе 2¹/₂ милліоновъ), лишняя средствъ существованія, содержится на счетъ общественныхъ суммъ (таксы бѣдныхъ) или провармливается въ рабочихъ домахъ (workhouses). Число официальныхъ бѣдныхъ постоянно возрастало въ страшной пропорціи: въ 1813 году, на иждивеніи общинъ состояло

900,000 чел., въ 1848 году—1.800,800 чел.; а теперь ихъ считается свыше 2.500,000. Если къ этой массѣ бѣдныхъ, получающихъ пособіе отъ общинъ, причислить другихъ бѣдняковъ, которые живутъ частнымъ подаваніемъ, то окажется, что въ Англии находится около пяти милліоновъ, т. е. болѣе $\frac{1}{4}$ населенія, въ крайне бѣдномъ состояніи. (Вычисленіе статистика барона Морога.)

Надо замѣтить, что въ число официальныхъ бѣдныхъ записываются только простые рабочіе, городская и сельская чернь; эти бѣдные, подъ названіемъ рауперс, какъ плебеи, не сѣиваются въ общественномъ мнѣніи съ бѣдняками средняго и высшаго класса (poor men), которыхъ питаетъ частная благотворительность. Въ аристократической Англии даже нищета не сглаживаетъ различія сословій: если бѣдный изъ высшаго или средняго круга, такъ называемый poor man, рѣшится записаться въ число рауперс, то есть официальныхъ бѣдняковъ-плебеевъ, то его сочтутъ негодяемъ, позорящимъ общество, и лишатъ его частнаго пособія, которымъ онъ пользовался, какъ аристократъ и джентльменъ.

Въ Англии частная благотворительность развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не имѣетъ ничего общаго съ законной подавлю въ пользу пролетаріевъ, которая собирается и раздается земскими властями. Всѣ частныя благотворительныя учрежденія — больницы, воспитательныя и сѣумашедшіе дома, дѣтскіе и сиротскіе пріюты — содержатся и управляются безъ всякаго надзора и вмѣшательства правительства. Эти учрежденія очень богаты, потому что лорды, сэры и прочіе джентльмены, аристократы по происхожденію или деньгамъ, охотно жертвуютъ изъ тщеславія или для успокоенія совѣсти; притомъ они знаютъ еще, что помогаютъ не плебемъ, а патриціямъ нищеты, которые впали въ нее вслѣдствіе распутства, мотовства, неудачныхъ спекуляцій, банкротства и тому подобныхъ джентльменскихъ несчастій.

Въ Англии тридцать тысячъ землевладѣльцевъ; въ ихъ рукахъ $\frac{5}{6}$ всей земли, которую удобряютъ своимъ потомъ голодные наемники.

Состояніе рабочаго населенія въ городахъ извѣстно каждому, кто знаетъ Англию, хотя по наслышкѣ. Одновременно съ развитіемъ нищеты прогрессивно умножается и число преступленій, особенно въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ.

Въ Ньюкестлѣ осуждаютъ ежегодно одного изъ 24 жителей; въ Манчестерѣ — одного изъ 21; въ Лидсѣ — одного изъ 12. Официальная статистика доказываетъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ число преступленій удваивается. Въ Лондонѣ, гдѣ бродятъ 60,000 нищихъ и 80,000 публичныхъ женщинъ, одинъ изъ 85 чел. не имѣетъ никакихъ средствъ существованія, кромѣ грабежа и воровства, а потому болѣе 35,000 содержится въ тюрьмахъ, за эти неизбежныя преступленія.

Въ такомъ завидномъ положеніи находится собственно Англія съ княжествомъ Валлисъ. Шотландцы и ирландцы, дѣйствительно, смотрятъ съ завистью на англичанъ.

Въ Ирландіи каждый годъ почти три милліона жителей, то есть 40 процентовъ населенія, терпятъ самыя ужасныя лишения и подвергаются голодной смерти. Голодъ продолжается обыкновенно три-четыре мѣсяца, съ апрѣля до августа, пока не созреетъ картофель, исключительная пища ирландцевъ. Счастливы изъ нихъ тотъ, кто можетъ питаться картофелемъ два раза въ сутки. Большинство бѣдныхъ ѣстъ только разъ въ день, черезъ день и даже черезъ двое сутокъ. (G. de Beaumont). Кромѣ трехъ милліоновъ бѣдняковъ, умирающихъ болѣе или менѣе быстрою голодною смертью, множество другихъ несчастныхъ не живутъ, а прозябаютъ въ грязи, зловоніи, скотствѣ, нарождая чахоточныхъ пидіотовъ. Чѣмъ сильнѣе смертность, тѣмъ болѣе плодятся ирландцы, какъ-будто смертью хотятъ побѣдить смерть.

Ирландія — страна щедро надѣленная природой; почва превосходная, климатъ здоровый. Рабочее населеніе отличается трудолюбіемъ, — а между тѣмъ находится въ самомъ отчаянномъ положеніи. Отчего? Оттого, что ирландцы, какъ рабы, работаютъ не на себя, а на англичанъ, на своихъ господъ-землевладѣльцевъ и на духовенство. Все, что производитъ Ирландія, увозится въ Англию, тамъ продается и расходуется. По вычисленію Нортонна, изъ суммы ежегоднаго производства на долю ирландцевъ приходится только 7 или 8 коп. въ сутки на человѣка, и то при равномъ раздѣлѣ.

Шотландія, по своей нищетѣ, — сестра Ирландіи. Тамъ рабочій народъ дошелъ тоже до безнадежнаго и скотскаго состоянія и пьянствуетъ еще болѣе ирландцевъ; изъ 6 человѣкъ — одинъ горькій пьяница. Было время, когда Шотландія славилась красотой своего населенія; теперь же, подъ губительнымъ

вліяніемъ нищеты, горя и страданій, жители оставляютъ поля и горы и чахнутъ въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Участъ земледѣльца еще хуже: безъ поземельной собственности и пріюта, онъ идетъ въ кабалу въ любому арендатору, лишь бы не умереть съ голода. Аристократія, захватившая въ свои руки землю, природное достояніе бѣдныхъ пахарей, безжалостно лишила ихъ свободы, независимаго труда и куска хлѣба.

Мы коснулись вопроса о поземельной собственности. — Замѣтимъ вкратцѣ, что въ Европѣ, гдѣ все такъ мудро устроено, этотъ роковой вопросъ разрѣшается, въ теоріи и на практикѣ, отрицаніемъ всякаго здраваго и нравственнаго смысла. Съ одной стороны, теорія собственности, какую проповѣдуютъ экономисты и политики, освѣщаетъ безусловное право владѣнія; а съ другой — практика признаетъ насильственное лишеніе частной собственности (expropriation) непремѣннымъ закономъ общественной жизни!

Это явное противорѣчіе неудержимо увлекаетъ западную Европу къ государственному коммунизму, и увлекаетъ ее тѣмъ быстрее, чѣмъ сильнѣе развивается нищета рабочихъ классовъ и заявляется желаніе облегчить ихъ участь путемъ законодательныхъ реформъ. Въ Англіи, напримѣръ, идетъ теперь борьба за всеобщую, поголовную подачу голосовъ; эта борьба кончится, безъ сомнѣнія, торжествомъ радикальной партіи; аристократія принуждена будетъ отказаться, во имя государственной пользы, отъ своихъ феодальныхъ, нелѣпыхъ правъ и поземельнаго монополя. Начнется раздѣлъ и мелочная распродажа громаднхъ аристократическихъ имѣній, и Англія, по примѣру Франціи, не замедлитъ объявить себя сперва мѣщанской республикой, а потомъ обратится въ коммунистическую имперію. Таковъ законъ прогресса на благодатномъ Западѣ, и этотъ законъ пишетъ сама исторія.

Какъ мы уже сказали, тридцать тысячъ аристократовъ располагаютъ судьбою всего земледѣльческаго населенія Англіи; они довели его до крайней нищеты и заставили искать спасенія въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, гдѣ рабочему если и не лучше, то и не хуже, чѣмъ въ полѣ.

Посмотримъ, что дѣлается во Франціи.

Тамъ нѣтъ поземельнаго монополя, нѣтъ такихъ обширныхъ помѣстій, какъ въ Англіи. Напротивъ того, земля во Франціи

раздроблена на самые мелкіе участки и составляетъ собственность 25¹/₂ милліоновъ жителей; слѣдовательно болѣе 68 процентовъ населенія страны надѣлено землей.

При такомъ распредѣленіи поземельной собственности, слѣдуетъ, кажется, полагать, что масса французскаго народа не можетъ жаловаться на свое независимое, обеспеченное положеніе. Что же, однако, оказывается? Послѣ всевозможныхъ революцій, поземельная собственность — чистая иллюзія для французовъ. На 25¹/₂ милліоновъ землевладѣльческаго населенія считается только 250,000 (отъ 65 до 80 тысячъ семействъ) богатыхъ или зажиточныхъ собственниковъ. Затѣмъ, средней годовой доходъ съ земли для 5 милліоновъ жит., имѣющихъ собственность, не превышаетъ 170 франковъ (42¹/₂ рубл.). Наконецъ, болѣе двадцати милліоновъ землевладѣльцевъ получаютъ въ общемъ итогъ всего 16¹/₂ фр. (4 р. 12 к.) годового дохода на человѣка. Полагая даже на каждое семейство по 4 чел. (отца, мать и двухъ дѣтей), мы приходимъ, тѣмъ не менѣе, къ тому неизбѣжному заключенію, что во Франціи до пяти милліоновъ семействъ, владѣющихъ землей, должны питаться сельскимъ воздухомъ или жить работой по найму.

На поземельной собственности лежитъ ипотечный долгъ въ 10 милліардовъ франковъ (2,500 милліоновъ рубл.); слѣдовательно, бѣдному собственнику, который платитъ подати и откупается отъ военной службы, приходится еще работать на своихъ кредиторовъ; иначе онъ лишится и того призрака, который называетъ своей землицей. 66 франковъ въ годъ на семейство изъ 4 человѣкъ! Возможно ли существовать многочисленному классу собственниковъ при такой нищетѣ? Конечно нельзя, и потому земледѣльцы бѣгутъ изъ деревень искать работы въ городахъ. Но лучше ли имъ тамъ?

Недавно министръ народнаго просвѣщенія, г. Дюрюи, въ своемъ докладѣ Наполеону III, наивно замѣтилъ, что сельское населеніе поступаетъ очень благоразумно, когда рѣшается покидать деревни и выселяется въ города. «На что тутъ жаловаться? говорить онъ. — Въ городѣ земледѣлецъ находитъ менѣе тяжелое занятіе; притомъ ему открываются двери больницъ, разныхъ богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій; въ городѣ, наконецъ, его иногда избавляютъ отъ прямыхъ налоговъ, а дѣтей его сажаютъ въ пріюты».

Такъ рассуждаетъ одинъ изъ самыхъ либеральныхъ и мод-

ныхъ министровъ второй французской имперіи; чего же ожидать отъ прочихъ мудрецовъ!

Кромѣ 20 милліоновъ пролетаріевъ поземельной собственности, во Франціи числятся еще около 3,300,000 наемныхъ сельскихъ работниковъ, которые не имѣютъ и клочка собственной земли. Положеніе этихъ несчастныхъ несравненно хуже рабскаго: рабы не умираютъ съ голода: ихъ кормятъ, по крайней мѣрѣ, какъ домашнюю скотину, а наемнику даютъ только такую задѣльную плату, которая бы напоминала ему, во снѣ и на яву, о близости голодной смерти.

Городское рабочее населеніе Франціи получаетъ, среднимъ числомъ, 1 фр. 40 сант. (35 коп.) въ сутки на человѣка; это вычисленіе официальной статистика г. Легоа; другіе понижаютъ среднюю заработную плату до 1 фр. 10 сант. Можетъ ли семейный рабочій существовать въ городѣ, гдѣ обыкновенно все дорого, даже за 1 фр. 40 сант? Можетъ ли онъ, притомъ, всегда рассчитывать на этотъ ничтожный заработокъ? — Это вопросъ жизни и смерти для бѣднаго рабочаго, вопросъ, котораго не задаютъ себѣ филантропы, потому что они сыты, а сытые голодныхъ не понимаютъ.

У работника одна забота—была бы у него работа. Но дѣло въ томъ, что она—случайная находка для наемниковъ; конкуренція ставитъ ихъ въ такое положеніе, что они не могутъ найти столько хозяевъ, сколько хотятъ. Хозяину нуженъ одинъ рабочій, а являются трое. Сколько ты просишь? спрашиваетъ онъ перваго.—Два франка; я семейный—у меня жена и дѣти.—Хорошо. А тебѣ сколько надо? говоритъ наниматель другому работнику.—Полтора франка; хотя я женатъ, но безъ дѣтей.—Прекрасно. А ты сколько хочешь? обращается онъ къ послѣднему.—Я холостой—и мнѣ довольно одного франка.—Ну, такъ за тобой и работа! отвѣчаетъ хозяинъ. Дѣло рѣшено: работа, какъ товаръ, куплена съ торгу по самой дешевой цѣнѣ и по всѣмъ правиламъ политической экономіи. Одинъ изъ трехъ рабочихъ нанятъ: что же станутъ дѣлать два остальные? Конечно будутъ голодать, въ ожиданіи работы. А если имъ вздумается воровать! Не бойтесь: на то есть полиція.

Императоръ Наполеонъ III говоритъ: «Въ настоящее время вознагражденіе за трудъ предоставлено произволу случая или насилія. Рабочіе живутъ, какъ илоты среди сибаритовъ. У рабочаго народа нѣтъ ничего; руки — все его богатство; эти

рукамъ надо дать полезное занятіе. Теперь работникъ бунтуетъ, потому что его притѣсняютъ. Бѣдность тогда лишь перестанетъ возмущаться, когда богатство не будетъ болѣе угнетать ее.» (Louis Napoléon. Extinction du paupérisme. T. II.).

По вычисленію г. Тьера, шестая часть населенія Франціи, то есть болѣе шести милліоновъ, находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что должна существовать подаяніемъ. Между тѣмъ число несчастныхъ, получающихъ законное пособіе, не превышаетъ трехъ милліоновъ, и потому частная милостыня дѣлается социальной необходимостью. Кромѣ раздачи пособія въ натурѣ разными съѣтными припасами, администрація расходуетъ на бѣдныхъ ежегодно до 120 милліоновъ франковъ, т. е. по 40 фр. на человѣка. Такимъ образомъ, официально бѣдняку приходится существовать на 11 сантимовъ (2¹/₂ коп.) въ сутки! Полиція признаетъ это пособіе совершенно достаточнымъ и потому строго преслѣдуетъ тѣхъ недозвольныхъ, которые осмѣливаются рассчитывать на милосердіе проходящихъ.

Въ богатомъ Парижѣ официальные бѣдняки довольствуются еще меньшимъ пособіемъ, чѣмъ ихъ братья въ другихъ городахъ: на долю каждаго злочестнаго парижанина, пощавшаго въ списокъ питомцевъ благотворительныхъ бюро (bureaux de bienfaisance), достается, среднимъ числомъ, отъ 8 до 9 сантимовъ въ сутки. Такое денежное пособіе получаютъ 116,000 чел. Въ Парижѣ, гдѣ такъ дороги квартиры, около 11,000 семействъ не въ состояніи заплатить за наемъ ихъ болѣе 100 фр. въ годъ; 20,000 семействъ платятъ отъ 100 до 200 фр. Какія квартиры можно имѣть за подобныя цѣны — рѣшительно нельзя вообразить: ихъ нужно видѣть своими глазами, чтобы убѣдиться въ справедливости французской поговорки: «нѣтъ ничего невозможнаго для француза». Дѣйствительно, кто видѣлъ, какъ живутъ парижскіе бѣдняки въ грязныхъ, душливыхъ норахъ и чердакахъ, безъ оконъ и печей, тотъ значитъ видѣлъ нищету во всей ея прелесть, а француза — въ его неподражаемой стойкости среди самыхъ ужасныхъ лишеній.

Въ нищетѣ и развратѣ Парижъ нисколько не уступаетъ Лондону. Цѣлые кварталы населены жалкими бѣдняками и публичными женщинами. На 100 рожденій считается 33 выбранныхъ. Изъ общаго числа умирающихъ, одна треть хорошеетъ на счетъ городскихъ суммъ, а четверть умираетъ въ больницахъ.

248783.

Не менѣе поразительна нищета и въ другихъ городахъ Франціи. Въ Троа, напримѣръ, изъ 9,000 рабочихъ болѣе половины числятся официальными бѣдняками и получаютъ пособіе; въ С.-Кентенѣ, Лиможѣ, Руанѣ и прочихъ мануфактурныхъ городахъ эта пропорція бѣдныхъ еще значительнѣе.

Вообще состояніе Франціи весьма плачевно, не смотря на все усердіе префектовъ и бдительность полиціи, которая никакъ не можетъ запугать нищету и помѣшать ей развиваться. Тамъ, гдѣ нищета, завѣдомо полиціи, пожираетъ шестую часть населенія, гдѣ бродитъ безъ куска хлѣба и пристанища до 300,000 несчастныхъ, гдѣ свыше миліона незаконнорожденныхъ и до 150,000 ежегодныхъ подкидышей, гдѣ 60,000 каторжныхъ и 30,000 умалишенныхъ, гдѣ отчаянный развратъ и преступленіе прососали всѣ слои общества, — тамъ ему остается только разлагаться и догнивать, безъ надежды на воскресеніе.

Да не подумаетъ читатель, что мы исключаемъ нѣмцевъ изъ числа народовъ, поставленныхъ въ самое неблагоприятное положеніе передъ экономической задачей XIX вѣка. И въ Германіи чувствуется та же гниль, хотя и съ особеннымъ запахомъ прогорѣлаго пива и сквернаго табаку. Даже самѣмъ нѣмцамъ до того уже противенъ «дымъ отечества», что они толпами бѣгутъ и выселяются въ Америку, Австралію или на мысъ Доброй Надежды. Бѣжить, разумѣется, самое бѣдное, но здоровое сословіе рабочихъ.

Выселеніе нѣмцевъ, усиливаясь съ году на годъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что нищета съ цивилизованнымъ рабствомъ свирѣпствуютъ въ Германіи не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Докторы и профессоры «Staats-und Polizei-Wissenschaften» безъ усталы копаются въ пылхъ библіотекъ, отыскиваютъ въ исторіи Китая, Египта, Ассиріи и Вавилона самые недѣльные законы противъ нищеты, выдаютъ ихъ за свои собственные проекты и предлагаютъ властямъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Ученость, особенно профессорская, непризнающая здраваго смысла, — въ большемъ почетѣ у нѣмцевъ. Что ни скажетъ какой нибудь Herr Doctor Esel — скажетъ ли онъ глупость за кружкой пива или съ кафедры — все запишется, все напечатается, расхвалится и навсегда засядетъ въ мозгу его соотечественниковъ, какъ аксіома или мудрая поговорка. Полиція въ Германіи не выдумываетъ сама ничего, а только пользуется лекціями и сочиненіями ученыхъ специали-

стовъ, которые изучили законы Дракона и разныхъ фараоновъ. До сихъ поръ эти ученые не нашли другихъ средствъ противъ нищеты, кромѣ преслѣдованія и наказанія нищихъ, а потому полиція во всей Германіи дѣятельно преслѣдуетъ и строго наказываетъ всякаго бѣдняка, который изъ страха голодной смерти проситъ подаванія. Въ Мюнхенѣ, напримѣръ, каждую недѣлю хватаютъ 2,600 нищихъ только за то, что они полагаются на христіанское милосердіе своихъ ближнихъ. Въ Дрезденѣ, Гамбургѣ, Баденѣ печатаютъ катехизисы, въ которыхъ внушается гражданамъ преслѣдовать нищенство, какъ преступленіе противъ общества. Между тѣмъ число нищихъ размножается повсюду въ такой степени, что городскія и земскія власти принуждены усиливать штаты полиціи и раздавать пособіе бѣднякамъ, которые протягиваютъ руку полицейскимъ сыщикамъ. Въ Гамбургѣ, гдѣ болѣе развита нищета, полиція кормитъ одного изъ 13 жителей; въ Баденскомъ и Вюртембергскомъ герцогствахъ — одного изъ 20; въ Саксоніи, Баваріи, Ганноверѣ — тоже. Въ Австріи считается болѣе 1,500,000 бѣдныхъ, получающихъ законное пособіе, а въ Пруссіи — до 700,000, т. е. одинъ изъ 26 жителей признается официальнымъ нищимъ.

ГЛАВА II.

Безвыходная нищета и конецъ цивилизаціи.

Съ XVI столѣтія до половины XVII, въ западной Европѣ господствовали вопросы религіозные, поднятые реформою Лютера и Кальвина. Эти вопросы произвели огромный переворотъ въ тогдашнихъ обществахъ: они разшевелили массы и породили длинный рядъ гражданскихъ и международныхъ войнъ, продолжавшихся до конца тридцатилѣтней войны. Затѣмъ, послѣ Вестфальскаго мира, въ Европѣ начинаютъ преобладать вопросы политическіе. Англійская революція, царствованіе Людовика XIV, его завоевательныя войны и система централизаціи, основаніе Прусскаго королевства, войны Фридриха II, отпаденіе Американскихъ штатовъ, наконецъ Французская революція и уничтоженіе феодальнаго права — вотъ самые замѣчательные факты этого періода, въ которомъ жили Монтескьё и Руссо, давшіе начало двумъ политическимъ теоріямъ — аристо-

кратической и демократической. Съ конца XVIII столѣтія жизнь европейскіхъ обществъ получаетъ другой смыслъ и направленіе. Политическіе вопросы теряютъ прежнее свое значеніе и уступаютъ мѣсто экономическимъ. Каждому вѣку своя задача: историческая задача нашего вѣка состоитъ въ томъ, чтобы улучшить матеріальное состояніе народа, избавляя его отъ нищеты и невѣжества.

Нищета — бичъ народовъ.

Нищета бичевала древній міръ и утопила его въ крови рабовъ. Нищета бичуетъ и современную Европу и заставляетъ ее испытывать революціи и войны. Какъ видно, нищету нельзя усыпить баснями цивилизаціи. Кормись и корми иль ум и рай! кричитъ зловѣщая, неутолимая и безстрашная нищета, и народы повинуются ей голосу, какъ закону самой природы.

Первый и послѣдній, неотмѣнимый вопросъ исторіи — вопросъ народнаго пропитанія. Кто хочетъ понять смыслъ историческихъ событій и разгадать тайну горькой жизни и жалкой смерти народовъ, тотъ долженъ узнать, какъ разрѣшался этотъ вопросъ въ древніи и новыя времена. Въ этомъ отношеніи, современная цивилизація немногимъ отличается отъ древняго рабства: какъ прежде, такъ и теперь, вопросъ народнаго пропитанія остается первѣнственнымъ, и потому нищета одинаково гложетъ народы во вѣки вѣковъ. Какъ прежде, такъ и теперь, война и насильственная смерть — удѣлъ народовъ, осужденныхъ природой на разрѣшеніе задачи нищеты.

«Хлѣба и зрѣлищъ!» — (Panem et circenses) — кричали римскіе пролетаріи въ славныя времена республики и имперіи.

«Хлѣба или свинца!» (Du pain ou du plomb) — кричатъ французскіе работники, и крику ихъ вторить все рабочее населеніе Европы.

Въ языческой римской имперіи, со временъ Цезаря, была заведена бесплатная раздача хлѣба бѣднымъ плебеямъ. Изъ числа 450,000 жителей Рима, — 320,000 чел., почти три четверти городского населенія питалось даровымъ хлѣбомъ. Въ столицѣ имперіи были постоянные запасы продовольствія, и нѣкоторые императоры приказывали раздавать бѣднымъ, кромѣ хлѣба, вино и овощи.

Въ христіанской Европѣ бѣдныхъ никогда такъ не кормили, какъ въ древнемъ Римѣ. Въ средніе вѣка нищая братья, таканась по монастырямъ, выпрашивала куски хлѣба во имя Хри-

ста. Прошли темныя средніе вѣка, озарилась Европа свѣтомъ цивилизаціи, нищихъ стали преслѣдовать, а милостыня сдѣлалась полицейскимъ правомъ. За исключеніемъ Испаніи и Папской области, на Западѣ нельзя уже публично просить подаянія; тамъ нищій какъ-будто оскорбляетъ полицію, не довѣряя ей челоуѣколюбію! На содержаніе бѣдныхъ взимается особая подать, которая обыкновенно не входитъ въ роспись общихъ государственныхъ налоговъ, а въ число городскихъ и земскихъ повинностей. Какъ ни велика эта подать въ нѣкоторыхъ странахъ, тѣмъ не менѣе она не въ состояніи облегчить участи бѣднаго и самаго многочисленнаго класса рабочихъ. Не говори уже о томъ, что большинство бѣдныхъ лишено всякаго пособія и даже права на трудъ или на нищенство, официальная милостыня разоряетъ только общество и нисколько не ослабляетъ нищеты. Вотъ почему статистики-экономисты, при всей христіанской любви къ ближнему, единогласно утверждаютъ, что подаяніе бѣднымъ — общественное зло и зло опасное. Они говорятъ: «искоренять нищету состраданіемъ и милосердіемъ все равно, что тушить пожаръ масломъ или спиртомъ».

Послѣ всевозможныхъ разсужденій о нищетѣ, какъ неизбежномъ явленіи, послѣ разныхъ бесполезныхъ выдумокъ и нелѣпныхъ полумѣрѣ, наконецъ, пришли къ тому убѣжденію, что только сами нищіе могутъ помочь своему горю и улучшить свое положеніе. Но каковыя образомъ? «Пусть бѣдные рабочіе берутъ примѣръ съ богатыхъ капиталистовъ и, собирая свои гроши, составляютъ акціонерныя общества». Такъ разсуждали современные мудрецы, и общество, слушая ихъ, рукоплескало.

Всякая мысль, дурная и хорошая, непременно осуществляется на дѣлѣ и рано или поздно, такъ или иначе, доказываетъ свое практическое значеніе для общества. Этого мало: нѣтъ той идеи, которая въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни не дѣлалась бы предметомъ наглой спекуляціи, гнуснаго обмана и шарлатанства.

Такъ случилось и съ идеей «рабочихъ ассоціацій»: ловкіе, практическіе люди уже обратили ея въ орудіе эксплуатаціи тѣхъ же самыхъ бѣдняковъ, которые видѣли въ ней залогъ своего спасенія. Стоить только узнать, какіе господа громче всѣхъ кричатъ и больше другихъ заботятся теперь объ устройствѣ «народныхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, обществъ взаимнаго кредита» и всякихъ «рабочихъ ассоціацій», чтобы

угадать заранѣе, къ чему приведетъ это современное направленіе филантропіи. Мы замѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи идея рабочихъ ассоціацій болѣе всего занимаетъ и увлекаетъ не работниковъ, а ростовщиковъ, спекуляторовъ, банкировъ изъ евреевъ, адвокатовъ, извѣстнаго сорта экономистовъ, литераторовъ и наемныхъ писакъ продажныхъ газетъ и журналовъ. Они-то и сочиняютъ разные заманчивые проекты и уставы этихъ ассоціацій; они-то и печатаютъ безпрестанно экономическіе катехизисы, поученія, посланія и увѣщанія рабочимъ, чтобы наставить ихъ на путь лжи и возбудить въ нихъ страсть къ барышничеству. Такимъ проповѣдникамъ, разумѣется, знакомы всѣ тайны лихоимства; они умѣютъ искусно пользоваться невѣжествомъ толпы и понимаютъ, что распространеніе разныхъ ассоціацій, подъ вымышленнымъ названіемъ «рабочихъ», принесетъ имъ очевидную пользу. Эти общества учреждаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ акціонерныя компаніи, т. е. съ расчетомъ на барыши. Общественная экономія не терпитъ тѣхъ произвольныхъ соображеній и расчетовъ, на которыхъ основаны «рабочія ассоціаціи». — Въ этихъ лихоимствующихъ обществахъ нѣтъ правды: каждая изъ нихъ заботится о своей частной выгодѣ и старается поминутно больше брать, чѣмъ давать. Это житейское правило противно основному закону общественной экономіи, въ силу котораго общество можетъ прожить только то, что заработало. Приходъ равенъ расходу — вотъ экономическій законъ и неизмѣнная формула общественной жизни. Обойти или отмѣнить этотъ законъ общество не можетъ; оно должно подчиниться ему или, нарушая его, казниться нищетой и разлагаться въ банкротствѣ. Такова, дѣйствительно, участь всякаго общества, не признающаго формулы своей жизни.

Нескоро еще люди убѣдятся въ той истинѣ, что уравненіе прихода съ расходомъ составляетъ непремѣнное условіе ихъ благосостоянія и спокойствія. Нескоро они поймутъ еще, что общество незримо управляется своими естественными законами, которые караютъ его за всякую экономическую неправду. Вотъ почему нескоро перестанутъ они жаловаться на нищету и разореніе; нескоро перестанутъ и ухудшать своего жалкаго состоянія разными выдумками, въ родѣ ассоціацій.

Возможно меньше давай и какъ можно больше

получай. — На этомъ расчетѣ основана вся экономическая несправедливость.

Сколько даешь, столько и бери, ни больше, ни меньше. — На этомъ законѣ основана вся правда общественной экономіи, которая доказываетъ, что въ народномъ хозяйствѣ нѣтъ чистаго дохода, а одинъ только валовой.

Какъ же наука доказываетъ эту истину?

Она говоритъ: безъ труда нѣтъ богатства; одинъ только трудъ своими произведеніями удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ нуждамъ, желаніямъ и прихотямъ. И такъ, если трудъ все оцѣнивается, все оплачивается, то и самъ онъ долженъ цѣниться и сполна оплачиваться.

Основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, говоритъ: «каждая продажная вещь — произведеніе труда; настоящая ея цѣна опредѣляется расходами на производство (т. е. рабочей платой). Вотъ почему каждый работникъ имѣетъ право требовать и получать въ обмѣнъ за свое издѣліе (to command) такое количество другихъ вещей, какое можно приготовить въ то же время и съ тѣми же издержками». Выражаясь проще, задѣльная плата должна давать работнику возможность выкупать ту вещь, которую онъ сработалъ, или покупать вещи ей равноцѣнныя. Только при этомъ условіи трудъ сполна оплачивается и становится производительнымъ для работника.

И такъ, наука приводитъ насъ къ тому безспорному выводу, что въ экономіи общества нѣтъ барыша, нѣтъ чистаго дохода, а одинъ только валовой, который опредѣляется настоящей цѣною всѣхъ произведеній труда и равняется общему расходу на всѣ работы, то есть настоящей платѣ, которую долженъ получать весь рабочій классъ. Поэтому въ каждой странѣ цѣнность ежегоднаго производства должна равняться суммѣ всѣхъ расходовъ на плату рабочимъ. Если страна производитъ, положимъ на 5,000 милліоновъ рубл. земледѣльческихъ, заводскихъ и мануфактурныхъ товаровъ, то рабочій классъ долженъ получить сполна эту сумму въ видѣ заработной платы. Въ противномъ случаѣ нарушается уравненіе производства съ потребленіемъ и страна неизбежно нищаетъ.

Чѣмъ страна богаче, тѣмъ болѣе она страдаетъ отъ нищеты. Это поразительное и нелѣпое явленіе представляетъ намъ западная Европа съ ея феодальнымъ политико-экономическимъ устройствомъ. Промышленный и торговый феодализмъ — вотъ

отличительная черта современного прогресса и очевидный признак разложения западных государств. Чудовищное развитие непродуцирующей спекуляции, биржевой игры и банкротства, монополия системы банковъ и акціонерныхъ компаній, уничтоженіе самостоятельнаго труда и размноженіе класса наемниковъ; непомѣрное возрастаніе государственныхъ бюджетовъ и долговъ, постоянство кризисовъ въ промышленности и торговлѣ, дороговизна жизни, неувѣренность въ настоящемъ и страхъ будущаго — вотъ краткій перечень тѣхъ общественныхъ золъ, тѣхъ неизлѣчимыхъ болѣзней, которыми страдаетъ западная Европа.

Право сильного, право феодальное господствуетъ въ нравахъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ старой Европы. Современные бароны и рыцари отличаются отъ средневѣковыхъ только тѣмъ, что не живутъ въ укрѣпленныхъ замкахъ, не одѣваются съ головы до ногъ въ желѣзную броню и не вывзаютъ съ копьемъ и мечомъ разбойничать на большихъ дорогахъ. Дряблые и трусливые буржуа, представители нынѣшняго феодализма, не ведутъ такого образа жизни, для котораго нужна, конечно, физическая сила и личная храбрость. И зачѣмъ, притомъ, станутъ они подражать прежнимъ феодаламъ, когда имѣютъ полную возможность заявлять свою силу не въ рукопашномъ бою, не на поединкахъ и турнирахъ, а на промышленной и торговой аренѣ! Зачѣмъ будутъ они строить замки на неприступныхъ горахъ и окапывать ихъ глубокими рвами, когда могутъ жить безопасно въ городахъ и селахъ, подъ защитою полиціи! Зачѣмъ станутъ они дѣлать набѣги и грабить вооруженною рукою, когда биржевая игра, торговая спекуляція, монополия и лихоимство даютъ столько поживы?!

Безъ сомнѣнія, бароны и рыцари биржи и рынка несравненно умнѣе старыхъ феодаловъ, потому что умѣютъ лучше ихъ пользоваться правомъ сильного. Кромѣ исключительныхъ, весьма рѣдкихъ случаевъ, они не прибѣгаютъ къ явному и грубому насилію...

Современный феодализмъ Европы называется «филантропией», и нельзя не сознаться, что это названіе отчасти основательно. Сословіе рабочихъ, по своему низкому развитію и отчаянной тупости, составляетъ такое стадо двуногихъ, которое ищетъ только дешеваго корма, а объ остальномъ мало

заботится. Наняться въ работу и найти «добраго» хозяина — вотъ и все желаніе работника.

«Мука — всему наука», гоноритъ народная пословица. Рабочій на Западѣ ничему не учился, ничего не знаетъ по книгамъ, это правда; но, взявши того, онъ извѣдалъ цивилизацію на опытѣ, помнитъ еще старыя уроки, а главное, знаетъ, какъ работаетъ и какъ покупается его работа. Равнодушно смотритъ онъ на борьбу политическихъ партій и стоитъ особнякомъ, не сближаясь съ образованными классами общества и не раздѣляя ихъ радостей и печалей. Работа, одна лишь работа съ кускомъ насущнаго хлѣба занимаетъ его и заставляетъ забывать весь цивилизованный міръ. За работу рабочій готовъ всегда продать себя на день, на два, на недѣлю, на мѣсяць, на годъ, на всю жизнь; за работу онъ готовъ стать рабочимъ и отказаться отъ всякихъ политическихъ и другихъ ненужныхъ правъ, которыя не обезпечиваютъ его существованія, не спасаютъ отъ голода и холода. Рабство не можетъ пугать современнаго работника, потому что свобода труда, которой его наградили, хуже рабства.

Нищету нельзя извести ни добротнымъ или полицейскимъ подаваніемъ, ни страхомъ наказанія, ни выселеніемъ или изгнаніемъ бѣдныхъ. Противъ этой язвы, проѣвшей насквозь современнаго общества, безсилна даже и смерть; чѣмъ болѣе умираетъ нищихъ, тѣмъ болѣе ихъ нарождается. Одно поколѣніе быстро смѣняетъ другое и, не достигая зрѣлаго возраста, сходитъ въ могилу, завѣщая новому поколѣнію всѣ старыя, наследственныя болѣзни и неизлѣчимую нищету. И вотъ плодится и размножается порода не людей, а какихъ то особенныхъ существъ — чахлахъ, уродливыхъ, съ бессмысленнымъ и звѣрскимъ выраженіемъ лица. Эта безобразная порода дикарей, лишенная физическаго и умственнаго развитія, составляетъ многочисленный классъ наемныхъ рабочихъ, которые называются свободными гражданами и пользуются правомъ продавать свой трудъ по вольной цѣнѣ. Но дешево цѣнится наемная работа; конкуренція самихъ рабочихъ низводитъ задѣльную плату до такого уровня, ниже котораго животное ихъ существованіе становится невозможнымъ. Жизнь не мила пролетарію, но въ немъ не угасаетъ, однако, чувство самосохраненія, и какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и онъ за кусокъ хлѣба работаетъ, работаетъ выше силъ своихъ, до изнеможенія и смерти. Въ этой отчаянной привязанности къ жизни есть что-то

печеловѣческое, безумное и даже возмутительное, что-то больно поражающее мозгъ и сердце мыслящаго человѣка. Такая упорная борьба и за такую жалкую жизнь свойственна только скотамъ и звѣрямъ! «Двухъ смертей не бываетъ, одной не имѣвать» — этой пословицы не придумаетъ никогда пролетарій, который постоянно гоняется за призракомъ жизни и умираетъ рядомъ смертей, въ непрерывныхъ предсмертныхъ судорогахъ.

«Илоты среди сибаритовъ!» говоритъ Наполеонъ III, указывая на положеніе бѣдныхъ въ западной Европѣ.

«Варвары и дикари среди образованныхъ!» говоритъ англійскій историкъ Карлейль, указывая на рабочихъ, доведенныхъ до нищеты и скотскаго состоянія. — Готы, вандалы и гунны наводнили римскую имперію и рушили ее. Европѣ не зачѣмъ ждать нашествія подобныхъ варваровъ: они не придутъ издалека, чтобы мечомъ и огнемъ уничтожить въ концѣ цивилизацію. Нѣтъ, не вдали отъ насъ, а съ нами вмѣстѣ, въ нашихъ богатыхъ промышленныхъ городахъ и селахъ живутъ тѣ самые варвары, которые поминутно угрожаютъ сорвать и разметать плоды старой цивилизаціи. Эти дорогіе плоды не по вкусу дикарей современной Европы!

Никакія политическія реформы и конституціи не спасутъ Европы отъ гражданскихъ войнъ и переворотовъ, которыми угрожаетъ ей безвыходное положеніе рабочаго населенія.

Лѣпная работа цивилизаціи разваливается по кускамъ. Другими словами: Европа прогрессивно впадаетъ въ варварство и коммунизмъ, въ которомъ должна исчезнуть личная свобода и независимость.

Передовые люди западнаго прогресса и народные вожаки, конечно, не видятъ этой пропасти: они смотрятъ назадъ, а не впередъ и не подъ-ноги. Вотъ почему имъ придется провалиться первымъ, а за ними провалится и все стадо.

ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТЪ

БЕЗЪ

ДЕНЕГЪ.

«Деньги играютъ большую роль только въ глазахъ людей отсталыхъ».

«Чѣмъ страна болѣе развита, тѣмъ менѣе нужны ей деньги».

Исаакъ Перейра.

ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТЪ БЕЗЪ ДЕНЕГЪ.

I.

Деньги, деньги, кто васъ не любитъ?!

Да, болѣе всего мы любимъ деньги, настоящія деньги, т. е. звонкую монету, золотую и серебряную. Мало того: мы любимъ золото и серебро не только какъ деньги, на которыя можно купить что угодно, но какъ кумиръ, достойный страстнаго обожанія. Сундукъ, наполненный золотомъ, повергаетъ насъ въ одъшевѣнне, наводитъ какой-то благоговѣйный ужасъ и заставляетъ преклониться... и мы преклоняемся невольно, готовые молиться, какъ нѣкогда молились евреи передъ золотымъ тельцомъ. Для насъ золото—символь богатства, власти, славы и счастія; вотъ почему мы и любимъ его такъ платонически и обожаемъ, какъ идола. Для капиталиста и купца, кромѣ того, золото и серебро представляютъ жизнь, разумъ и добродѣтель торговли. Одни только экономисты называютъ благородные металлы товарами и считаютъ ихъ нисколько не выше дѣгтя, сала, пеньки и всякаго другого продукта. Какая страшная профанация!

Допустимъ даже, что деньги — товаръ; все-таки это товаръ не простой, а благородный, — такой товаръ, который служитъ образцовою мѣрой для всѣхъ остальныхъ произведеній труда и остается вездѣ незамѣнимымъ орудіемъ торговли. Отъ денегъ зависитъ производство, потребление и обращеніе всѣхъ товаровъ и цѣнностей вообще. Съ деньгами все идетъ хорошо; а при безденежьи—работы замедляются, кредитъ падаетъ, предприятия лопаются, потребление уменьшается, и купцы не знаютъ, куда дѣваться съ товарами. Въ общественной экономіи обращеніе звонкой монеты имѣетъ по се время такое же значеніе, какъ обращеніе крови въ тѣлѣ чловѣка. Безденежье такъ же губительно дѣйствуетъ на экономическую жизнь общества, какъ

и малокровіе на здоровье человѣка. Отъ неправильнаго кровообращенія нашъ организмъ сильно страдаетъ; когда же кровь перестаетъ вовсе обращаться, то человѣкъ неизбѣжно умираетъ. То же явленіе замѣчается и въ обществѣ, которое нуждается въ деньгахъ. При недостаткѣ звонкой монеты, когда обращеніе ея замедляется, въ обществѣ происходитъ экономическій кризисъ: кредитъ исчезаетъ, промышленность падаетъ, въ торговлѣ ощущается застой и за тѣмъ наступаетъ общая дороговизна. Купецъ отказывается продавать дешево, потому что не увѣренъ въ сбытъ, опасается потерять затраченный капиталъ и принужденъ брать дорого съ каждаго покупателя, съ цѣлью выручить побольше и застраховать себя отъ разоренія. При безденежьи исчезаетъ торговое довѣріе, проценты возвышаются и порождаютъ дороговизну. Затѣмъ общія дороговизна жизни уменьшаетъ потребленіе, а слѣдовательно и производство.

И такъ, когда въ странѣ чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, сбытъ и обращеніе товаровъ прекращаются; это фактъ, неподлежащій сомнѣнію и очевидный для каждаго купца. Что дѣлать въ такомъ положеніи? Неужели насильно гнать покупателей на рынокъ и заставлять ихъ платить за товары наличными деньгами, которыхъ нѣтъ!! Но можетъ быть, не прибѣгая къ такому дикому и нецѣльному средству противъ застоя торговли и безденежья, лучше вывозить свои товары за-границу и предлагать ихъ въ замѣнъ денегъ. А если иностранцы не нуждаются въ нашихъ товарахъ или не хотятъ платить за нихъ деньгами, что дѣлать тогда? Достать къ кредитъ? У кого? Свои капиталисты не согласятся дать денегъ: это почти навѣрное: для нихъ, при такихъ обстоятельствахъ, деньги все—и надежда, и безопасность, и увѣренность за будущее. — Но, можетъ быть, иностранцы менѣе запуганы и болѣе довѣрчивы? Правда, бывали примѣры, что иностранные капиталисты давали въ кредитъ звонкую монету за большіе проценты. Какую же особенную пользу извлекала страна отъ этого временнаго, почти минутнаго пособія? Послѣдствія извѣстны: едва только золото и серебро, пріобрѣтенныя въ кредитъ, выпускались въ обращеніе, они незамѣтно исчезали и положеніе финансовыхъ дѣлъ страны становилось еще тягостнѣе.

И такъ, ни кредитъ, ни заграничная торговля не могутъ дать денегъ, а если и дадутъ ихъ, то не дешево онѣ обойдутся. Почему? — потому что деньги не такой простой товаръ, какъ

думаютъ экономисты, а товаръ дорогой, весьма обожаемый. Деньги — товаръ идеальный и представитель всѣхъ остальныхъ товаровъ. Вотъ почему только тотъ можетъ назваться богачемъ, у кого много звонкой монеты. Дѣйствительно: кто имѣетъ только товаръ, тотъ, строго говоря, еще не богатъ; ему необходимо прежде всего сбыть, промѣнить его на деньги; онъ долженъ подчиниться всѣмъ условіямъ мѣны, условіямъ часто опаснымъ, потому что самое ничтожное, непредвидѣнное обстоятельство можетъ иногда уронить цѣну товара или совершенно лишить его сбыта. Но кто имѣетъ деньги, тотъ, напротивъ того, владѣетъ такимъ товаромъ, сбытъ котораго всегда обезпеченъ, потому что каждый нуждается въ немъ и ищетъ его. У кого есть деньги, тотъ всегда и вездѣ можетъ пріобрѣсть всѣ товары на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Денежный капиталистъ повсюду полный господинъ; деньги въ его карманѣ тоже, что козырная масть въ рукахъ игрока; а козырная двойка, какъ извѣстно, бьетъ тузовъ, королей, дамъ всѣхъ неkozyрныхъ мастей: это понятно каждому. Одни только отсталые экономисты несогласны съ общимъ убѣжденіемъ; они говорятъ: «Что за пельпость жаловаться на безденежье! Что такое золото и серебро, если не такой же товаръ, какъ хлѣбъ, вино, сукно? — Если же золото и серебро такой же товаръ, то на что жаловаться? Промѣняйте ваши товары на золото, если въ немъ нуждаетесь, или достаньте его въ кредитъ. Если бы у насъ было много товаровъ, если бы намъ вѣрнули въ кредитъ, то мы всегда имѣли бы возможность пріобрѣсти необходимое количество золота и серебра».

Короче: если бы всѣ были богаты, то никто не былъ бы бѣденъ... и экономисты были бы правы.

Экономисты часто говорятъ: «цѣна всякаго товара опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію. Чѣмъ на рынокъ товару больше, тѣмъ онъ дешевле, и наоборотъ. Но цѣна денегъ тоже зависитъ отъ ихъ количества, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ онѣ дешевле. — Слѣдовательно, на обиліе или недостатокъ денегъ слѣдуетъ смотрѣть точно такъ же, какъ на обиліе или недостатокъ всякаго другого товара, напр. пороха, устрицъ, нюхательнаго табаку и проч. Мало того: золото и серебро въ монетѣ негодны для употребленія; ихъ нельзя ни ѣсть, ни курить, а нюхать не стѣдуетъ. Поэтому гораздо лучше

вывозить золото, а взамиъ его получать изъ-за границы устрицы; чѣмъ болѣе у насъ будетъ устриць, а менѣе золота, тѣмъ для насъ полезнѣе и пріятнѣе». На этомъ забавномъ разсужденіи всѣ экономисты основали свое ученіе о слободѣ международной торговли.

Цѣна денегъ, какъ и всякаго товара вообще, опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію: въ этомъ экономисты правы. Но отсюда еще нельзя вывести заключенія, будто деньги такой же товаръ, какъ устрицы, и на этомъ выводѣ строить цѣлую теорію. Конечно, количество денегъ можетъ измѣняться и измѣняется, смотря по времени и мѣсту. Такимъ образомъ за одно и то же количество звонкой монеты можно купить то больше, то меньше другихъ товаровъ. Однако, при такомъ колебаніи цѣнъ на деньги, ихъ качество и значеніе остаются неизмѣнными. Другими словами — деньги всегда и вездѣ берутся охотно всѣми при каждой уплатѣ, при каждомъ расчетѣ, между тѣмъ какъ всякій другой товаръ могутъ и не принять. Вы покупаете у кунца, положимъ, сукно; онъ съ васъ проситъ десять рублей. Если вы дадите ему десять цѣлковыхъ, онъ возьметъ ихъ охотно; а предложите ему сто устриць, по десяти коп. за каждую, онъ откажется и прибавитъ, что ему нужны вовсе не устрицы, а деньги, на которые онъ купить что ему угодно.

Такимъ образомъ деньги, какъ посредникъ торговли, вовсе не товаръ, какимъ считаютъ его экономисты. Безъ нюхательнаго табаку, устриць, пороха и многихъ другихъ товаровъ торговля можетъ всегда существовать; но пока представителемъ всѣхъ цѣнностей остаются деньги, до тѣхъ поръ безъ нихъ она немислима.

Кому случалось наблюдать за ходомъ торговыхъ дѣлъ, тотъ безъ сомнѣнія не могъ не обратитъ вниманія на слѣдующее явленіе: какъ только, по какимъ-либо обстоятельствамъ, часть звонкой монеты выходила изъ обращенія и затѣмъ раздавалась жалоба на безденежье, то въ лавкахъ и въ магазинахъ товаръ не находилъ сбыта или раскупался очень медленно. Незбѣжными послѣдствіями такого явленія были всегда — застой въ торговлѣ, уменьшеніе потребления и пропзводства, дороговизна жизни, прекращеніе промышленныхъ предпріятій, частые случаи банкротства и ликвидаций. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ всегда подрывало общественное благосостояніе и разрѣшалось самыми опасными финансовыми кризисами.

Я знаю, что экономисты стараются объяснять подобное явленіе совершенно иначе, обвиняя во всемъ монополь и таможенную систему. Экономисты потратили вообще очень много остроумія и написали множество книгъ съ цѣлью выставить на общее посмѣяніе и поруганіе приверженцевъ запретительной системы, которые, по ихъ словамъ, были такъ глупы, что считали богатствомъ однѣ только деньги. Экономисты напрасно нападаютъ на меркантилистовъ: ихъ понятія, убѣжденія, взгляды на общественную экономію совершенно одинаковы, и меня въ этомъ никто не разубѣдитъ. Меркантилисты и отсталые экономисты — просто родные, непризнающіе своего родства... Эти братья-близнецы до сихъ поръ не понимаютъ и не узнаютъ другъ друга; вотъ причина ихъ взаимной вражды и ссоры.

II.

Меркантилисты говорятъ: деньги — богатство; если бы намъ удалось надѣлать всѣхъ деньгами, дать каждому много денегъ, то всѣ были бы богаты. И такъ, станемъ копить деньги, не позволимъ иностранцамъ вывозить ихъ изъ нашего отечества, а напротивъ того — заставимъ ихъ самихъ покупать наши товары за деньги, за настоящіе деньги. Таможни, тарифы съ высокими пошлинами на заграничныя издѣлія, запрещеніе вывоза золота и серебра — вотъ единственныя условія богатства.

— Какая нелѣпость! Какое сумасшествіе! восклицаютъ экономисты. Развѣ деньги богатство? Развѣ, отдавая иностранцамъ наши товары и получая за нихъ золото, мы можемъ быть богаты и счастливы?... Нѣтъ! — все богатство заключается въ вещахъ, идущихъ на употребленіе, а не въ деньгахъ. Если бы люди послушались меркантилистовъ и согласились на дѣлъ пріятнѣннхъ ихъ безумное ученіе, мы должны были бы вывезти всѣ наши товары за границу, а сами умереть голодной смертью на грудѣ золота. — Вотъ что значить меркантилизмъ!... А таможни и тарифы! Кто защищаетъ ихъ теперь? — Одни только монополисты, которые ставятъ всегда свои личныя выгоды выше общаго интереса; одни только люди своекорыстные могутъ отстаивать запретительную систему и желать возвышенія тарифа. Эти эгоисты не думаютъ вовсе о томъ, какой вредъ приносятъ всему обществу ихъ фабричный и заводскій монополь, и какое гибельное вліяніе имѣетъ онъ на внутреннюю и внѣшнюю тор-

говлю! Дороговизна домашнихъ издѣлій и товаровъ, дурная ихъ выдѣлка, ограниченность сбыта, застой торговыхъ дѣлъ и торговые кризисы — вотъ благодѣянiя меркантильной системы, вотъ что она можетъ сдѣлать для народнаго благосостоянiя!.. Мы уже не говоримъ о томъ, на сколько эта система можетъ поддержать международныя отношенiя и упрочить общiй миръ! Война, война и война — вотъ вся исторiя меркантильной системы!

Но довольно. — Я не стану повторять того, что наговорили экономисты противъ таможенъ, тарифовъ и запретительной системы вообще. Все это слишкомъ старо, избито и, смѣю думать, что успѣло уже надобѣсть каждому. Пора, наконецъ, и самимъ экономистамъ нѣсколько успокоиться, отказаться отъ дальнѣйшихъ нападенiй на меркантилистовъ и заключить съ ними, если не прочный миръ, то, по крайней мѣрѣ, перемирие. Худой миръ, какъ говорится, лучше доброй брани. Мало того: зачѣмъ рыцари свободной торговли стануть предпринимать новые крестовые походы противъ меркантилистовъ, если по своему убѣжденiю одержали надъ ними рѣшительную побѣду и покрыли себя неуязвимою славою въ глазахъ современниковъ и потомства?! Мы цѣнимъ доблестные подвиги этихъ рыцарей; сами удивляемся ихъ непоколебимому мужеству; но, признаться сказать: намъ больно, что они воевали противъ своихъ же родныхъ и единовѣрцевъ.

Меркантильное ученiе, какъ извѣстно, безконтрольно господствовало въ Европѣ до конца XVIII вѣка. До того времени всѣ считали его непреложною истиной. Но вотъ является сочиненiе англичанина Адама Смита «О богатствѣ народовъ», и въ школѣ меркантилистовъ происходитъ расколъ; она распадается на двѣ противныя секты — старовѣровъ и реформаторовъ, между которыми вскорѣ завязывается упорная, отчаянная война, которая тянется и до сихъ поръ. Меркантилисты-старовѣры отстаиваютъ запретительную систему, а меркантилисты-экономисты проповѣдуютъ свободу торговли и требуютъ уничтоженiя таможенъ.

Кто изъ нихъ правъ, а кто виноватъ? По моему мнѣнiю, неправы и тѣ и другiе, потому что въ сущности они защищаютъ одну и ту же меркантильную систему и спорятъ только о формѣ. Меркантилисты хотятъ удержать старое устройство таможенъ, а остальные экономисты желаютъ замѣнить его новымъ. Постараюсь объяснить это.

По убѣжденiю меркантилистовъ, все богатство заключается въ деньгахъ. Поэтому они говорятъ: «мы не должны вывозить своихъ денегъ за-границу; напротивъ того — чѣмъ болѣе станемъ получать ихъ оттуда, тѣмъ для насъ лучше».

На это экономисты справедливо замѣчаютъ: «и такъ, отдайте иностранцамъ всѣ ваши товары и умирайте голодною смертию на мѣшкахъ съ золотомъ. Того требуетъ логика вашей системы».

Это замѣчанiе экономистовъ восхитительно; оно доводитъ меркантильную систему до очевидной нелѣпности и рушитъ ее окончательно.

Разсмотримъ теперь теорiю самихъ экономистовъ и постараемся узнать, чѣмъ она отличается отъ системы меркантилистовъ.

Экономисты говорятъ: «Въ международной торговлѣ товары покупаются и продаются на товары. Деньги — тоже товаръ. Слѣдовательно привозъ всегда равноцѣненъ съ вывозомъ, все равно — будемъ-ли мы платить иностранцамъ деньгами или товарами. Мало того: звонкая монета не идетъ на употребленiе, а служитъ только орудiемъ мѣны и обращенiя товаровъ; поэтому для насъ выгоднѣе отдавать ее, чѣмъ получать. Чѣмъ меньше у насъ останется денегъ, а болѣе вещей и товаровъ, тѣмъ мы будемъ богаче.»

И такъ, теорiя экономистовъ о торговлѣ, повидимому, совершенно противоположна меркантильной системѣ. Однако, по наружности не судятъ; посмотримъ до чего должна довести насъ логика.

«Чѣмъ больше у насъ будетъ товаровъ и меньше денегъ, тѣмъ для насъ лучше». Такъ говорятъ экономисты.

И такъ, отдадимъ иностранцамъ всю нашу звонкую монету и останемся съ однѣми только вещами: мы будемъ тогда богаты, очень богаты. Зачѣмъ намъ деньги, когда намъ отъ нихъ ни тепло, ни холодно. Мы нуждаемся въ хлѣбѣ, мясѣ, сукнѣ и прочихъ товарахъ и вещахъ; съ ними мы не пропадемъ, а съ однѣми деньгами умремъ съ голода. Это вѣрно, какъ $2 + 2 = 4$.

Доводы экономистовъ, кажется, убѣдительно. Намъ остается только примѣнить ихъ на дѣлѣ или, какъ говорятъ ученые, согласить теорiю съ практикой. И такъ — вывеземъ за-границу всѣ наличныя деньги, до послѣдняго гроша, и останемся

съ одними только товарами; того требуетъ логика экономистовъ. Что же дальше?

— Мѣняйте теперь товары на товары, продавайте, покупайте, удовлетворяйте вашимъ нуждамъ и желаніямъ. Такъ говорятъ экономисты.

— Прекрасно; умныя рѣчи приятно и слушать. Но какъ, спрашивается, производить мѣну? Неужели натурою, какъ это дѣлалось въ первобытныя, допотопныя времена? Развѣ такая мѣна возможна въ современномъ обществѣ?

На этотъ основательный и неизбежный вопросъ экономистъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, такая мѣна невозможна. Представимъ себѣ общество, въ которомъ нѣтъ денегъ, и потому мѣна совершается натурою; мѣняющіеся будутъ тогда встрѣчать на каждомъ шагу неодолимые препятствія. Одинъ, положимъ, имѣетъ много холста и желалъ бы промѣнять его на хлѣбъ; но владѣлецъ хлѣба въ холстѣ не нуждается и потому мѣна состояться не можетъ. Много пройдетъ времени въ бесплодныхъ поискахъ, прежде чѣмъ найдется человѣкъ, который имѣетъ хлѣбъ и готовъ его обмѣнять на холстъ; а между тѣмъ потребление хлѣба принадлежитъ къ такимъ потребностямъ, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ отложено».

И такъ, экономистъ доказываетъ самъ, что безъ денегъ мѣна затруднительна, даже невозможна. Мало того: если у насъ не будетъ денегъ, то съ одними товарами, не имѣя возможности пустить ихъ въ обращеніе, мы можемъ умереть съ голода.

Короче, логика экономистовъ приводитъ ихъ къ тому же самому зловѣщему заключенію, какъ и меркантилистовъ. Жить обществу съ однѣми деньгами безъ товаровъ или съ одними только товарами безъ денегъ, въ обоихъ случаяхъ — нельзя. Голодная смерть — вотъ что ожидаетъ людей, если бы они согласились логически осуществить на дѣлѣ меркантильную систему или теорію свободной торговли. Сама логика доводитъ до нелѣпости (*reductio ad absurdum*) и доказываетъ весь абсолютизмъ, всю несостоятельность этихъ двухъ ученій.

Но, спросятъ меня, почему меркантилисты и экономисты неизбежно приходятъ къ одному и тому же заключенію? Между ними, кажется, нѣтъ ничего общаго: ихъ понятія, убѣжденія и взгляды на экономію общества, повидимому, даже совершенно противоположны. Къ одному и тому же заключенію могутъ

прийти только люди, которые рассуждаютъ на основаніи одного общаго принципа. Неужели меркантильная система и теорія свободной торговли построены на одномъ и томъ же принципѣ?

Дѣйствительно такъ. — Меркантилисты и рыцари свободной торговли одинаково убѣждены въ томъ, что для обмѣна товаровъ и ихъ обращенія (т. е. для торговли и кредита) необходимы деньги. Вотъ ихъ общая исходная точка, тотъ принципъ, въ силу котораго они неизбежно приходятъ къ одному и тому же заключенію и добиваются одной общей цѣли — «помѣшать вывозу денегъ за границу, сократить привозъ иностранныхъ товаровъ и произвести застой въ торговлѣ и промышленности». Для достиженія всякой цѣли могутъ быть употреблены различныя средства; поэтому и цѣль, которую преслѣдуютъ сообща меркантилисты и отсталые экономисты, достигается ими разными путями... Тутъ мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Поборники свободной торговли упрекали меркантилистовъ особенно за то, что они придавали большое значеніе деньгамъ и почитали ихъ источникомъ богатства. «Они видѣли, говорятъ экономисты, что на деньги все можно достать, что частный человѣкъ богатъ, когда имѣетъ много денегъ, и это наблюденіе надъ домашнею экономіею распространили, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и на народное хозяйство. Подъ вліяніемъ этихъ идей и развилась запретительная или таможенная система».

Экономисты всегда жестоко нападали на принципъ запретительной системы, то есть на монополь денегъ и первенствующее ихъ значеніе въ общественной экономіи. Читая трактаты о свободѣ торговли, невнимательный или доврчивый человѣкъ легко можетъ подумать, что экономисты ведутъ войну противъ денегъ и хотятъ совершенно изгнать ихъ изъ употребленія. Ничуть не бывало.

Проповѣдники свободы торгова утверждаютъ, напримѣръ, что товары мѣняются на товары. Однако, на дѣлѣ оказывается, что они не вѣрятъ истинѣ этого принципа и продолжаютъ, на голосъ меркантилистовъ, пѣть хвалебныя пѣсни въ честь денегъ, этого необходимаго, по ихъ мнѣнію, посредника торговли и незамѣнимаго, полезнаго орудія кредита.

«Деньги, говорятъ меркантилисты, а за ними всѣ экономисты, деньги — необходимый спутникъ мѣны. — Невозможность

мѣны натурою можетъ быть устранена только помощію денегъ». Что же значитъ, послѣ этого, аксіома — «товары мѣняются только на товары»? — чистая мистификація. Далѣе: восхваляя всѣ превосходныя, несравненныя достоинства денегъ, экономисты замѣчаютъ: «дорогіе металлы отличаются постоянствомъ своей цѣнности и однокачественностью; между тѣмъ всѣ другіе металлы — желѣзо, мѣдь и прочіе товары — хлѣбъ, кожи, ленъ, бываютъ качествъ разнообразныхъ и слѣдовательно, принимая ихъ, можно всегда подвергнуться потерямъ и убыткамъ». (!!) — Вотъ что говорятъ экономисты, которые совѣтуютъ намъ вывозить дорогіе металлы и промѣнивать ихъ на товары!! Вотъ что говорятъ тѣ самые экономисты, которые постоянно увѣряютъ, что звонкая монета такой же товаръ, какъ соль, пенька и хлѣбъ, а потому «мы ничего не потеряемъ, если станемъ вывозить ее и промѣнивать на заграничные товары». Какъ объяснить подобное противорѣчіе ученыхъ? Что значитъ, послѣ этого, ихъ увѣреніе, будто въ международной торговлѣ привозъ всегда равноцѣненъ вывозу, если сами же говорятъ, что, промѣнивая деньги на товары, можно всегда потерпѣть убытокъ!.. Теперь все ясно: ученіе поборниковъ свободной торговли, ихъ аксіома — привозъ равноцѣненъ съ вывозомъ — просто подлогъ, возведенный въ теорію!

И такъ, экономисты волей-неволей сами обличаютъ себя, впадаютъ въ противорѣчіе и рушатъ свою теорію. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Ложный принципъ всегда приводитъ къ недѣльнымъ заключеніямъ и заставляетъ прибѣгать къ софистикѣ. Если бы экономисты дѣйствительно желали свободы торговли и смотрѣли на деньги, какъ на простой товаръ, то конечно спасли бы себя отъ противорѣчія и непослѣдовательности... Къ сожалѣнію, преданія меркантилизма еще сильны и денежное идолопоклонство до сихъ поръ не исчезло.

«Деньги — необходимый спутникъ и орудіе мѣны; деньги — такой товаръ, цѣнность котораго мало измѣняется; за деньги каждый легко пріобрѣтаетъ все, что ему нужно; деньги — распорядитель обращенія; деньги поощряютъ людей къ бережливости; деньги создаютъ кредитъ...» Вотъ что говорятъ о деньгахъ экономисты, которые такъ издѣваются надъ меркантилистами, называя ихъ обскурантами!!

Меркантилисты и отсталые экономисты приходятъ къ одному и тому же заключенію, а именно: «торговля и кредитъ

нуждаются въ звонкой монетѣ и не могутъ безъ нея обойтись». Такимъ образомъ, несмотря на видимое несогласіе, защитники и противники таможенной системы въ сущности проповѣдуютъ одно и то же. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что одни говорятъ искренно, а другіе лицемерятъ.

III.

Нѣтъ сомнѣній: торговля должна быть свободна; того требуютъ здравый смыслъ, справедливость и право. Свобода труда и свобода торговли — понятія нераздѣльныя. Но всякая цѣль предполагаетъ средства, а потому, если мы желаемъ свободы торговли, — спрашивается: какъ осуществить эту свободу? Наши экономисты требуютъ уничтоженія таможенъ или, по крайней мѣрѣ, пониженія тарифа, уменьшенія пошлинъ на всѣ привозные товары. *Laissez faire, laissez passer* — вотъ въ этихъ четырехъ словахъ, взятыхъ на прокатъ за границею, заключается вся ихъ мудрость, даже вся наука; затѣмъ они становятся вверхъ ногами и идутъ вспять. Рутинные экономисты подмѣтили, что люди склонны увлекаться словами, особенно громкими, и потому пустили въ ходъ свое ученіе о торговлѣ, подъ прикрытіемъ звучнаго слова — свобода. Слова, слова и слова — вотъ весь смыслъ ученія отсталыхъ экономистовъ... Тутъ невольно припомнишь то мѣсто трагедіи Гёте «Фаустъ», гдѣ ученикъ спрашиваетъ Мефистофеля:

„Но все-таки словамъ
Должна идея быть основой?“

На этотъ разумный вопросъ своего ученика Мефистофель отвѣчаетъ:

„Ну, да... Немного лишь заботьтесь вы о ней;
Вѣдь гдѣ недостаетъ идей,
Тамъ ихъ словами замѣняютъ;
Словами спорить можно намъ,
Словами цѣлѣя системы создаютъ...
Ну, какъ не вѣрить тутъ словамъ?!“

Пора, наконецъ, спросить: что такое — свобода торговли? Если эта свобода предполагаетъ только безпошлинный ввозъ заграничныхъ товаровъ, соперничество иностранныхъ фабрикъ и заводовъ съ нашими, — то она вовсе не свобода, а торговая анар-

хія, меркантильный произволъ, право сильнаго надъ слабымъ, рабство труда и торжество капитала.

Свобода въ торговлѣ, конечно, должна быть основана на взаимномъ, равномъ обмѣнѣ товаровъ и произведеній всякаго рода. Неравенство въ обмѣнѣ, въ каждой торговой сдѣлкѣ — идея противная совѣсти и экономическому закону. Поэтому каждый, кто вымѣниваетъ свой товаръ или капиталъ, долженъ получать взаменъ того цѣнность равную, не болѣе и не менѣе того, что самъ даетъ. Короче—идея, смыслъ, законъ торговли и всей общественной экономіи — балансъ, уравненіе купли и продажи. Всякая сдѣлка, противная этому закону, имѣетъ самыя гибельныя послѣдствія.

Теперь спрашивается: можетъ ли свобода торговли, которую проповѣдуютъ отсталые экономисты, осуществить этотъ балансъ привоза съ вывозомъ? Нѣтъ! Почему? — потому что оплачивая привозъ не товарами, а настоящими деньгами, намъ приходится потомъ просить ихъ обратно, для поддержанія торговли, и платить за нихъ проценты. Иностранцы привозятъ къ намъ фабричныя издѣлія, берутъ взаменъ ихъ наши сырые продукты и въ добавокъ получаютъ еще наше золото. Съ увеличеніемъ спроса на иностранныя товары мы должны вывозить все болѣе и болѣе денегъ, пока наконецъ безденежье и застой торговли не заставятъ насъ обратиться къ иностранцамъ съ просьбою возвратитъ часть вывезенныхъ отъ насъ денегъ и дать ихъ намъ въ кредитъ. — Такимъ образомъ золото, которое мы отдавали сами, положимъ за 5, получаемъ отъ иностранцевъ уже за 6, 7, 8, 9, 10 и т. д., смотря по тому, на сколько они намъ довѣряютъ. Отсталые экономисты говорятъ: «товары мѣняются на товары; золото и серебро также товаръ; и такъ мѣняйте его на что хотите, на вино, сукно, устрицы и проч.; вамъ нечего бояться нарушенія баланса, торговой справедливости».

На дѣлѣ, однако, оказывается совершенно противное. Свобода торговли, о которой такъ кричатъ экономисты, явно нарушаетъ равенство взаимной мѣны, потому что намъ приходится покупать у иностранцевъ свое золото дороже, чѣмъ мы его продаемъ. И такъ, по ученію экономистовъ, свобода торговли ничто иное, какъ торговая неправда, говоря проще — обманъ.

Развѣ, послѣ этого, экономисты имѣютъ право утверждать,

что при такъ называемой свободѣ внѣшней торговли привозъ равенъ вывозу?! Развѣ, оплачивая привозъ иностранныхъ издѣлій нашимъ золотомъ и земледѣльческими продуктами, мы можемъ сохранить торговый балансъ и соблюсти первый законъ торговли — равенство купли и продажи?! Никогда. Не перестану повторять: звонкая монета не товаръ, а орудіе мѣны; по своему вліянію на торговлю, она вовсе не похожа на пеньку, сало, кожи и прочіе продукты, которые мы отправляемъ за границу. Поэтому отдавая иностранцамъ золото за ихъ товары, мы переплачиваемъ лишнее, лишаемъ себя того, въ чемъ сами нуждаемся, безъ чего не хотимъ обойтись наша торговля и промышленность. Наконецъ — пеньку, сало, хлѣбъ и прочіе вывозные товары мы имѣемъ возможность заготовить въ какомъ угодно количествѣ, смотри по запросу; между тѣмъ какъ обиліе драгоцѣнныхъ металловъ не зависитъ отъ нашей воли, а отъ богатства рудниковъ и розсыпей. Рудникъ не пахатная земля, не даетъ урожай; его надо разрабатывать, а эта разработка требуетъ чрезвычайныхъ затратъ и зачастую разоряетъ золотопромышленника. И такъ, если мы можемъ свободно сбывать наши земледѣльческіе продукты, то съ другой стороны вывозъ звонкой монеты всегда имѣетъ гибельныя послѣдствія. Рано или поздно намъ все-таки придется доставать ее, для возобновленія кредита и обращенія, и покупать по дорогой цѣнѣ то же самое золото, которое мы продавали дешево. Нужда въ деньгахъ—вотъ вся исторія торговли. Вся торговля выгоды на сторонѣ той націи, которая имѣетъ много денегъ и ссужаетъ ими немущихъ или промотавшихся. Кто богаче: капиталистъ, располагающій наличными деньгами, или купецъ, у котораго имѣется только товаръ, требующій сбыта? Капиталистъ за свои деньги всегда можетъ купить что захочетъ, а купецъ зачастую дѣлается банкротомъ, если товаръ его не раскупается. И послѣ этого наши экономисты думаютъ увѣрить купцовъ, что деньги — простой товаръ! Нѣтъ, каждый купецъ очень хорошо понимаетъ, что торговать безъ денегъ—значитъ банкротиться. Вотъ почему неумѣренный вывозъ звонкой монеты за границу всегда сопровождался самыми опасными торговыми кризисами.

Считаю нелишнимъ замѣтить, что ученіе о свободѣ торговли родилось въ Англіи, а оттуда, какъ зараза, проникло и на континентъ. Англійскіе экономисты первые ополчились про-

тивъ меркантильной системы и напали на нее съ крайнимъ ожесточеніемъ, доходившимъ до бѣшенства. Что же касается французскихъ экономистовъ, то они только воспѣвали подвиги своихъ вождей и вербовали для нихъ въ Европѣ новыхъ поборниковъ свободной торговли. «Смерть меркантилистамъ, обожателямъ золота!» кричали экономисты, падая на колѣна передъ золотымъ тельцомъ. Англія, эта страна свободной торговли, которая вела и ведетъ всюду войну противъ меркантильной системы, сама разсылаетъ во все концы земнаго шара своихъ золотоискателей и снаряжаетъ десятки тысячъ кораблей для привоза золота. Благодаря меркантильной системѣ, Англія успѣла скопить несмѣтныя богатства, развить свою фабричную промышленность и упрочить свой торговый монополизмъ на всемирномъ рынкѣ. Вѣрная своимъ экономическимъ преданіямъ, она никогда не думала отказываться отъ этой системы и до сихъ поръ преслѣдуетъ тѣ же торговые цѣли, какъ двѣсти или четыреста лѣтъ тому назадъ.

Дѣйствительно: какаѣ цѣли меркантильной системы, которая по справедливости заслуживаетъ общую ненависть?

Цѣль ея самая простая. Она заключается въ томъ, чтобы скопить какъ можно болѣе золота и этимъ страшнымъ орудіемъ кредита и торговли поработить всюду трудъ, господствовать на всемирномъ рынкѣ и распоряжаться судьбою народовъ. Коротче: меркантильная система — это царство денегъ, владычество капитала и заговоръ противъ рабочихъ классовъ. Копить золото, заниматься лихоимствомъ, покупать трудъ и товары по самой дешевой цѣнѣ, продавать ихъ возможно дороже, искать всюду монополия труда и торговли — вотъ цѣль меркантилистовъ всехъ вѣковъ и народовъ, въ особенности же англичанъ.

Въ прежнія времена эта гнусная цѣль достигалась грабежомъ, насиліемъ, рабствомъ покоренныхъ или подвластныхъ народовъ и, наконецъ, колониальною системою.

Въ нашъ гуманный вѣкъ англичане придумали для этой цѣли другое средство — такъ называемую «свободу торговли». *Honny soit qui mal y pense.*

Англія хорошо знаетъ, что въ ея рукахъ свободная торговля дѣлается свободнымъ монополемъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться владычества на сушѣ и моряхъ. Англія знаетъ, что ни одна страна не можетъ соперничать съ нею ни капиталами, ни военно-торговымъ флотомъ, ни фабричною про-

мышленностью... Всемирный монополизмъ ея уже обезпеченъ и упроченъ; ей остается только усыпить народы, заглушить въ нихъ чувство самосохраненія и заставить признать свободу внѣшней торговли, какъ догматъ науки, какъ условіе *sine qua non* экономического прогресса и идеаль международныя сношеній. Обязанность распространить ученіе о свободѣ торговли и усыплять народы приняла на себя добровольно отсталые экономисты и все англоязычные вообще. Что же касается самихъ англичанъ, то они уже достигли своей цѣли въ Индіи, Португаліи, Турціи, Китаѣ; тамъ уже процвѣтаетъ свобода торговли. Остается теперь осуществить ее въ Россіи, Испаніи, Италіи и вообще въ Европѣ. Что жъ, почему не попытаться? И вотъ раздаются крики англоязычныхъ экономистовъ —

— Вы, испанцы, италянцы, русскіе и другіе отсталые, невѣжественные народы! Пора вамъ перестать быть варварами и позорить XIX вѣкъ! Объявляйте поскорѣ полную свободу внѣшней торговли, закрывайте ваши негодные заводы и фабрики, пускайте по міру миллионы рабочихъ, раскупайте у англичанъ ихъ дешевые товары, занимайтесь только добываніемъ сырыхъ продуктовъ и отдавайте Англіи все ваше золото. Зачѣмъ вамъ, необразованнымъ народамъ, этотъ презрѣнный металлъ? Онъ нуженъ англійскимъ купцамъ и капиталистамъ, которые умѣютъ пускать его въ оборотъ, отдавать всюду въ ростъ за большіе проценты, скупать, перекупать, подкупать — все что угодно... Зачѣмъ вамъ золото, когда вы не умѣете имъ пользоваться? Отдавайте его англичанамъ: они научатъ васъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ обходиться. Когда нужда заставитъ васъ понять цѣну денегъ, когда у васъ ихъ не станетъ для домашняго обихода, тогда и обращайтесь съ просьбою къ англичанамъ: будьте увѣрены — они дадутъ вамъ денегъ, дадутъ, разумѣется, въ займы... Всякая наука, сами знаете, не обходится даромъ. И такъ кричите — да здравствуетъ великая Англія и свободная съ нею торговля!

Нѣтъ! пора намъ знать, что эта пресловутая свобода торговли дѣлается въ рукахъ англичанъ свободнымъ ихъ монополемъ, тѣмъ вѣрнымъ орудіемъ систематическаго разоренія народовъ, которое они приводятъ въ дѣйствіе всеми политико-экономическими средствами — помощію подкуповъ, субсидій, беспошлиннаго ввоза своихъ товаровъ, скопленія денегъ, непомерно развитія военно-торговаго флота, завладѣнія примор-

скими укрѣпленными пунктами и пр... Какъ чудовищный удавъ душить Англія вселенную и какъ ненасытный вампиръ сосеть она кровь разоренныхъ и проваженныхъ ею народовъ — прландцевъ, индейцевъ, китайцевъ, турокъ...

Что жъ? смѣлѣй, англофилы! проповѣдуйте свободу торговли... Мы васъ готовы слушать и понижать наши тарифы; а тамъ что будетъ — то будетъ... *Omnis stultitia laborat fastidio suo.*

IV.

Экономисты говорятъ о свободѣ торговли.

Само собою разумѣется, что торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, должна быть свободна. Доказывать ея необходимость и пользу значить празднословить.

Но тутъ невольно рождаются вопросы: почему же европейскіе народы, не исключая англичанъ, не хотятъ до сихъ поръ признать полной свободы внѣшней торговли и отказаться отъ таможенной системы? Почему эта система господствуетъ еще всюду, какъ триста лѣтъ тому назадъ въ ненавистныя времена Филиппа II испанскаго? Какъ объяснить такое упорство и заблужденіе народовъ? Неужели, наконецъ, они не желаютъ собственнаго блага, если здравый смыслъ требуетъ полной свободы торговли?

На эти основательные вопросы болтливый экономистъ отвѣчаетъ: «Отвергать свободу международной торговли, т. е. иностранное соперничество, всегда казалось дѣломъ весьма естественнымъ и позволительнымъ. Интересы казны, алчный инстинктъ народовъ, взаимное ихъ недовѣріе и боязнь, зависть, ненависть, жажда мщенія и войны — вотъ что должно было увлечь народы на подобное дѣло. Но природная находчивость и изворотливость человѣческаго ума, всегда способнаго найти благовидный предлогъ для оправданія самыхъ гнусныхъ побужденій, разукрасило и увѣковѣчило запретительную систему». (Ch. Dunoyer).

И такъ родъ человѣческій думалъ до сихъ поръ о торговлѣ противно убѣжденіямъ экономиста; за это экономистъ считаетъ себя вправѣ, во имя своей науки, называть его чуть-чуть не породю пиратовъ и контрабандистовъ, вполне достойныхъ

всѣхъ золъ таможенной системы. Вотъ до чего можетъ довести фанатизмъ школы «laissez faire, laissez passer»!

Я вполне сочувствую увлеченію поборниковъ свободной торговли. Но при всемъ томъ надо помнить, что торговля, какъ взаимная договорная мѣна продавца съ покупателемъ, должна быть основана не на чувствѣ болѣе или менѣ похвальному, а на строгой справедливости. Покупка должна быть равна продажѣ, привозъ заграничныхъ товаровъ долженъ быть равноцѣненъ съ вывозомъ домашнихъ; сколько берешь, столько и давай, ни болѣе, ни менѣ. Короче: взаимность и равенство отношеній — вотъ законъ торговли и общественной экономіи вообще. Этотъ законъ не допускаетъ, чтобы одна сторона теряла, а другая выигрывала. По чувству любви въ ближнему каждый изъ насъ можетъ дать ему безвозмездно что угодно. Но конечно никто не станетъ утверждать, что торговля должна быть основана на такихъ началахъ; она требуетъ взаимности и равенства мѣны, т. е. баланса, говоря языкомъ торговли.

Для уравненія купли и продажи, привоза и вывоза, для сохраненія торговаго баланса въ международныхъ сношеніяхъ, каждое государство поддерживаетъ до сихъ поръ такъ называемую охранительную или таможенную систему. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что таможи и тарифы существуютъ не только для покровительства мануфактурной промышленности и народнаго труда, но главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы помѣшать вывозу за границу золота и серебра. Пока эти металлы будутъ служить рычагомъ торговли, до тѣхъ поръ, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы государства согласились снять таможи. Вывозъ золота не только наноситъ всегда громадный ущербъ внутренней торговлѣ и производитъ застой всѣхъ промышленныхъ дѣлъ, но и порождаетъ страшные финансовыя кризисы. Та страна, которая въ заграничной торговлѣ приплачиваетъ свои деньги, терпитъ всегда убытокъ и дѣлается неподволь данницей иностранныхъ капиталистовъ. Самые отчаянные англomаны сознаются въ этомъ. Какъ извѣстно, Англія всѣми силами ратуетъ теперь за свободу торговли, которую торжественно объявила у себя въ 1845 году, при рукоплесканіи и радостныхъ кликахъ всѣхъ экономистовъ. Но вотъ что мы читаемъ въ *Annuaire de l'Economie politique* за этотъ же 1845 годъ:

«Торговый договор съ Китаемъ не оправдалъ расчетовъ Англіи. Англичане начинаютъ серьезно опасаться; вслѣдствіе нарушенія торговаго баланса къ огромной невыгодѣ небесной имперіи, деньги стали до такой степени рѣдки въ Китаѣ, что вести съ нимъ торговлю почти невозможно».

Экономистъ, сообщившій этотъ фактъ, вслѣдъ затѣмъ писалъ слѣдующее: «Китаю угрожаетъ участь Индіи. Происхожденіе англійскаго владычества въ этой обширной странѣ было послѣдствіемъ той ненавистной и гнусной политики, которая стремится поработать и эксплуатировать народы».

Вотъ что писалъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ поборниковъ свободной торговли, французскій экономистъ Теодоръ Фиксъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, о которыхъ самъ alter ego политической экономіи, англичанинъ Мальтусъ, сказалъ слѣдующее:

«Есть люди, которые до такой степени привязываются къ такъ называемымъ правиламъ политической экономіи, что понимая даже всю ихъ практическую неумѣстность, тѣмъ не менѣе считаютъ, неблагоприятнымъ упоминать о томъ, изъ боязни ослабить авторитетъ этихъ правилъ и поколебать къ нимъ довѣріе публики».

«Наконецъ, продолжаетъ Мальтусъ, находятся и такіе поклонники политической экономіи, которые полагаютъ, что ея теоріи подлежатъ самому широкому примѣненію на практикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ заблужденія меркантильной системы были доказаны и, взаимно ихъ, стали распространяться болѣе здравыя понятія, экономисты увѣровали, что знаютъ все и не нуждаются въ новыхъ изысканіяхъ. Вотъ почему, довольные своимъ знаніемъ, они подозрительно смотрятъ на каждую новую мысль». (Malthus. Principes d'Econ. pol. Introd. trad. par Constancio).

Меркантильная система подвергалась самымъ жестокимъ нападеніямъ со стороны экономистовъ-англомановъ. Бдительные стражи всѣхъ монополей, эти либералы страшно возстали противъ монополей торговли и торговаго баланса. Тутъ то и обнаружилась ихъ софистика и вся односторонность возрѣнія на торговлю. Конечно, меркантильная система, какъ я уже говорилъ неоднократно, падаетъ подъ ударами критики и требуетъ отрицанія. Но отрицать эту систему значитъ отрицать и ученіе англомановъ о свободѣ торговли, потому что они убѣж-

дены, вмѣстѣ съ меркантилистами, въ томъ, что торговля, кредитъ и банки постоянно нуждаются въ деньгахъ и не могутъ безъ нихъ обойтись.

Деньги, деньги — вотъ зло торговли и всей общественной экономіи вообще! Постоянно-возрастающія нужды промышленности, настоятельная потребность истребить лихонство, установить правильность обращенія, облегчить торговые сдѣлки, разрешить задачу продовольствія и экономической солидарности, положить конецъ финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ кризисамъ — все это вызываетъ необходимость уничтожить царство денегъ и обратить золото и серебро въ простой товаръ. Я говорю, что владычеству денегъ долженъ быть конецъ; остальные экономисты думаютъ иначе, это правда; но они не должны забывать, что ихъ наука нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины. Такъ рѣшилъ нѣмецкій экономистъ Вильгельмъ Рошеръ.

V.

Люди постоянно нуждались въ деньгахъ. Эта нужда — единственно-достоверная исторія всѣхъ народовъ.

Что было прежде, того не будетъ послѣ; таковъ законъ прогресса. Деньги играли прежде большую роль въ общественной экономіи; теперь умѣютъ уже отчасти обходиться и безъ нихъ посредствомъ разныхъ кредитныхъ сдѣлокъ; настанетъ скоро время, когда деньги наконецъ совершенно исчезнутъ изъ употребленія. Подъ словомъ деньги, я разумѣю конечно звонкую монету, золотую и серебряную; банковые и другіе кредитные билеты вовсе не деньги, а только денежные знаки, которые служатъ представителями настоящихъ денегъ. Это различіе чрезвычайно важно и его не слѣдуетъ никогда упускать изъ вида.

Французскій банкиръ Исаакъ Перейра, основатель «Общества движимаго Кредита», говоритъ слѣдующее:

«Цѣль банковыхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы упростить мѣну и вывести изъ употребленія звонкую монету, это варварское орудіе торговли».

«Чѣмъ болѣе страна дѣлаетъ успѣховъ въ промышленности, тѣмъ менѣе ей нужно денегъ. Самыя значительныя дѣла совершаются теперь письменно, безъ употребленія денегъ, посредствомъ переводовъ и уравниванія счетовъ (virements des parties).

«Деньги играют большую роль только въ глазахъ людей отсталыхъ».

Такую мысль высказалъ извѣстный въ Европѣ банкиръ, человѣкъ практическій, который понимаетъ смыслъ и направленіе экономическаго развитія конечно лучше простого купца или кабинетнаго экономиста, который преклоняется передъ рутинной. По понятіямъ такихъ людей, царство денегъ должно быть вѣчно. Что было прежде, то будетъ и послѣ; такова ихъ логика.

Деньги — символъ богатства, счастья и славы; деньги — рычагъ торговли, основаніе кредита, необходимый фондъ банка и могучій двигатель всѣхъ промышленныхъ дѣлъ. Такъ говорятъ обожатели золотого тельца. Такъ ли это? Должно ли быть такъ непремѣнно? Неужели рутинная будетъ царствовать вѣчно? Вотъ вопросы, на которые приходится отвѣчать въ настоящую пору экономическаго кризиса.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, звонкая монета, то есть настоящія деньги распоряжаются ходомъ всей торговли и служатъ непремѣннымъ посредникомъ всякой мѣны? На чемъ основано это право?

Экономисты имѣютъ притязаніе разрѣшать всѣ вопросы общественной экономіи. Но стоитъ только коснуться вопроса о значеніи денегъ, они, по своей привычкѣ, тотчасъ же бросаются за предѣлы научнаго изслѣдованія, начинаютъ хвататься то за исторію, то за механику, физику и, поговоривъ обо всемъ, ни на что не даютъ положительнаго отвѣта. Экономисты говорятъ: «драгоценные металлы по своей рѣдкости, твердости, нечувствительной порчѣ и прочимъ качествамъ придаютъ монетѣ такія удобства, которыхъ нельзя найти въ подобной степени въ другихъ товарахъ». Короче, вмѣсто отвѣта на заданный вопросъ, экономисты разсуждаютъ объ искусствѣ. Они хорошо умѣютъ доказывать, почему золото и серебро удобны для выдѣлки монеты, но вовсе не говорятъ, на какомъ основаніи эти металлы получили исключительную привилегію быть посредниками и двигателями торговли. Нѣтъ, — звонкая монета отличается вовсе не своими механическими свойствами, а тѣмъ что имѣетъ общественное мѣновое значеніе и принимается охотно при всякой уплатѣ.

Каждый знаетъ, что звонкая монета чеканится на монетномъ дворѣ. Тамъ опредѣляютъ сперва вѣсъ и пробу слитковъ

золота и серебра, а затѣмъ придаютъ имъ опредѣленную форму, т. е. обращаютъ въ монету и выбиваютъ на ней государственную печать. Чеканка монеты — ничто иное, какъ удостовѣреніе и ручательство въ томъ, что количество металла, изъ котораго она сдѣлана, имѣетъ опредѣленную пробу и надлежащій вѣсъ. Это удостовѣреніе даетъ монетѣ право свободно обращаться и дѣлаетъ ее всеобщимъ товаромъ, который принимается всѣми охотно, какъ посредникъ, въ каждой торговой сдѣлкѣ. Короче: чеканка придаетъ монетѣ общественное мѣновое значеніе. Если бы золото и серебро не обращались въ монету, не чеканились, если бы сама монета не имѣла опредѣленной пробы, извѣстнаго вѣса или государственной печати, то она была бы тогда не монетой, а товаромъ, хотя и цѣннымъ, но тѣмъ не менѣе товаромъ, который утратилъ бы свое мѣновое значеніе. Тогда въ каждой торговой сдѣлкѣ, при каждомъ расчетѣ нужно было бы опредѣлять цѣнность, пробу и вѣсъ слитковъ золота и серебра; а это потребовало бы значительной потери времени и чрезвычайно затруднило бы самую мѣну. И такъ, свободное обращеніе звонкой монеты и экономическое ея значеніе, какъ посредника торговли, основано главнымъ образомъ вовсе не на качествахъ драгоценныхъ металловъ, не на ихъ твердости, нечувствительной порчѣ или полезности, а на томъ, что благодаря вмѣшательству государственной власти, она получила общественное значеніе и сдѣлалась владыкою рынка. Отчеканенная монета — это безимьянный, безсрочный вексель, выдаваемый на имя всѣхъ и каждого, за общую круговую поруку; такой вексель, конечно, можетъ свободно обращаться и каждый безбоязненно, съ готовностью принимаетъ его.

Банкиръ Перейра сказалъ, что звонкая монета — самое варварское орудіе мѣны, которое слѣдуетъ вывести изъ употребленія. Это замѣчаніе вполне основательно. Дѣйствительно: что такое звонкая монета? Какое ея назначеніе? Звонкая монета (или деньги) чеканится изъ золота и серебра; эти металлы добываются трудомъ, какъ всякій продуктъ вообще. На этомъ основаніи экономисты и называютъ деньги «товаромъ», произведеніемъ труда.

Все, что писали ученые о деньгахъ, можно сравнить только съ тѣми похвальными рѣчами и напыщенными некрологами, которые по обыкновенію произносятся на могилахъ покойника почетельные его родственники. — Я сказалъ, что царству денегъ

близится конецъ; можетъ быть сами экономисты и заготовили свои некрологи на этотъ случай!

«Товары мѣняются на товары и каждое произведеніе труда можетъ служить монетою». Эту истину доказали сами экономисты. Почему же, спрашивается, драгоценные металлы присвоили себѣ исключительное, господское право быть посредниками мѣны? Почему эти товары сдѣлались привилегированною монетою и, подъ названіемъ денегъ, подчиняютъ себѣ всѣ остальные произведенія труда, оцѣниваютъ ихъ и, безъ своего разрѣшенія, не позволяютъ свободно обращаться? Какъ объяснить этотъ монополизмъ?

Звонкая монета, сказалъ я, получила вслѣдствіе чеканки значеніе общественнаго векселя, который безпрепятственно обращается всюду и принимается при каждой покупкѣ и продажѣ. Поэтому, если бы каждое произведеніе труда, всякій товаръ обратилъ въ подобный вексель, за общою круговою порукою продавцовъ и покупателей, тогда монополизмъ звонкой монеты былъ бы уничтоженъ окончательно и она сдѣлалась бы простымъ товаромъ, наравнѣ съ прочими. Каждому болѣе или менѣе известно употребленіе частнаго торговаго векселя. Онъ выдается съ одного мѣста на другое; на немъ обозначаются: годъ, мѣсяць, число, а также сумма, которую нужно уплатить, имя плательщика, время и мѣсто уплаты, цѣнность (валюта), выданная товарами. Вексель уплачивается самимъ векселедателемъ или третьимъ лицомъ по его приказу. Такимъ образомъ, вексель дается, принимается, переводится и, до срока платежа, можетъ удобно ходить по рукамъ. Чѣмъ болѣе на немъ передаточныхъ надписей, тѣмъ онъ надежнѣе, потому что въ платежѣ ручаются всѣ тѣ, кто его принималъ. Это начало взаимности и круговой поруки дѣлаетъ вексель самымъ дѣйствительнымъ, полезнымъ и употребительнымъ посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Употребленіе его известно уже давно и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивается и обобщается до такой степени, что звонкая монета и банковые билеты дѣлаются совершенно бесполезными. Мало того: въ настоящее время частный вексель ходитъ иногда наравнѣ съ деньгами и принимается даже охотнѣе ихъ. Что же, спрашивается, мѣшаетъ ему сдѣлаться насгоящею монетою и замѣнить совершенно металлическихъ денегъ?

Недостатки частнаго торговаго векселя, который теперь

употребляется, — чисто форменныя; устранить ихъ очень легко. Торговый вексель, какъ я уже сказала, есть письменный договоръ, по которому одно лицо обязуется уплатить другому или третьему лицу въ извѣстный срокъ и въ назначенномъ мѣстѣ опредѣленную сумму товарами или деньгами; на вексѣлѣ обозначается притомъ, что эта сумма получена сполна самимъ векселедателемъ. Такова форма, въ которую облекается простой частный вексель. Отсюда видно, что вексельный договоръ предполагаетъ: 1) добровольное соглашеніе двухъ лицъ; 2) обѣщаніе дающаго вексель уплатить по немъ въ срокъ, и 3) довѣріе принимающаго вексель. Такимъ образомъ, простой вексель ничто иное, какъ кредитная сдѣлка, основанная на личномъ довѣрїи заимодавца къ своему должнику. Понятно, что вексель въ такой формѣ имѣетъ цѣну только для самого кредитора, какъ долговая расписка, по которой онъ можетъ получить свой долгъ, если должникъ пожелаетъ заплатить въ назначенный срокъ. Но если, до истеченія срока платежа, обладатель векселя передаетъ его другому лицу, то въ такомъ случаѣ вексель принимаетъ названіе переводнаго. Въ этой новой формѣ онъ получаетъ уже совершенно иное значеніе и дѣлается изъ простаго письменнаго документа — орудіемъ мѣны, точно такъ же, какъ деньги. Дѣйствительно: пока вексель остается въ рукахъ кредитора до истеченія срока, до тѣхъ поръ онъ не замѣняетъ еще звонкой монеты. Но если кредиторъ, дѣлаясь самъ должникомъ, передаетъ свой вексель новому лицу съ правомъ предъявить его къ платежу, то при этомъ вексель уже играетъ роль настоящихъ денегъ. Передача векселя изъ рукъ въ руки совершается, какъ извѣстно, простою надписью передатчика (индоссанта), который обязуется уплатить означенную на вексѣлѣ сумму, если первый векселедатель не захочетъ или будетъ не въ состояніи выполнить свое обязательство. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія числа передаточныхъ надписей, возрастаетъ благонадежность векселя и его мѣновое значеніе. Поэтому, если бы на немъ была надпись цѣлаго общества, то онъ получилъ бы совершеннѣйшую форму и обратился бы въ настоящую ходячую монету. Такая форма была бы выраженіемъ экономической солидарности, круговой поруки и взаимнаго застрахованія отъ банкротства. Вексель простой даетъ надежду кредитору на полученіе долга съ векселедателя. Предъявитель векселя переводнаго уже болѣе или менѣе увѣренъ въ состоя-

тельности надписателей. Изъ этого видно, что уплата по векселю, облеченному въ ту или другую форму, основана на теоріи вѣроятности, которая то уменьшается, то увеличивается, соразмѣрно числу плательщиковъ.

При настоящихъ даже условіяхъ торговли, вексель, выданный извѣстнымъ купцомъ, можно принять безъ опасенія и держать пари 2 противъ 1, что онъ будетъ оплаченъ въ срокъ. Тотъ же самый вексель, если на немъ находится надпись другого извѣстнаго купца, представить еще болѣе обезпеченія, и вѣроятность платежа увеличится вчетверо. Когда же вексель будетъ имѣть три, четыре, пять и болѣе передаточныхъ надписей, то смѣло можно держать пари — 8, 16, 32 противъ 1, что три, четыре, пять... такихъ купцовъ не обанкротятся всѣ вдругъ въ одинъ и тотъ же день. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣроятность платежа по купеческимъ векселямъ можетъ возрастать въ геометрической прогрессіи относительно числа надписателей. Такой расчетъ, по моему мнѣнію, совершенно основателенъ. Но какова должна быть благонадежность векселя, когда въ уплатѣ его будутъ ручаться тысячи, сотни тысячъ болѣе и менѣе извѣстныхъ обществу надписателей, которые связаны другъ съ другомъ общими интересами и желаютъ сохранить свое честное имя?!

Я описалъ двѣ употребительныя теперь формы векселей и ихъ значеніе. При этомъ я обратилъ вниманіе читателя на то, что вексель переводный по своей формѣ гораздо совершеннѣе простого, потому что онъ замѣняетъ, во многихъ случаяхъ, настоящія деньги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражаетъ плодотворный принципъ взаимнаго ручательства должниковъ и кредиторовъ. Когда заимодавецъ, не ожидая срока уплаты долга по векселю, передалъ его другому и поручился за себя и за своего должника, съ той самой минуты задача взаимности, солидарности и круговой поруки была рѣшена, и человекъ пересталъ быть врагомъ человека. Теперь остается только развить, обобщить эти начала, сдѣлать изъ частнаго случая общее правило и возвести его въ законъ экономическихъ отношеній всѣхъ людей, живущихъ въ обществѣ. Каждый изъ насъ бываетъ должникомъ и кредиторомъ, каждый даетъ и получаетъ, всѣ мы нуждаемся другъ въ другѣ — и потому всѣ должны помогать другъ другу, ручаться другъ за друга и взаимно страховать себя отъ нищеты и банкротства. Того требуетъ правда, нашъ

личный интересъ и смыслъ самого общества. Безъ взаимности, солидарности, круговой поруки всѣхъ за cadaго — нѣтъ и быть не можетъ общественной жизни.

Употребленіе векселей, какъ и уже замѣчалъ, распространяется со дня на день. Довѣрьтесь, ручайтесь другъ за друга — таковъ нравственный смыслъ векселя, который ходитъ по рукамъ съ передаточными надписями и замѣняетъ собою настоящія деньги, этотъ символъ эгоизма и взаимнаго отчужденія. Но если переводные векселя и обращаются въ настоящее время довольно свободно въ торговомъ мѣрѣ, то все-таки они далеко не совершенны по своей формѣ, потому что подлежатъ денежному учету. Этотъ оброкъ ставитъ вексель въ крѣпостную зависимость отъ денегъ, которыя, пользуясь господскимъ правомъ, безъ своего разрѣшенія не позволяютъ ему обращаться и тѣмъ унижаютъ его значеніе. Поэтому, избавить вексель отъ подобнаго рабства — значитъ придать ему новую, совершенную форму и сдѣлать настоящимъ посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Другими словами: вся задача заключается въ томъ, чтобы изъ частнаго векселя сдѣлать общественный ручательство нѣсколькихъ лицъ замѣнить общую круговую порукой. Почему частный вексель имѣетъ теперь такой ограниченный кругъ обращенія? Почему ему все-таки предпочитаютъ звонкую монету? Причина такого предпочтенія очевидна. Отчеканенная монета, какъ было сказано выше, представляетъ собою вексель безсрочный и безимянный; онъ выдается на имя всѣхъ и cadaго и на немъ находится общественная надпись, въ видѣ государственной печати. Поэтому, если бы замѣнивъ cadaго частнаго векселя, на которомъ обозначаются разныя подробности (какъ-то: годъ, мѣсяць, число, имена векселедателя и надписателей, срокъ платежа, время и мѣсто уплаты и, наконецъ, цѣнность въ деньгахъ), — выдавать вексель безсрочный, безимянный, освобожденный отъ размѣна на звонкую монету, тогда золото и серебро обратились бы въ простой товаръ и чеванить изъ нихъ монету было бы неумѣстно и бесполезно.

Положимъ, что составилось бы общество изъ 5, 10, 15 тысячъ купцовъ, фабрикантовъ, промышленниковъ, которые, не собирая капитала, не составляя фонда, согласились бы только принимать другъ отъ друга векселя съ двумя надписями и другія срочныя обязательства. Положимъ, что при этомъ, для упро-

щенія своихъ мѣновыхъ сдѣлокъ, они основали общественный безденежный банкъ, который, принимая подъ залогъ частные векселя и торговыя бумаги вообще, выпускалъ бы взамѣнъ ихъ безымянныя, безсрочныя билеты за своею печатью и съ вычетомъ страховой преміи отъ $\frac{1}{2}$ до 1%. Положимъ наконецъ, что, при такомъ взаимномъ застрахованіи отъ банкротства и разоренія, всѣ члены этого общества условились бы продавать другъ другу свои товары по настоящей цѣнѣ съ ручательствомъ въ ихъ доброкачественности.

Неужели мнѣ возразить, что основаніе общественнаго банка на такихъ началахъ взаимности и круговой поруки невозможно и бесполезно, особенно въ настоящую пору, когда у насъ всѣ жалуются на безденежье и дороговизну? — Не думаю. Теперь безденежье пугаетъ насъ; мы жадно бережемъ добытыя деньги, заботливо прищемъ ихъ отъ завистливыхъ глазъ, избѣгая взаимности услугъ и не довѣряя другъ другу. У насъ мало денегъ. Что дѣлать? спрашиваютъ всѣ. «Беречь, копить ихъ, отдавать въ ростъ подъ вѣрный залогъ» — такъ говорятъ отсталые, запуганные люди. Мы нуждаемся въ деньгахъ; эта нужда заставитъ насъ обходиться и безъ нихъ. Опытъ и нужда всему научатъ — такъ говоритъ здравый смыслъ.

Деньги — зло торговли; онѣ порождаютъ застой всѣхъ промышленныхъ дѣлъ, поселняютъ всюду недовѣріе, страхъ и алчность. Деньги — причина постоянной борьбы между капиталистами, банкирами съ одной стороны, купцами и фабрикантами съ другой. При безденежьи всѣ невыгоды на сторонѣ послѣднихъ, потому что недостатокъ денегъ возвышаетъ проценты, затрудняетъ кредитныя сдѣлки; сокращаетъ работы, производитъ общую дороговизну, уменьшаетъ сбытъ товаровъ, разоряетъ купцовъ, фабрикантовъ и отнимаетъ у рабочихъ насущный кусокъ хлѣба. При безденежьи фабрикантъ и заводчикъ, покупая сами матеріалы по дорогой цѣнѣ и не получая заказовъ, сокращаютъ производство, отказываютъ рабочимъ и уменьшаютъ задѣльную плату тѣмъ изъ нихъ, которыхъ оставляютъ. При безденежьи купецъ возвышаетъ цѣны на свои товары, потому что самъ покупаетъ ихъ дорого, не увѣренъ въ сбытъ и притомъ знаетъ, что никто въ такую пору не станетъ продавать ему дешево. Рѣшаются на этотъ подвигъ только тѣ, кому угрожаетъ банкротство, конечное разореніе, когда волей-

неволей приходится распродавать товары для удовлетворенія кредиторовъ.

VI.

Справедливость требуетъ, чтобы товары и всѣ произведенія труда продавались по настоящей цѣнѣ. Экономическая аксіома — каждое произведеніе должно стоить то, во что обходится его производство — вотъ законъ торговли. Но какъ, спрашивается, исполнить этотъ законъ, когда товары мѣняются на деньги? Тутъ представляется только одно средство: имѣть такой запасъ звонкой монеты, чтобы никакой запросъ не могъ истощить его, а каждый покупатель имѣлъ бы возможность расплачиваться всегда наличными деньгами. Но развѣ подобное средство возможно? Кто не знаетъ, что въ каждой странѣ сумма наличныхъ денегъ совершенно ничтожна сравнительно съ тою массою товаровъ и вещей, которыя готовятся для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей людей. Во Франціи, напримѣръ, одни сапожники производятъ ежегодно на сумму въ 10 разъ болѣе, чѣмъ всѣ золотыя и серебряныя рудники Бразиліи, Перу и Мексики. Развѣ, при такомъ развитіи производства, можно покупать на наличныя деньги? Гдѣ ихъ взять? Промышленность и торговля все болѣе и болѣе развиваются; наши потребности растутъ не по днямъ, а по часамъ; быстрота сбыта товаровъ ускоряется вслѣдствіе усиленія спроса; но количество денегъ, необходимыхъ для торговыхъ сдѣлокъ, не только не увеличивается, а постоянно уменьшается. Это фактъ замѣчательный.

По вычисленіямъ экономистовъ и всѣмъ официальнымъ даннымъ оказывается, что сумма наличныхъ денегъ, которыя употребляетъ Англія для своихъ торговыхъ сдѣлокъ, не превышаетъ 750 милліоновъ. Франція нуждается въ звонкой монетѣ гораздо болѣе: денежный ея капиталъ оцѣнивается въ $3\frac{1}{2}$ милліарда. Другими словами: промышленность и торговля Франціи требуютъ наличныхъ денегъ вчетверо болѣе Англіи, хотя и достигаютъ меньшихъ результатовъ. (Ch. Coquelin). — Этотъ фактъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ афоризмъ Исаака Перейры — «чѣмъ страна болѣе развита, тѣмъ менѣе нужны ей деньги».

На всемъ земномъ шарѣ добывается ежегодно золота и серебра на сумму 500 милліоновъ рублей. Спрашивается: что значить это количество въ сравненіи съ цѣнностью годового производства даже двухъ такихъ государствъ, какъ Англія и Франція?! Развѣ послѣ этого золото и серебро, эта ничтожная часть общественнаго богатства, могутъ еще играть на всемірномъ рынкѣ прежнюю свою роль владыки и распорядителя труда и торговли? Нѣтъ! — царству ихъ насталь конецъ...

Вотъ что говорилъ, между прочимъ, знаменитый Александръ Гумбольдтъ: «Золото и серебро, которыя въ теченіе вѣковъ привозились въ Европу изъ южной Азіи, Африки и Америки, въ настоящее время вывозятся обратно въ тѣ страны, которыя начинаютъ въ нихъ нуждаться, подобно Европѣ въ первомъ періодѣ ея цивилизаціи. Вслѣдствіе этого является уже необходимость изобрѣтать новыя средства кредита, которыя вознаградили бы насъ за недостатокъ денегъ».

Назначеніе монеты вообще состоитъ въ томъ, чтобы служить орудіемъ мѣны, посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ. Я замѣчалъ уже, что, строго говоря, каждый товаръ или произведеніе труда можетъ въ сущности быть монетою. Такъ оно дѣйствительно было и прежде, и теперь есть. Всѣмъ извѣстно, что въ первое время люди избирали мѣриломъ оцѣнки: скоть, кожи, хлѣбъ и проч.: затѣмъ начали промѣнивать товары на слитки золота и серебра, изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, стали чеканить звонкую монету. Съ появленіемъ денегъ взаимная мѣна сдѣлалась гораздо легче и удобнѣе; въ этомъ нѣтъ спору. Но долго ли могли деньги выполнять свое назначеніе и оправдывать то предпочтеніе, которое имъ отдали передъ прежними орудіями мѣны? Если по своимъ качествамъ звонкая монета заняла первое мѣсто, то спрашивается: могла ли она всегда удовлетворять потребностямъ торговли своимъ количествомъ? Конечно нѣтъ. Почему? потому что количество драгоцѣнныхъ металловъ и ихъ производство не зависитъ отъ воли человѣка, какъ приготовленіе разныхъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ товаровъ, а отъ счастливой находки рудниковъ и ихъ богатства, что случается весьма рѣдко. И такъ, количество золота и серебра ограничивается самой природой и противъ этого возставать бесполезно и нелѣпо. Но тутъ возникаетъ вопросъ: сколько намъ нужно денегъ? Разумѣется, сколько потребуютъ ихъ продавцы и покупатели, чтобы рас-

плачиваться между собою. Чѣмъ болѣе запросъ на деньги, какъ орудіе мѣны, тѣмъ ихъ должно быть больше. Но чѣмъ опредѣляется этотъ запросъ? — Числомъ торговыхъ сдѣлокъ, потребностями сбыта, размѣрами самого производства. И такъ, чѣмъ больше станемъ мы работать, чѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе будутъ предметы нашего производства, тѣмъ конечно болѣе явится необходимости сбывать каждому свои товары и обмѣнивать ихъ на другіе. До раздѣленія труда и занятій мѣна была весьма ограничена; поэтому люди мало покупали и продавали и болѣею частью сами заботились объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. Но съ тѣхъ поръ, когда трудъ раздробился на множество отдѣльныхъ ремеселъ, когда каждый сталъ работать не на себя, а болѣе на другихъ, тогда взаимный обмѣнъ произведеній сдѣлался почти единственнымъ условіемъ существованія работника, посвятившаго себя одному извѣстному занятію. При такомъ условіи труда понятно, что мѣна натурою дѣлается невозможною. Теперь вся забота работника состоитъ въ томъ, чтобы возможно скорѣе сбыть свое произведеніе и взаимнѣе его получить множество другихъ вещей и товаровъ, въ которыхъ онъ нуждается. Для работника время дорого: онъ живетъ насущнымъ трудомъ и потому, по окончаніи одной работы, долженъ приступить за другую. «Время — деньги», говоритъ пословица; слѣдовательно работнику нужно и то, и другое. Дай ему денегъ и онъ на нихъ купитъ, что пожелаетъ, и будетъ имѣть возможность заниматься своимъ дѣломъ. Но если въ деньгахъ нуждаются всѣ — и купецъ, и фабрикантъ, и рабочій, то спрашивается: откуда взять ихъ? Деньги не сапоги; ихъ нельзя дѣлать по заказу.

И такъ, мы пришли къ тому выводу, что деньги, по ограниченному ихъ количеству, не выполняютъ своего назначенія — служить орудіемъ мѣны. Въ экономическомъ развитіи общества неизбежно наступаетъ пора, когда спросъ на нихъ превышаетъ предложеніе и люди должны отказаться отъ возможности расплачиваться на наличныя. При этомъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что деньги становятся тѣмъ болѣе рѣдки, чѣмъ сильнѣе въ нихъ нуждаются. Поэтому, по логикѣ выходитъ, что крайняя степень экономическаго развитія должна породить страшное безденежье и сдѣлать деньги мифомъ, невидимкой... «Богатство общества, говорятъ экономисты, заключается не въ деньгахъ, а въ товарахъ, вещахъ, приготовлен-

ныхъ для употребленія, и въ капиталахъ разнаго рода, которые служатъ орудіями производства». Совершенно справедливо. Но что значитъ все это богатство, если за недостаткомъ денегъ, этого избраннаго посредника мѣны, мы лишены возможности промѣнивать и сбывать другъ другу произведенія нашего труда?! Какую цѣну имѣетъ для насъ собственность, если она обращается въ ничто?! Купецъ накопилъ товару, завалилъ имъ свою лавку, но сбытъ прекратился и онъ — банкротъ. Фабрикантъ, заводчикъ накопилъ машинъ и матеріалу, рассчитывая усилить производство, — но нѣтъ заказовъ, денегъ нѣтъ заплатить рабочимъ, — и они закрываютъ свои фабрики и заводы, разоряются сами и пускаютъ по міру рабочихъ. Землевладелецъ отдалъ въ наймы свою землю; но арендаторъ, затративъ свой капиталъ на покупку скота и разныхъ земледѣльческихъ орудій, по причинѣ безденежья поневолѣ возвышаетъ цѣны на свои продукты, сокращаетъ ихъ сбытъ, разоряетъ бѣдный классъ и, наконецъ, разоряетъ себя и помѣщика, которому не платитъ. Что значитъ, послѣ этого, трудъ, талантъ, если ни предприниматель, ни потребитель, за недостаткомъ денегъ, не могутъ оплатить ихъ? Что значитъ собственность, когда ею нельзя пользоваться, а приходится продавать за безцѣнокъ, чтобы достать денегъ?! Безъ правильнаго, постояннаго, скорого сбыта и обращенія не могутъ развиваться ни торговля, ни предприимчивость, ни трудъ, и собственность обращается въ ничто. Что же нарушаетъ эту правильность и быстроту сбыта? Употребленіе денегъ.

И такъ, деньги уничтожаютъ торговлю и губятъ собственность. Деньги — самое страшное орудіе банкротства и нищеты. Эта истина доказывается не только умозрительно, логикой, но и ежедневными, повсемѣстными фактами. Кто не знаетъ, съ какою неотразимою силой и какъ часто раздражаются теперь повсюду финансовыя, коммерческія и промышленныя кризисы, которые дѣйствуютъ на современныя общества губительнѣе чумы и холеры.

Послѣ этого каждый пойметъ, конечно, что нужда въ деньгахъ и жалоба на безденежье — очевидный признакъ неразвитости страны и ея отсталости. Пока существовало рабство и крѣпостное право; пока поземельная собственность и трудъ раба составляли основу экономической жизни народовъ; пока наконецъ не было ни раздѣленія занятій, ни фабричной и завод-

ской промышленности, — до тѣхъ поръ деньги играли большую роль. То было золотое время. Ничтожная производительность, ограниченность торговыхъ сношеній, отсутствіе обезпеченія и взаимнаго довѣрія, опасеніе потерять недвижимую собственность, по причинѣ частыхъ войнъ, насилія и грабежа, — все это заставляло людей копить, беречь деньги, какъ самое надежное богатство, которое легче и удобнѣе спасти въ минуту опасности. Евреи ранѣе всѣхъ поняли значеніе денегъ и болѣе всѣхъ цѣнили ихъ, собирали, копили и отдавали въ ростъ. Кто не знаетъ плачевной исторіи этого племени, которое, блуждая въ пустынѣ, еще во времена Моисея, обожало золотого тельца. Затѣмъ, непрерывныя набѣги сосѣдей, долгое рабство и плѣнъ, изгнаніе и скитальчество, общее презрѣніе и гоненіе, все это заставило евреевъ искать спасенія въ деньгахъ — и деньги спасали ихъ всегда. Можно сказать положительно, что если еврейское племя уцѣлѣло до сихъ поръ и сохранило живучесть, не смотря на все испытанія, то этимъ оно обязано деньгамъ, единственно деньгамъ. Филистимляне, аммонитяне, вавилоняне, персы, греки, римляне, короче — всѣ древніе враги и гонители евреевъ давно уже вымерли и исчезли съ лица земли, потому что не поняли, не оцѣнили въ свое время — что такое деньги и какая въ нихъ таится сила. «Деньги — талисманъ нашъ; да сохранять онъ насъ отъ огня, меча и гибели» сказали евреи и съ этою вѣрой бодро вступили въ борьбу со своими врагами и вышли изъ нея побѣдителями. Теперь евреи — первые капиталисты и банкиры; они владѣютъ громадными богатствами и имѣютъ большое вліяніе на политику, финансы и экономическое состояніе государствъ. Имена братьевъ Ротшильдъ, Исаака Перейры, Баруха Фульда, Миреса и множества другихъ банкировъ-евреевъ извѣстны всей Европѣ.

Нашъ экономистъ, г. В. Безобразовъ сказалъ: «Еврей — передовой человѣкъ въ дѣлѣ кредита». Какъ экономистъ, г. Безобразовъ совершенно правъ. Дѣйствительно: никто лучше евреевъ не понималъ смысла денежнаго кредита, правило котораго заключается въ томъ, что кредиторъ долженъ давать въ займы, а самъ въ долгъ не брать. Евреи всегда буквально исполняли это правило и передавали его изъ рода въ родъ. «Давай въ займы чужеземцу, а самъ въ кредитъ не бери, — и ты будешь властвовать надъ народами, и тебя никто не побѣдитъ». Таковъ еврейскій законъ. (Второзак. Гл. XV, ст. 6).

Подъ владычествомъ золота, кредитъ есть ссуда денегъ подъ вѣрный залогъ и за проценты, простые или сложные. Въ концѣ прошлаго вѣка англичанинъ Прайсъ высчиталъ, что $2\frac{1}{2}$ коп. сер., отданныя въ ростъ на сложные проценты въ первый годъ по Р. Х., образовали бы въ 1772 году такую необъятную груду золота, которая равнялась бы 150 милліонамъ шаровъ, каждый величиною съ нашу землю. Эта арифметическая выкладка, кажется, даетъ ясное понятіе о могуществѣ денежнаго кредита. Слѣдуя неуклонно меркантильной системѣ, Англія ратуетъ всюду за свободу торговли и желаетъ, чтобы остальныя государства сняли свои таможи. Деньги, деньги нужны англичанамъ; пора намъ разгадать ихъ тайну. Пока презрѣнные, драгоценныя металлы будутъ владычествовать на всемірномъ рынкѣ, до тѣхъ поръ Англія — всемірный врагъ. Пусть каждый повѣритъ это мнѣніе, заглянувъ въ исторію.

VII.

До сихъ поръ я доказывалъ пагубное вліяніе денегъ на торговлю, независимо отъ банковыхъ и кредитныхъ учреждений.

Теперь я намѣренъ рассмотреть значеніе кредита и его проводниковъ — банковъ.

Прежде всего обращаю еще разъ вниманіе читателя на то, что торговля, въ обширномъ смыслѣ этого слова, то есть взаимный обмѣнъ услугъ и произведеній труда вообще, составляетъ первенствующій и постоянный фактъ общественной экономіи, самое необходимое условіе производства и потребления. Прекратите взаимный обмѣнъ — и затѣмъ немедленно разразится общее повсемѣстное банкротство: милліоны людей умрутъ голодною смертію, собственность превратится въ мифъ и все общество, со всѣми его накопленными богатствами, повергнется въ крайнюю нищету. Такимъ образомъ, вся наша участь, все наше матеріальное и умственное развитіе зависитъ отъ правильности и постоянства того факта, который называется мѣною. Она играетъ точно такую же роль въ общественной экономіи, какую въ экономіи нашего тѣла играетъ обращеніе крови. Поэтому все, что нарушаетъ правильность и замедляетъ быстроту нашего взаимнаго обмѣна, имѣетъ губительное вліяніе на благосостояніе всего общества и производитъ въ немъ страшныя, невыносимыя страданія, банкротство и нищету.

Главная экономическая причина всѣхъ бѣдствій, которыя испытываютъ теперь европейскія общества, уже найдена; эта причина — употребленіе денегъ, какъ орудія мѣны.

Я доказывалъ раньше, что деньги перестали удовлетворять своему назначенію служить посредникомъ торговли съ того самаго времени, когда впервые обнаружился ихъ недостатокъ, явилась невозможность покупать и продавать на наличныя, и люди стали жаловаться на безденежье. Нужда въ деньгахъ, увеличивая спросъ на нихъ, конечно, должна была постоянно возвышать ихъ значеніе, тѣмъ болѣе, что количество золота и серебра, находившагося въ обращеніи, становилось со дня на день ничтожнѣе, сравнительно съ массою другихъ товаровъ и произведеній. При такомъ положеніи дѣлъ, всякій, у кого явились деньги, разумѣется, сталъ беречь ихъ, какъ говорится — «на черный день», собиралъ гдѣ могъ, разставался съ ними только въ случаяхъ крайней нужды или, по просьбѣ другого, отдавалъ на срокъ подъ вѣрное обезпеченіе и съ условіемъ возратить непременно съ придачею. Таково начало кредита, какъ отдачи денегъ въ ростъ. Такимъ образомъ, кредитъ явился вслѣдствіе недостаточнаго количества денегъ, ихъ рѣдкости, съ одной стороны, а съ другой — по причинѣ нужды въ нихъ, какъ непремѣнномъ посредникѣ каждой мѣновой сдѣлки. Всякая мѣна вообще предполагаетъ взаимность нужды покупателя и продавца и потому требуетъ равенства услугъ. Взаимность и равенствіе услугъ — таковъ законъ мѣны. Но подъ владычествомъ золота, кредитная сдѣлка вовсе не повинуется этому закону. Тутъ нуждается одинъ заемщикъ; что же касается заимодавца, то онъ требуетъ отъ него только обезпеченія долга и своевременнаго его возврата съ придачею. Нуждаться въ услугахъ ближняго весьма естественно; но нуждаться въ деньгахъ очень невыгодно. Вотъ почему каждый опытный человѣкъ, а болѣе всего самъ кредиторъ, старается избѣгать кредита, желая только давать его, но не получать. Такъ какъ кредитная сдѣлка не повинуется закону обыкновенной мѣны, основанному на взаимности, а болѣе или менѣе нарушаетъ его, то съ самаго появленія своего она и обратила на себя общее вниманіе, какъ дѣло подозрительное. «Не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь». На основаніи этого правила житейской мудрости, законодатели, философы, моралисты всѣхъ вѣковъ и сами народы, во имя неподкупной совѣсти, на вѣки вѣковъ заклеили ли-

хоймца названіемъ преступника и вора, оскорбителя нравственности. До сихъ поръ еще лихоимство стоитъ въ ряду самыхъ позорныхъ преступленій въ сводѣ гражданскихъ законовъ и подлежитъ строгому наказанію; что же касается лихоимца, то онъ никогда не могъ возбудить къ себѣ сожалѣнія въ людяхъ, которые съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ состраданіемъ смотрятъ на убійцу, идущаго съ нимъ рядомъ. «Горе, горе лихоимствующимъ!» — такими словами провожали всегда преступниковъ, заклеянныхъ этимъ страшнымъ пменемъ.

Но если кредитъ подалъ случай къ преступленію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ самъ по себѣ преступенъ. Слово «кредитъ» означаетъ довѣріе и это значеніе оправдываетъ его. Съ той минуты, какъ человекъ первый разъ поручился за человека и сдѣлался надписателемъ переводнаго векселя — кредитъ выразилъ принципъ солидарности, взаимности и круговой поруки должника и кредитора. Передаточная надпись самого заимодавца на роспискѣ должника и обѣщаніе, данное другому, отвѣчать за него, доказала, что кредитъ можетъ и долженъ быть выраженіемъ довѣрія и солидарности. Ростовщикъ говоритъ своей жертвѣ: «Я тебѣ не довѣряю: давай залогъ, пиши форменный вексель и означай на немъ, что я беру съ тебя законные проценты. Вотъ тебѣ деньги; по обыкновенію, я беру впередъ 20% съ занятой у меня суммы. Теперь иди — и помни, что если пропустишь срокъ, то я представлю вексель ко взысканію и тебѣ не миновать тюрьмы». Кредиторъ говоритъ заемщику другое: «Я тебѣ довѣряю и беру подписанный тобою вексель. Если, до истеченія срока платежа, мнѣ понадобятся деньги, я передамъ твой вексель другому съ ручательствомъ заплатить за тебя въ томъ случаѣ, когда ты будешь не въ состояніи удовлетворить предъявителя. Ты видишь — мы солидарны, связаны другъ съ другомъ общими интересами».

Цѣль кредита — удовлетворить запросу на деньги, безъ которыхъ донинѣ не хотятъ обойтись торговля и промышленность.

До настоящаго времени кредитъ далеко не соответствуетъ своему назначенію, надеждамъ своихъ поборниковъ и справедливымъ требованіямъ самого общества. Вотъ главная причина, почему онъ порождаетъ столько бѣдствій, столько грустныхъ оболещеній.

Самое поразительное доказательство того младенческаго со-

стоянія, въ которомъ находится еще кредитъ, какъ экономическая сила, заключается въ отсутствіи основательнаго знанія его свойствъ и назначенія. Вотъ почему онъ до сихъ поръ остается самымъ темнымъ и запутаннымъ вопросомъ общественной экономіи. По сіе время еще господствуетъ убѣжденіе, что пользоваться кредитомъ значитъ жить въ счетъ будущихъ благъ. Такъ думаютъ и многіе экономисты. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, послушаемъ, что говоритъ о кредитѣ нашъ экономистъ, г. Безобразовъ, въ предисловіи къ своему переводу сочиненія Курселя-Сенеля — «Банки».

«Можно считать великимъ благомъ въ экономіи человеческого общества такую силу, которая позволяетъ относить затрудненія настоящаго на способы будущаго, замѣнять недостатокъ одной эпохи излишками другой». Эта сила, конечно, — кредитъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Безобразовъ говоритъ слѣдующее:

«Спеціальное призваніе кредита, какъ въ частномъ, такъ и въ народномъ хозяйствѣ — дать хозяину (?) силу превозмочь временныя затрудненія въ производствѣ богатства, уменьшить ущербы въ способахъ настоящаго посредствомъ отнесенія части ущербовъ на счетъ способовъ будущаго».

Кто можетъ, кромѣ экономиста, выразаться такимъ языкомъ! Если бы г. Безобразовъ говорилъ по-русски и не имѣлъ притязанія на ученость, то сказалъ бы просто: цѣль кредита состоитъ въ томъ, чтобы дать человеку возможность обернуться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и пожить въ счетъ будущихъ благъ. Это, кажется, яснѣе.

Теперь, спрашивается, таково ли, дѣйствительно, должно быть назначеніе кредита?

Не желая произносить собственнаго сужденія, — приведу слова г. Цешковскаго, автора замѣчательнаго сочиненія «Du Crédit et de la Circulation» которое, конечно, извѣстно каждому экономисту.

«Прежде всего слѣдуетъ произнести судъ надъ однимъ заблужденіемъ, господствующимъ въ теоріи, которое имѣетъ ощутительное значеніе и на практикѣ. Изслѣдуя настоящія свойства кредита, многіе окончательно стали воображать, что кредитъ ничто иное, какъ предвареніе (anticipation) будущаго... По истинѣ, если бы подобное мнѣніе не было ложнымъ, то оно пало бы самымъ страшнымъ обвиненіемъ на тѣхъ, которые

превозносятъ пользу кредита или извиняютъ такой явный грабежъ, грабежъ тѣмъ болѣе гнусный, что онъ совершается безнаказанно и сваливаетъ все бремя на тѣ поколѣнія, которыя не могутъ возстать противъ подобнаго злодѣяства, потому что ихъ нѣтъ еще на свѣтѣ».

Вотъ какъ смотритъ философъ на мнѣніе о кредитѣ такихъ экономистовъ, какъ Безобразовъ и К^о.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если съ такимъ взглядомъ на кредитъ г. Безобразовъ рѣшается утверждать, что «наша торговля всего болѣе, можетъ быть (?!), нуждается въ рискованныхъ и неблагонадежныхъ торговыхъ сдѣлкахъ». По его убѣжденію—«Еврей—передовой человѣкъ въ дѣлѣ кредита на всемъ земномъ шарѣ».

Г. Безобразовъ, рыцарь свободной торговли, проповѣдуетъ, что въ Россіи слѣдуетъ завести частныя банки. По его словамъ—банковья операція, т. е. торговля деньгами, должны быть занятіемъ частныхъ людей.» Дѣло, говоритъ онъ, для котораго нужны капиталъ и коммерческая голова, въ которомъ есть рискъ и есть пожива (!!), по мнѣнію экономиста, не пригодно для казны, а должно быть въ рукахъ частнаго лица».

И такъ, на томъ соображеніи, что въ банкирскомъ дѣлѣ можетъ быть пожива, г. Безобразовъ проповѣдуетъ свободу банковъ... Прекрасно! Но что разумѣетъ онъ подъ словомъ—пожива въ такомъ учрежденіи, какъ банкъ, которое должно всегда подлежать общественному контролю, потому что ему довѣряютъ свое имущество, свою честь милліоны семействъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ книгѣ Курсель-Сенёля, которую перевелъ г. Безобразовъ для нашего поученія.

«Всѣ древніе отвергали законность роста и смотрѣли на него, какъ на дурное дѣло. Это мнѣніе (!!) вкралось (!) въ католическую церковь—и даже (!) въ наше время оно проявилось въ новомъ видѣ и съ болѣею силою.

«Заимодавецъ, говорили древніе, не имѣетъ права брать процентъ, потому что деньги, которыми онъ ссужаетъ, по самой природѣ своей, бесплодны и непродуцательны».

Пока остановимся на этой выпискѣ. Г. Курсель-Сенёль сожалѣетъ о томъ, что древніе думали о лихонмствѣ не такъ, какъ онъ самъ. Напрасно: не только древніе, но и современные люди остаются при томъ глубокомъ убѣжденіи, что лихонмство—самый гнусный порокъ, хуже преступленія. Вотъ почему ли-

хонмецъ заслуживаетъ не только презрѣніе и ненависть со стороны общества, но и подлежить строгому суду, по законамъ государства. Законъ, признавая неподкупность человѣческой совѣсти, включилъ лихонмство въ число позорныхъ преступленій и поставилъ ростовщика на ряду съ воромъ и разбойникомъ. «Не дѣлай другому того, чего самъ не желаешь, чтобы дѣлалъ тебѣ другіе». Вотъ основаніе отношеній людей, живущихъ въ обществѣ. — Но законодатель видѣлъ, что процентъ не свыше 6 считался достаточнымъ вознагражденіемъ за услугу заимодавца и утвердилъ этотъ процентъ, если не по принципу, то на дѣлѣ. Процентъ выше 6 по закону считается уже лихонмствомъ: заимодавецъ подлежитъ суду, какъ преступникъ противъ общественной нравственности.

Но Курсель-Сенёль и всѣ экономисты рассуждаютъ иначе.

Они говорятъ: «Петръ занялъ у Ивана на 20%. Есть ли тутъ лихонмство? Да, утверждаетъ законъ, потому что величина процента превышаетъ 6 на 100. Нѣтъ, отвѣчаютъ въ одинъ голосъ и наука и нравственность» (!!) (см. гл. VIII).

Далѣе экономисты говорятъ:

«Было замѣчено также, что законы противъ лихонмства всегда легко обойти.

«Было замѣчено также, что установленіе закономъ величины процента было прямымъ нарушеніемъ права собственности (sic) и притомъ нарушеніемъ смѣшнымъ». Но довольно... довольно!.. Пусть экономисты, разъ навсегда, перестанутъ говорить о нравственности... Ихъ ученіе не сдѣлается лучше, если они будутъ называть «собственность — лихонмствомъ».

Подъ владычествомъ денегъ, кредитъ — утопія; мало того—онъ остается до сихъ поръ баснословнымъ сфинксомъ, котораго не могутъ разгадать экономисты. Devine ou je te dévove—вотъ послѣднее слово кредита.

«Для всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаютъ у насъ промышленность и торговля, придумано въ послѣднее время особое выраженіе «безденежье»; на него то собственно всѣ жалуются.» Такъ говоритъ г. Безобразовъ, поклонникъ свободы банковъ и торговли.

«Но что же такое безденежье?» спрашиваетъ онъ и за тѣмъ продолжаетъ: «Можно сказать безошибочно, что подъ безде-

нежемъ, на которое всѣ жалуются, надо всего болѣе разумѣть недостатокъ кредита, а всего менѣе недостатокъ собственно денегъ». Послѣднія три слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

Ошибается г. Безобразовъ, ошибается жестоко. — Подъ безденежемъ надо разумѣть вовсе не отсутствіе кредита, а наоборотъ, подъ словомъ — кредитъ слѣдуетъ разумѣть недостатокъ денегъ. Это такъ ясно, что мнѣ рѣшительно не понятно, почему г. Безобразовъ могъ высказать мысль, противную здравому смыслу. Кредитъ появлялся вездѣ только по причинѣ недостатка денегъ; другой причины его появленія и существованія быть не могло. Если бы у каждаго было достаточно денегъ для всѣхъ обыденныхъ расходовъ, то конечно каждый платилъ бы наличными и покупалъ на наличныя.

Почему же такъ не дѣлается? — потому что у насъ не достаетъ наличныхъ денегъ для всѣхъ расчетовъ и мы принуждены изобрѣтать разнаго рода средства, чтобы замѣнить настоящія деньги—денежными знаками. Векселя, банковые билеты и пр., все это изобрѣтенія кредитныя, цѣль которыхъ удовлетворить запросу на настоящія деньги, единственно, признаннаго теперь орудія торговли и обращенія.

Очевидная, хотя не признанная цѣль кредита и банковъ заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе упростить всѣ торговыя сдѣлки, ускорить обращеніе и сбытъ произведеній, сблизить продавцовъ и покупателей, а главное—изгнать изъ общаго употребленія звонкую монету, какъ самое дорогое и варварское орудіе мѣны. Чѣмъ болѣе какаа-либо страна дѣлаетъ успѣховъ въ промышленности и торговлѣ, чѣмъ болѣе она производитъ, — тѣмъ менѣе нуждается въ наличныхъ деньгахъ, въ золотѣ и серебрѣ. Въ настоящее время въ Англіи ²/₁₀ всѣхъ уплатъ совершается безъ помощи звонкой монеты, даже безъ банковыхъ билетовъ. Въ Лондонѣ существуетъ такъ называемый «Ликвидационный банкъ», который производитъ свои операціи простымъ сравненіемъ прихода-расходныхъ счетовъ, по кредитнымъ документамъ. Благодаря такому способу, этотъ банкъ ежедневно ведетъ дѣла на сумму свыше 4 милліоновъ, имѣи фондъ не болѣе 200,000. Этотъ примѣръ ясно доказываетъ, какъ легко обойтись въ торговыхъ сдѣлкахъ безъ посредничества денегъ. И какое значеніе, наконецъ, могутъ имѣть деньги, когда вексель вполне замѣняетъ ихъ!.. Стоить только

обобщить его, сдѣлать ходячею монетою — и царству золота пробѣтъ послѣдній часъ. При настоящемъ экономическомъ развитіи Европы, деньги служатъ только помѣхой для торговли и промышленности, облагая тяжелой податью всѣ произведенія труда, которыя должны были бы обмѣниваться, покупаться и продаваться безъ ихъ вмѣшательства.

Каждому извѣстно, что всякая торговая сдѣлка распадается на двѣ операціи — покупку и продажу. Покупатель расплачивается наличными или беретъ въ кредитъ; брать въ кредитъ вообще невыгодно въ томъ отношеніи, что приходится платить извѣстный процентъ. Какъ избѣжать этого, если нѣтъ денегъ въ наличности? Англійскіе купцы и лавочники не имѣютъ обыкновенія держать денегъ у себя дома, а отдають ихъ банкиру съ тѣмъ, чтобы онъ производилъ всѣ платежи по ихъ билетамъ на предъявителя — по «чекамъ». Эти билеты часто ходятъ довольно долгое время по рукамъ, прежде чѣмъ поступаютъ къ банку.

Употребленія денегъ можно бы избѣжать гораздо лучше выдачею такого векселя, который бы ходилъ безпрепятственно, наравнѣ съ монетою. Каждый знаетъ, что вексель тѣмъ надежнѣе, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ за себя поручителей. Вотъ почему вѣрные векселя принимаются такъ же охотно, какъ и настоящія деньги. Самое главное ихъ неудобство заключается въ томъ, что они подлежатъ денежному учету. Освободить вексель отъ такого рабства—значило бы обратить его въ ходячую монету, а тѣмъ самымъ, разъ на всегда, избавиться отъ монополя денегъ, которыя мѣшаютъ сбыту и обращенію товаровъ и производятъ только застои и кризисъ въ торговлѣ и промышленности.

VIII.

Проводниками кредита служатъ «банки».

«Въ самой глубокой древности мѣнялы, сидя предъ своими столами или скамьями (banque), промѣнивали одинъ на другія различныя монеты, отечественныя и иностранныя. По большей части они соединяли съ этимъ ремесломъ торговлю золотыми и серебряными слитками. Но мѣнялы и банкиры древности не ограничивались одною торговлею деньгами, а сужали ихъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки и получали сами, въ

видѣ вкладовъ, капиталы частныхъ лицъ, чтобы пользоваться ими и пускать ихъ въ оборотъ. И въ наше время банкиръ дѣлаетъ то же самое». (Курсель-Сенель. Банки. Перев. В. Безобразовъ).

И такъ, современные банкиры, подобно древнимъ, занимаются торговлею денегъ, извлекая барыши изъ своихъ, а болѣе всего изъ чужихъ денежныхъ капиталовъ. Изъ этого видно, что банкирская торговля существенно отличается отъ купеческой, потому что купецъ торгуетъ почти всегда на свой счетъ; въ противномъ случаѣ онъ называется «коммиссіонеромъ».

Курсель-Сенель, написавшій сочиненіе о банкахъ, которое переведено на нашъ языкъ г. В. Безобразовымъ, говоритъ, что искусство банкира очень просто и его можно подвести къ нѣсколькимъ общимъ правиламъ, точно такъ же, какъ подведено военное искусство. «Наноси неприятелю возможно болѣе вреда съ наименьшею для себя потерею». — Таково правило войны. «Извлекай какъ можно болѣе барышей изъ своихъ и чужихъ капиталовъ». Таково правило настоящаго банкира, который долженъ обладать притомъ извѣстными качествами и способностями.

«Тотъ у кого раздражительные нервы, живое воображеніе, сердце слишкомъ чувствительное, пылкій, безпокойный характеръ, тотъ долженъ посвятить себя другому занятію, а не банкирскому дѣлу.

«Банкиръ не долженъ быть ни поэтомъ, ни философомъ, ни ученымъ, ни писателемъ, ни ораторомъ, ни государственнымъ человекомъ; ему не нужно обладать никакимъ блестящимъ талантомъ, которымъ бы онъ отличался отъ остальныхъ людей; даже лучше, если онъ ихъ вовсе не имѣетъ».

Вотъ какія качества долженъ имѣть банкиръ, по мнѣнію Курсель-Сенеля и его переводчика г. Безобразова. — Они говорятъ между прочимъ слѣдующее:

«Банкиръ всегда принужденъ (?) пользоваться трудомъ другихъ; онъ долженъ имѣть подчиненныхъ (?) ему сотрудниковъ... Умѣнье управлять трудомъ многихъ людей всегда трудное дѣло и требуетъ много искусства и, чтобы ни говорили относительно другихъ занятій, но въ дѣлѣ банка, для того, чтобы умѣть распоряжаться, слѣдуетъ прежде выучиться повиноваться чужимъ приказаніямъ.

«Случается иногда, что управляющіе банковъ губятъ свое

здоровье излишнею механическою работою, которую слѣдовало бы предоставить конторщикамъ, а самимъ имѣть общій надзоръ и управленіе».

Банкиръ особенно заботится о дисциплинѣ своихъ подчиненныхъ, приказывая главному прикащику строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы они являлись въ контору всякое утро въ определенное время, чтобы въ продолженіе дни не отлучались безъ причины и не уходили прежде, чѣмъ кончатъ свое дѣло. Прикащикъ долженъ отъ времени до времени просматривать въ порядкѣ ли держатся книги, а если не въ порядкѣ, то дѣлать надлежащія замѣчанія и выговоры. (Банки, перев. В. Безобразова).

Такова банкирская служба и ея арестантскій уставъ!

«Многимъ, чуждымъ промышленной жизни, замѣчаетъ г. В. Безобразовъ, вся эта экономическая мораль (!!) можетъ показаться черезчуръ узкою и черствою; но она нисколько не противорѣчитъ нравственности (!!) и самымъ кореннымъ основамъ христіанской любви».

Экономическая мораль, какую проповѣдуетъ г. Безобразовъ, намъ извѣстна. «Законы противъ лихоимства — безнравственны; они нарушаютъ право собственности». Вотъ образчикъ этой морали! (см. «Банки», стр. 27—29).

Возвратимся къ нашему предмету.

Древніе банкиры занимались размѣномъ и отдавали въ ростъ свои и чужія деньги. Въ средніе вѣка ремесло мѣнялы получило большое значеніе по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія монетъ и частой ихъ поддѣлки, которою занимались такіе короли, какъ Филиппъ I французскій. Это офиціальное преступленіе уже не въ модѣ.

Во всѣхъ почти государствахъ звонкая монета чеканится теперь изъ серебра и золота. Это обстоятельство даетъ мѣняламъ возможность заниматься не только однимъ размѣномъ, но и другою прибыльною операціею, которая у англичанъ называется *drainage*. Она заключается въ томъ, чтобы искусственно понижать цѣнность одного металла, перекупать его, а потомъ, когда запросъ на него подымется, продавать по дорогой цѣнѣ. Конечно, такая мастерская операція дѣлаетъ мѣнялу распорядителемъ рынка и наноситъ большой ущербъ торговлѣ.

Неудобства и невыгоды употребленія звонкой монеты, какъ посредника торговыхъ сдѣлокъ, были замѣчены давно, еще въ средніе вѣка. Неправильность денежнаго обращенія, поддѣлка

и разнообразіе монетъ, частый упадокъ ихъ цѣнности, недобросовѣстность мѣняль, — все это заставило, наконецъ, тогдашнихъ купцовъ прибѣгнуть къ довольно остроумному средству избѣгать употребленія денегъ, а именно — къ устройству депозитныхъ банковъ. Первый таковой банкъ появился въ Венеціи, въ 12-мъ вѣкѣ, затѣмъ въ Барселонѣ, Флоренціи, Генуѣ, Амстердамѣ, Гамбургѣ, Роттердамѣ и въ другихъ большихъ торговыхъ городахъ. Устройство вкладочныхъ банковъ очень просто: купцы и вообще капиталисты вносятъ свои наличныя деньги, въ видѣ вклада, и поручаютъ затѣмъ банкиру производить всѣ платежи по ихъ увѣдомленію, посредствомъ переводовъ съ одного счета на другой, безъ перемѣщенія денегъ. Такимъ образомъ, благодаря этому способу, всѣ расчеты дѣлаются письменно и банкиру остается только исправно вести приходо-расходныя книги своихъ вкладчиковъ, которые погашаютъ другъ на другъ свои долги. Подобная операція (*virements des parties*) происходитъ до сихъ поръ во французскомъ банкѣ ежегодно на сумму свыше 8 милльардовъ франковъ.

Система взаимнаго погашенія долговъ дала начало векселю, самому разумному посреднику торговыхъ сдѣлокъ, который долженъ непремѣнно изгнать изъ употребленія звонкую монету, банковые, кредитные билеты и другіе денежные знаки, замедляющіе обращеніе. О значеніи векселей мы уже говорили прежде.

Цѣль банковыхъ учрежденій, по словамъ Исаака Перейры, постоянно заключалась въ томъ, чтобы возможно болѣе упростить мѣновыя сдѣлки и давать средство обходиться безъ денегъ.

Эта цѣль, какъ мы видѣли, отчасти достигалась уже двумя способами: 1) посредствомъ переводовъ и уравненія счетовъ, и 2) помощію векселей.

На этихъ двухъ способахъ финансовый гений не остановился. Стремясь нанести болѣе рѣшительный ударъ царству денегъ, онъ придумалъ новое средство — оборотные банки и выпускъ банковыхъ билетовъ.

Распространеніе векселей, ихъ очевидная польза и постоянно-возраставшія нужды торговли, навели банкировъ на ту мысль, что «бумага должна совершенно замѣнить деньги и окончателно вывести изъ употребленія это варварское орудіе мѣны». Подобная мысль могла быть основана на слѣдующемъ разсужденіи. Въ большей части случаевъ торговыя сдѣлки совершаются безъ посредничества денегъ; для замѣны ихъ купцы выдаютъ

другъ на друга векселя, которые принимаются ими такъ же охотно, какъ настоящія деньги; это фактъ неподлежащій сомнѣнію. На чемъ, спрашивается, основано такое повсемѣстное употребленіе векселей и почему они ходятъ наравнѣ съ металлической монетою? Потому что обладатель векселя довѣряетъ векселедателю и надписателямъ, увѣренъ въ платежъ и знаетъ, что торговый вексель тѣмъ благонадежнѣе, чѣмъ болѣе на немъ передаточныхъ надписей. Такимъ образомъ, взаимное довѣріе и круговая порука торговыхъ лицъ — вотъ что составляетъ достоинство векселя и даетъ ему значеніе настоящей монеты. Но кругъ обращенія частнаго векселя обусловливается числомъ и павѣстностью надписателей, ихъ личными качествами и состояніемъ и, кромѣ того, продолжительностью срока, на который онъ выдается. Поэтому, если найдти средство расширить кругъ обращенія векселя до такой степени, чтобы все общество согласилось принимать его какъ монету, то металлическія деньги вышли бы изъ употребленія.

Найдти такое средство было легко; для этого стоило только частный, именная, срочный вексель обратить въ безименный, безсрочный билетъ съ непремѣннымъ ручательствомъ, что каждый предъявитель можетъ, во всякое время, по своему желанію, потребовать его размѣна на звонкую монету. Но кто, спрашивается, будетъ производить этотъ размѣнъ? — Разумѣется банкиръ, выпускающій билеты на предъявителя и по предъявленію. Что будетъ служить основою подобныхъ операцій банкира? Его собственный денежный капиталъ, посторонніе вклады, частныя векселя и другія срочныя торговыя бумаги, которыя онъ принимаетъ къ учету.

Постоянное и необходимое условіе экономической дѣятельности составляетъ мѣна или торговля, принимая это слово въ самомъ обширномъ его значеніи, не какъ исключительное ремесло купцовъ, а какъ занятіе всѣхъ и каждаго. Мы всѣ продаемъ и покупаемъ, всѣ обмѣниваемся другъ съ другомъ услугами и произведеніями нашего труда, короче — всѣ торгуемъ. Безъ взаимнаго обмѣна намъ нельзя ни жить, ни развиваться. Но непосредственная мѣна натурыю, вещь на вещь, товаръ на товаръ для насъ весьма затруднительна, даже невозможна и потому мы принуждены употреблять для этой цѣли деньги, которыми и расплачиваемся другъ съ другомъ. При существующемъ разнообразіи и развитіи нашихъ мѣновыхъ

сдѣлокъ, деньги рѣшительно не могутъ уже удовлетворять своему назначенію; другими словами: запросъ на деньги не отвѣчаетъ предложенію. Въ такомъ положеніи дѣль расплата на наличныя, разумѣется, почти невозможна и приходится покупать и продавать въ кредитъ. Пока кредитъ былъ основанъ исключительно на деньгахъ, то заемщикъ поневолѣ платилъ большой оброкъ заимодавцу. Это обстоятельство и побудило законодателей преслѣдовать лихоимство и клеймить его, какъ преступленіе. Строго говоря, лихоимство — преступленіе неумышленное: оно произошло вовсе не отъ порочныхъ наклонностей чловѣка и его желанія вредить ближнему, а просто отъ безденежья. Если бы денегъ было вдоволь, то каждый платилъ бы наличными, и ростовщикамъ было бы плохо. Но къ сожалѣнію люди долго придавали большое значеніе деньгамъ, считали ихъ непремѣннымъ посредникомъ мѣны, постоянно нуждались въ нихъ, сами не подозревая, что эта нужда укоренила и развивала то самое лихоимство, отъ котораго они хотѣли навсегда избавиться. Такимъ образомъ нужда въ деньгахъ или поощреніе лихоимству — одно и то же.

Недостатокъ денегъ, какъ мы уже замѣтили, породилъ кредитъ. Это слово первоначально означало ссуду денегъ за проценты. Въ настоящее время кредитъ такого значенія имѣть не можетъ. Порожденный безденежемъ — кредитъ есть самое радикальное, безусловное отрицаніе денегъ. Поэтому, когда у насъ настанетъ крайнее безденежье, когда деньги обратятся въ мифъ и мы будемъ знать ихъ только по преданію, тогда наступитъ царство кредита, царство взаимнаго довѣрія и круговой поруки, и общество выйдетъ на широкій, безопасный путь матеріальнаго развитія. И такъ, когда мы говоримъ теперь: «намъ нуженъ кредитъ, то этимъ желаемъ сказать — намъ не нужны деньги». Когда общество жалуется на безденежье, это самая лучшая пора его жизни, пора настоящаго развитія.

До появленія банковъ слово кредитъ означало недоувѣріе. Заимодавецъ ссужалъ деньги за большіе проценты и обращалъ должника въ податного раба. Чѣмъ люди сильнѣе нуждались въ деньгахъ и кредитъ, тѣмъ недоступнѣе становился заимодавецъ, тѣмъ слабѣе было его довѣріе къ заемщикамъ; онъ возвышалъ проценты, уменьшалъ срокъ ссуды, требовалъ отъ нихъ надежнаго обезпеченія, другими словами — всѣми мѣрами совращалъ

кредитъ. Мнѣ приходилось не разъ высказывать ту мысль, что подъ владычествомъ денегъ, кредитъ — утопія, неумѣстность. Дѣйствительно: если нужда въ деньгахъ возрастаетъ ежеминутно, вслѣдствіе неукротимаго развитія торговли и потребностей обращенія, а количество ихъ не увеличивается въ такой же пропорціи, то должна же наступить пора, когда спросъ на деньги будетъ такъ великъ, а предложеніе ихъ такъ ограничено, что доставать въ кредитъ, даже за баснословные проценты, будетъ очень трудно. Что придется дѣлать въ такомъ положеніи? Неужели люди, принужденные занимать деньги и платить за 1 рубль 100 руб., согласятся закабалить себя и сдѣлаться неоплатными должниками денежныхъ капиталистовъ? Допустимъ даже, что это случится, а потомъ? Опять нуждаться въ деньгахъ, опять брать въ займы! А чѣмъ платить? Поневолѣ придется всему обществу работать даромъ на 10 или 20 господъ, если при этомъ они дадутъ средства работать и не допустить умереть голодною смертью. Вотъ что значитъ нуждаться въ деньгахъ. Сдѣлаемъ другое предположеніе. — Пусть люди, постоянно нуждаясь въ деньгахъ и зная, что брать ихъ въ кредитъ невыгодно и опасно, согласятся вовсе не занимать; что изъ этого выйдетъ? Очевидно мѣновыя сдѣлки сократятся, торговли придетъ въ страшный упадокъ, фабрики и заводы закроются, раздѣленіе занятій сдѣлается неумѣстнымъ; каждый станетъ готовить на себя все нужное и заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ и самыхъ необходимыхъ потребностей, отказывая себя во всемъ остальномъ. Короче, во избѣжаніе кредита, люди должны будутъ обратиться въ первобытное состояніе и сдѣлаться варварами.

И такъ, нуждаться въ одно и то же время и въ деньгахъ, и въ кредитъ — значитъ дѣлать неоплатные долги и обрекать себя добровольно на рабство и на каторжную работу; а нуждаться только въ деньгахъ, не прибѣгая къ пособію кредита — значитъ тоже добровольно осуждать себя на послѣдовательное обнищаніе, отказываться отъ дальнѣйшаго развитія и доводить себя до варварскаго состоянія. Вотъ что значитъ нуждаться въ деньгахъ и считать ихъ непремѣнными, необходимыми и незамѣнными посредниками мѣны. Пусть кто нибудь докажетъ мнѣ, что я погрѣшилъ противъ логики, доводя употребленіе денегъ до очевидной нелѣпости?! — Я отрицаю деньги вовсе не изъ пристрастія къ парадоксу или желанія отличиться оригинальностью,

а потому что того требуют логика, смысл всей прошедшей экономической жизни народовъ, направление нашего вѣка и цѣль учрежденія банковъ.

Деньги управляютъ ходомъ всей торговли и промышленно-сти и вообще имѣютъ громадное вліяніе на политическое, гражданское и экономическое состояніе народовъ. Съ конца XVIII вѣка деньги стали стекаться въ банки и другія кредитныя учрежденія. Французскій еврей и банкиръ Исаакъ Перейра, какъ я уже упомянулъ, высказалъ ту мысль, что «цѣль банкирскихъ операций заключается въ томъ, чтобы вывести изъ употребленія звонкую монету, это варварское орудіе мѣны». Эта мысль подтверждается фактами. Дѣйствительно: каждый банкъ, закладывая свой денежный фондъ въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ золота и серебра, всегда старался привлекать къ себѣ подобные вклады отъ частныхъ лицъ и вынималъ изъ обращенія металлическія деньги. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Извѣстный историкъ и экономистъ Симонъ де Сисмонди основательно сказалъ: «банкиръ, собирая деньги, чувствуетъ, что сосредоточиваетъ въ своихъ сундукахъ могущество и власть».

Но если банки извлекали изъ обращенія звонкую монету, какъ «варварское орудіе торговли», то спрашивается: что же они давали взамѣнъ ее? Конечно вкладчики не даромъ же несли въ банкъ свое золото! Какую же придумали монету вмѣсто настоящихъ денегъ? Взамѣнъ драгоценныхъ металловъ, банки стали давать бумагу. На какомъ основаніи? Неужели бумага можетъ быть деньгами? Что отвѣчали на эти вопросы сами банкиры, люди теоріи и практики?

Англійскій еврей, банкиръ и экономистъ Давидъ Рикардо сказалъ: «бумага — совершенный видъ монеты».

Исаакъ Перейра подтвердилъ: «бумага должна замѣнить собою деньги; того требуетъ экономической прогрессъ».

Вотъ мнѣніе двухъ извѣстныхъ господъ, которые понимали что говорили. Можно смѣло сказать, что ихъ слова принимаются на вѣру даже въ мірѣ ученыхъ. Кто поклоняется авторитетамъ болѣе извѣстнымъ, чѣмъ Рикардо и Перейра, тому я сообщаю мнѣніе знаменитаго Адама Смита, котораго экономисты совершенно неосновательно считаютъ своимъ учителемъ.

Адамъ Смитъ сказалъ: «Бумага употребляется вмѣсто золотой и серебряной монеты съ цѣлю замѣнить чрезвычайно до-

рогое орудіе торговли другимъ, которое стоитъ несравненно дешевле и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ тѣ же удобства. Такимъ образомъ обращеніе совершается на колесѣ, выдѣлка и сохраненіе котораго гораздо выгоднѣе прежняго.

«Бумага, въ самомъ дѣлѣ, лучше всего выполняетъ назначеніе монеты. Замѣняя собою настоящія деньги, она представляетъ такія достоинства, которыхъ вовсе нѣтъ въ драгоценныхъ металлахъ, а именно: 1) считать и перевозить ее въ высшей степени удобно; 2) какъ матеріалъ для денегъ, бумага имѣетъ ничтожную цѣну, между тѣмъ какъ добываніе и покупка золота и серебра обходятся очень дорого, и наконецъ, — 3) въ бумагѣ никогда не можетъ быть недостатка и спросъ на нее равенъ предложенію».

Это послѣднее обстоятельство особенно важно, а потому и обратилъ на него вниманіе.

IX.

Повторяю еще разъ слова извѣстнѣйшаго въ Европѣ банкира, Исаака Перейры. —

«Цѣль учрежденія банковъ заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе упростить мѣну и вывести изъ употребленія звонкую монету, это варварское орудіе мѣны».

«Бумага должна совершенно замѣнить собою деньги; того требуетъ экономической прогрессъ».

«Совершенная замѣна денегъ бумагою, а затѣмъ исчезновеніе и самой бумаги — вотъ двѣ мѣры, которыя должны идти параллельно съ прогрессомъ».

«Самыя значительныя уплаты совершаются упрощеннымъ способомъ, посредствомъ вприментовъ или переноса суммы съ одного счета на другой».

Смѣемъ думать, что никто не назоветъ Перейру утопистомъ за его отрицаніе денегъ!

Самые отсталые консерваторы говорятъ теперь, что прогрессъ безъ отрицанія немыслимъ. Отрицаніе не пугаетъ уже никого. Мало того: многіе убѣждаются со дня на день въ томъ, что послѣдовательный логическій рядъ однихъ отрицаній есть самое положительное построеніе.

Возвращаемся къ нашему отрицанію денегъ и денежныхъ банковъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ усиленный спросъ на деньги, обнаруживая ихъ недостатокъ, породилъ кредитъ и заставилъ торгующихъ придумывать различныя средства, чтобы избѣжать употребленія звонкой монеты. Съ XII до XVII вѣка, для достиженія этой цѣли служили вкладочные банки съ ихъ переводными операціями и, затѣмъ, векселя, которые во многихъ случаяхъ замѣняли собою настоящія деньги. При всей своей пользѣ, частные векселя и другія торговыя бумаги могли, однако, имѣть только весьма ограниченный кругъ обращенія, исключительно въ торговомъ мірѣ, между купцами и банкирами. А между тѣмъ постоянное развитіе торговыхъ сношеній, успѣхи промышленности, потребности сбыта и обращенія! — все это настоятельно требовало дать частному векселю общественное мѣновое значеніе, сравнять его съ монетою и освободить отъ денежнаго учета, отъ платежа оброка золоту и серебру. Пониженіе и окончательное уничтоженіе процента составляетъ безспорно главную задачу кредита, какъ бесплатнаго, взаимнаго обмѣна услугъ и произведеній труда. Отъ рѣшенія этой задачи зависитъ не только развитіе всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, но и улучшеніе быта рабочихъ классовъ. Разрѣшить ее значитъ породить дешевизну жизни, усилить производство, сбытъ и потребление, искоренить лихоимство и тунеядство и положить конецъ той убійственной борьбѣ интересовъ, той экономической анархіи, которая укореняетъ нищету и разражается всегда повальнымъ банкротствомъ.

Изобрѣтеніе оборотныхъ банковъ въ концѣ XVII вѣка нанесло большой ударъ царству денегъ и лихоимства. Эти банки не только стали выводить изъ употребленія звонкую монету, замѣняя ее бумагою, но и сдѣлали изъ частнаго векселя самое могущественное орудіе кредита и торговли. Въ прежнія времена кредитъ, какъ говорится, былъ личнымъ; съ появленіемъ оборотныхъ банковъ онъ сдѣлался общественнымъ. Этотъ переворотъ произошелъ вслѣдствіе того, что частный вексель получилъ общественное мѣновое значеніе и, замѣняя собою деньги, сталъ настоящею монетою.

Отличительная черта оборотныхъ банковъ заключается въ томъ, что они выпускаютъ билеты на предъявителя, другими словами — чеканить бумажную монету. Когда банкъ выпускаетъ свой билетъ, взамѣнъ частнаго, срочнаго векселя, то въ сущности онъ чеканитъ бумажную монету точно такъ же,

какъ монетный дворъ — металлическую монету. Здѣсь операція одна и та же: въ томъ и въ другомъ случаѣ, отчеканенная монета, будетъ ли она приготовлена изъ металла или бумаги, — представляетъ собою безсрочный, безъимянный вексель, выдаваемый на имя всѣхъ и каждаго. Чеканить звонкую монету значитъ придавать извѣстную форму кускамъ золота и серебра, опредѣлять ихъ вѣсъ и пробу. Чеканить бумажную монету значитъ придавать болѣе совершенную форму частному векселю, удостовѣрять въ томъ, что онъ находится въ залогъ и затѣмъ ручаться въ его благонадежности. Монетный дворъ чеканитъ монету затѣмъ, чтобы дать слиткамъ золота и серебра общественное мѣновое значеніе; то же самое дѣлаетъ и банкъ въ отношеніи частныхъ векселей, когда обращаетъ ихъ въ билеты и выпускаетъ за свою печатью.

Первый оборотный банкъ былъ основанъ въ Лондонѣ въ 1694 году Вильямомъ Петерсономъ, а второй, годъ спустя, въ Единбургѣ; затѣмъ въ 1718 г. — въ Парижѣ, ученикомъ Петерсона, знаменитымъ Джономъ Ло, и въ 1790 г. въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ.

Исторія оборотныхъ банковъ Франціи, Англіи и Америки представляетъ почти непрерывный рядъ торговыхъ и финансовыхъ кризисовъ и банкротствъ, которые съ 1814 года происходятъ съ изумительною быстротою и одновременностью, почти годъ въ годъ. Оборотные или учетные банки не только не содѣйствуютъ торговлѣ, но рѣшительно губятъ ее, какъ будто единственная цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы увѣковѣчить банкротство и сдѣлать его закономъ общественной экономіи. Банки — учрежденія отжившія; вотъ почему, въ настоящее время, нужно заботиться вовсе не объ устройствѣ ихъ, а о преобразованіи всей кредитной системы. Двѣ старыя теоріи — монополя и конкуренція банковъ — испытаны на практикѣ и несостоятельность ихъ доказана самыми осязательными, ужащающими фактами банкротствъ и вынужденныхъ ликвидаций. Развѣ свободные банки Сѣверо-Американскихъ штатовъ оказались состоятельными? Развѣ монопольные банки — французскій и англійскій оправдали довѣріе общества? Въ Америкѣ, Англіи, Франціи — вездѣ банки объявляли насильственный курсъ своихъ билетовъ, прекращали размѣнъ на звонкую монету и, порождая финансовыя, торговыя и промышленныя кризисы, требовали ликвидаций.

«Товары мѣняются на деньги и банкъ долженъ имѣть металлическій фондъ» — вотъ два софизма, которые лежатъ въ основаніи теорій банковъ. Пока эти софизмы не исчезнутъ, до тѣхъ поръ кредитъ — утопія, мало того — мистификація. Банки могутъ и должны существовать и дѣйствовать безъ денежнаго фонда, безъ запаса золота и серебра. Только при этомъ непремѣнномъ условіи они будутъ въ состояніи удовлетворять требованіямъ торговли и промышленности и содѣйствовать экономическому развитію общества.

Торговля и промышленность нуждаются въ кредитѣ и въ услугахъ банковъ. Кредитъ, какъ водится, есть ссуда денегъ. Эту ссуду производятъ банки, которые ведутъ всѣ операціи на счетъ своего металлическаго фонда и постороннихъ вкладовъ; безъ фонда ни одинъ банкъ не существуетъ. Теперь, спрашивается: что дѣлаетъ банкъ, когда къ нему обращаются за деньгами купцы и промышленники? Онъ производитъ денежную ссуду подъ залогъ векселей на опредѣленный срокъ и съ извѣстнымъ учетомъ. Когда въ кассѣ банка много наличныхъ денегъ, а въ портфель мало векселей, короче — когда въ торговлѣ застой, то банкъ въ безопасности.

Но лишь только промышленность и торговля начинаютъ сильно нуждаться въ услугахъ банка и обращаются къ нему за деньгами, то онъ тотчасъ же принимаетъ рѣшительныя мѣры для сокращенія кредита. Это неизбѣжно, потому что банкъ производитъ ссуду подъ векселя наличными деньгами, долженъ въ то же самое время заботиться о томъ, чтобы у него оставался всегда необходимый фондъ для обезпеченія билетовъ, которые онъ выпустилъ въ обращеніе. Въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ банкротство. Для сокращенія кредита и поддержанія своей кассы, банкъ обыкновенно принужденъ бываетъ: или увеличить учетный процентъ съ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ и уменьшить срокъ ссуды, или объявить насильственный курсъ своихъ билетовъ; другими словами — отказаться отъ ихъ размѣна на звонкую монету. Такимъ образомъ, отъ состоянія портфеля и кассы будетъ зависетьъ расширеніе или сжатіе кредита. Когда въ портфель накапливается много векселей, а въ кассѣ остается мало денегъ, то банкъ сейчасъ же сокращаетъ кредитъ и затѣмъ разражается торговый и промышленный кризисъ.

Въ Англіи, Франціи и Америкѣ эти кризисы стали повторяться съ изумительною точностью, не только годъ въ годъ,

но почти мѣсяцъ въ мѣсяцъ. Передъ наступленіемъ кризиса въ обществѣ всегда замѣчается кака-то болѣзненная, лихорадочная дѣятельность: рождается множество промышленныхъ предприятий, всѣми овладѣваетъ жажда обогащенія и каждый нарываетъ зажить въ счетъ будущихъ благъ.

Такое напряженное состояніе, конечно, отражается болѣе всего на промышленности и на торговлѣ. Работы на фабрикахъ и въ мастерскихъ закипаютъ, лавки заваливаются товарами, вывозъ и привозъ ихъ усиливаются безпрестанно... Но вдругъ всѣ каналы оказываются переполненными: нѣтъ болѣе стока, теченіе прекращается, всюду обнаруживается застой, предприятия лопаются, деньги исчезаютъ, много товаровъ продается за безцѣнокъ, другіе страшно дорожаютъ, кредитъ падаетъ... Такъ разражается кризисъ и наступаетъ пора ликвидацій.

Въ этихъ случаяхъ банки лучше всего предсказываютъ близость кризиса; это своего рода барометры. Подробный и строгій анализъ официальныхъ отчетовъ банковъ Франціи, Англіи и Америки доказываетъ, что промышленные и торговые кризисы происходятъ безспорно вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія учетовъ и истощенія банковаго металлическаго фонда.

Въ 1839 году, какъ извѣстно, торговый кризисъ разыгрался одновременно въ Англіи, Франціи и Сѣв. Америкѣ. Съ того времени онъ повторился въ этихъ государствахъ два раза — въ 1847 и 1857 годахъ, и каждый разъ по отчетамъ банковъ оказывается, что сумма учетовъ (портфель) далеко превышала сумму наличныхъ денегъ (металлическій фондъ).

Возьмемъ для примѣра періодъ съ 1847 до 1858 года. Даныя заимствованы изъ сочиненія г. Жюглара — *Des crises commerciales*, D-r Juglar. 1862.

Французскій банкъ. Въ 1847 году, во время кризиса, сумма ежегоднаго учета возвысилась до 1,327 милліоновъ франковъ; металлическій фондъ понизился до 57 милліон. франковъ. Послѣ ликвидаціи, въ 1849 г. было учтено только на 256 милл. фр.; фондъ поднялся на 626 милл. Въ 1857 — новый кризисъ: учетная сумма — 2,085 милл.; фондъ — 72 милл. Въ 1859 г., послѣ ликвидаціи, учетъ — 1,144 милл.; фондъ — 287 милл. Изъ этого видно, что кризисъ всегда происходилъ вслѣдствіе несоразмѣрнаго увеличенія суммы ежегоднаго учета, при чемъ банкъ былъ не въ состояніи удовлетворять запросамъ торговли и поневолѣ сжималъ кредитъ.

Тѣ же самыя явленія и съ тою же послѣдовательностью происходили и въ Англійскомъ банкѣ. Въ 1847 году — кризисъ: учетъ — 38 милл. ф. стерл.; фондъ — 8 милл. 1849 г. — ликвидація: учетъ — 4 милл.; фондъ — 22 милл. 1857 г. — кризисъ: учетъ возвышается до 49 милл.; фондъ истощается до 6 милл.

Этихъ примѣровъ, кажется, вполне достаточно для доказательства того, что всякій банкъ, основанный на денежномъ фондѣ, не въ состояніи удовлетворять требованіямъ торговли. Мало того: чѣмъ требованія и нужды ея сильнѣе, настоятельнѣе, тѣмъ банкъ недоступнѣе и скупѣе. Тутъ банкъ, впрочемъ, несколько не виноватъ: онъ желаетъ только спастись, а вовсе не вредить торговлѣ. Если же интересы ея страдаютъ, то виновата сама; зачѣмъ не хотеть обойтись безъ денегъ!

Самые гибельные торговые и финансовые кризисы случаются въ неурожайные годы и во время войнъ. Тутъ-то болѣе всего и обнаруживается вся несостоятельность банковъ, какъ учреждений для общественной пользы. Закупка хлѣба и военныя издержки требуютъ всегда вывоза за границу большого количества звонкой монеты, которая по обыкновенію стекается въ банки и служитъ фондомъ для обезпеченія ихъ существованія. Такимъ образомъ, когда, по случаю неурожая или войны, отъ банковъ требуютъ звонкой монеты, они принуждены задерживать ея вывозъ и сокращать кредитъ для купцовъ и фабрикантовъ.

Съ 1815 по 1847 годъ, Франція четырнадцать разъ нуждалась въ привозѣ иностраннаго хлѣба, и банкъ постоянно ставилъ купцовъ въ самое затруднительное положеніе, принимая ихъ векселя на срокъ не долѣе 45 дней и возвышая учетъ болѣе 6%! И странное дѣло: во время неурожая, когда французское правительство снимало таможи и объявляло беспошлинный, свободный привозъ хлѣба, тогда именно банкъ и налагалъ запрещеніе на вывозъ звонкой монеты, уничтожая при этомъ свободу торговли! Развѣ это не доказываетъ, что подъ властью денегъ банкъ обращается въ таможеню! И такъ прежде, чѣмъ кричать противъ таможенъ, экономисты должны подумать о томъ, какъ исправить недостатки кредитной системы и избавить банки отъ тирании золота. Неужели банкъ не можетъ, въ самомъ дѣлѣ, обойтись безъ металлическаго фонда, этого баласта, который мѣшаетъ ему быть полезнымъ для общества учрежденіемъ?! Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависить

идти обществу путемъ экономического прогресса или рядомъ торговыхъ и финансовыхъ кризисовъ. Съ году на годъ, по мѣрѣ того, какъ международныя сношенія все болѣе и болѣе развиваются, эти кризисы учащаются и становятся гибельнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Всѣ финансисты согласны съ тѣмъ, что значительный перевѣсъ привоза надъ вывозомъ, нарушая торговый балансъ, ставитъ оборотные банки въ самое отчаянное положеніе и угрожаетъ иногда конечнымъ банкротствомъ.

По отчетамъ банковъ видно, что въ этихъ случаяхъ портфель ихъ наполняется чрезъ мѣру векселями, а запасъ звонкой монеты сильно истощается, вслѣдствіе усиленныхъ на нее требованій со стороны купцовъ и предъявителей банковыхъ билетовъ. Оборотные банки, какъ извѣстно, принимаютъ къ учету векселя и другія срочныя бумаги и, взявъ ихъ, выдаютъ звонкую монету, или свои билеты на предъявителя съ обязательствомъ размѣнить ихъ по востребованію на золото и серебро.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что кромѣ выдачи билетовъ на предъявителя, взявъ векселей, оборотный банкъ выпускаетъ обыкновенно эти билеты просто для собственныхъ выгодъ, полагаясь на довѣріе публики. Правда — банкъ обязуется принимать эти билеты тотчасъ же, по предъявленіи, и мѣнить ихъ на звонкую монету по востребованію; но правда и то, что этотъ размѣнъ зависитъ не отъ доброй воли банкира, а отъ состоянія его кассы. Такимъ образомъ случается, что въ данную минуту оборотный банкъ отказывается отъ размѣна и объявляетъ насильственный курсъ своихъ билетовъ. Мало того: банкъ не можетъ размѣнить всѣхъ своихъ билетовъ уже потому, что размѣнный фондъ его бываетъ въ 6, 10, 20, 40, даже 100 разъ менѣе суммы выпущенныхъ билетовъ. Выпускъ билетовъ на предъявителя и по предъявленію основанъ чисто на теоріи вѣроятности и зависитъ отъ произвола банкира. Въ Америкѣ случается, что фондъ оборотнаго банка составляетъ только 4% всей суммы выпущенныхъ билетовъ. Ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ настоящій кредиторъ вовсе не банкиръ, а публика, которая, по довѣрчивости, не требуетъ размѣна билетовъ.

Какую, спрашивается, имѣютъ цѣну подобные билеты, лишенные всякаго матеріальнаго обезпеченія?!

«Банковые билеты, говоритъ г. Горловъ, служатъ для за-

мѣны денегъ. Эти билеты неизвѣстны въ Россіи». И прекрасно; намъ остается только радоваться, что мы избавлены пока отъ банкирскихъ продѣлокъ, которыя никогда не обходятся даромъ!

Да, къ счастью нашему — у насъ еще не успѣли появиться тѣ благодѣтельные кредитныя учрежденія, которыя, по словамъ экономистовъ, «болѣе всего содѣйствовали колоссальнымъ успѣхамъ народнаго хозяйства въ западной Европѣ». Мы знаемъ, какъ дешево обошлись эти «колоссальные» успѣхи! Непрерывный рядъ ликвидацій, банкротствъ и кризисовъ — вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, вся исторія англійскихъ, французскихъ и американскихъ банковъ. Нѣтъ! экономисты жестоко ошибаются, когда утверждаютъ, что своими колоссальными успѣхами Европа обязана кредитнымъ учрежденіямъ... Нѣтъ! трудъ, одинъ только упорный трудъ создавалъ и можетъ создавать богатство, а кредитъ всегда заставлялъ людей жить въ счетъ будущихъ благъ и заѣдать будущее.

Х.

Банки, при настоящемъ ихъ устройствѣ, не соотвѣтствуютъ своему назначенію и, вмѣсто оживленія торговли и промышленности, порождаютъ только застои, кризисы и банкротство. Лишь только публика начинаетъ сильно нуждаться въ услугахъ банка, онъ тотчасъ же принимаетъ рѣшительныя мѣры для сокращенія кредита и для сохраненія своего денежнаго фонда. Эти мѣры заключаются въ томъ, что банкъ если и не отказывается совершенно принимать къ учету торговые векселя, то, по крайней мѣрѣ, возвышаетъ учетный процентъ и уменьшаетъ срокъ платежа на столько, чтобы какъ можно болѣе сократить кредитъ и тѣмъ самымъ поставить промышленныхъ людей въ отчаянное положеніе.

«Частныя банки, замѣчаетъ намъ г. Безобразовъ, дѣло совершенно новое для Россіи, въ идеѣ возникнувшее весьма недавно, подобно многимъ другимъ дѣламъ и, подобно имъ, еще не близкое къ своему осуществленію. Последнее зависитъ отъ многихъ условий, въ числѣ которыхъ не последнее мѣсто занимаетъ распространеніе свѣдѣній о банкахъ: о томъ, какъ они устроиваются и какъ дѣйствуютъ».

Частныя банки устроиваются просто: банкъ старается привлечь къ себѣ вкладчиковъ обѣщаніемъ платить имъ большіе проценты, а затѣмъ начинаетъ торговать чужими деньгами и выпускать на нихъ билеты. Вкладчикъ получаетъ проценты и когда теряетъ довѣріе къ банкиру, то беретъ назадъ свой капиталъ, если банкъ не лопнулъ. Когда частныхъ банковъ появляется много, то, по соперничеству, каждый банкиръ старается заманить къ себѣ вкладчика, какъ купецъ покупателя. Конечно, по закону конкуренціи, побѣду одерживаютъ всегда самые богатые банкиры, которые могутъ предложить большіе проценты своимъ паціентамъ — вкладчикамъ. Теперь, спросятъ меня, какъ дѣйствуютъ частныя банки? Тоже очень просто: они банкротятся по нѣсколько вдругъ и пускаютъ по міру своихъ заимодавцевъ. Банкротство — это привилегія частныхъ банковъ.

Такимъ образомъ, свобода банковъ не только свобода лихвиства, но и свобода банкротства. Частныя банки Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ никогда не могли предотвратить ни одного финансового и торговаго кризиса; напротивъ того: когда онъ разражался, то банки всегда лопались одинъ за другимъ съ ужасающею быстротою. Эти случаи побудили нью-йоркское правительство прибѣгнуть къ весьма странной мѣрѣ: оно объявило, что билеты лопнувшего банка будутъ уплачиваться изъ государственныхъ суммъ. Для покрытія этихъ расходовъ, каждый частный банкъ обязанъ вносить въ государственное казначейство $1/2\%$ съ своего оборотнаго капитала. Эти взносы составляютъ такъ называемый «фондъ обезпеченія» (safety fund). Попятно, что подобная мѣра не говоритъ въ пользу частныхъ банковъ.

Монополь и свобода банковъ — двѣ крайности, ложныя по принципу и вредныя на дѣлѣ. Пока звонкая монета будетъ служить орудіемъ торговли и обращенія, до тѣхъ поръ ни одна банковая система не будетъ въ состояніи удовлетворять требованіямъ и ожиданіямъ общества. Это истина безспорная, которая подтверждается самыми осязательными фактами изъ исторіи банковъ съ 1694 года, со времени основанія англійскаго банка.

Назначеніе монеты состоитъ въ томъ, чтобы служить посредникомъ торговыхъ сдѣлокъ и орудіемъ мѣны. Этому назначенію болѣе всего удовлетворяетъ бумажный билетъ на предъ-

явителя, который выдается банкомъ взамѣнъ частнаго надежнаго векселя. Банковый билетъ, дѣйствительно, не только не уступаетъ ни въ чемъ звонкой монетѣ, но и лучше ее во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что бумажную монету несравненно легче считать, перевозить и дешевле приготовить, чѣмъ металлическую, я укажу еще на то важное обстоятельство, что спросъ на нее всегда равенъ предложенію, и въ банковыхъ билетахъ никогда не можетъ быть недостатка. Спросъ на монету, какъ извѣстно, зависитъ отъ развитія торговли, то есть отъ числа мѣновыхъ сдѣлокъ. Поэтому: чѣмъ чаще намъ приходится обмѣниваться между собою, чѣмъ болѣе усиливается сбытъ и производство товаровъ и чѣмъ живѣе и разнообразнѣе торговля и промышленныя предпріятія, тѣмъ болѣе нужно монеты. Деньги не въ состояніи удовлетворить этому спросу; — я уже говорилъ о томъ раньше и потому считаю совершенно неумѣстнымъ приводить новыя доказательства. И такъ монета, въ совершенномъ своемъ видѣ, должна быть непремѣнно бумагою. Съ этимъ согласны даже всѣ экономисты.

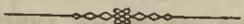
Теперь остается рѣшить только одинъ вопросъ: можетъ ли банковый билетъ, выданный взамѣнъ частнаго векселя или вообще всякаго торговаго обязательства, служить настоящею монетою и сдѣлать деньги окончательно лишними? — Я говорю прямо: банковый билетъ не только можетъ вполне замѣнять собою деньги, но и долженъ совершенно изгнать ихъ изъ банка, гдѣ имъ вовсе не слѣдуетъ находиться ни въ видѣ размѣннаго фонда, ни въ видѣ основнаго капитала, ни въ монетѣ, ни въ слиткахъ. До поры до времени, деньги могутъ еще оставаться въ употребленіи для мелочныхъ расплатъ; при этомъ не мѣшало бы, однако, значительно понизить ихъ пробу. Весь остальной запасъ золота и серебра, хранящійся въ банкахъ, слѣдуетъ превратить въ посуду или надѣлать изъ него разныхъ бездѣлокъ. — Объ этомъ, впрочемъ, нечего много заботиться: мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ знаютъ лучше, что можно сдѣлать изъ драгоценныхъ металловъ... Банку не зачѣмъ имѣть деньги, когда у него находятся въ портфелѣ векселя, взамѣнъ которыхъ онъ выпускаетъ свои билеты. Банку не зачѣмъ выпускать ихъ съ обязательствомъ размѣна на звонкую монету: его билеты никогда не упадутъ въ своей цѣнѣ, если будутъ пускаться въ обращеніе только взамѣнъ надежныхъ векселей и на ихъ сумму. Излишка банковыхъ билетовъ

на рынкѣ быть не можетъ, если они выдаются по мѣрѣ спроса и вынимаются изъ обращенія по окончаніи срока платежа векселей.

Вся задача кредита заключается въ томъ, чтобы обобщить вексель и сдѣлать его, въ видѣ банкаго билета, ходячею монетою, которая не требовала бы размѣна на золото и серебро, а мѣнялась бы только на товары и произведенія труда вообще. Говоря другими словами — банковый билетъ долженъ быть обезпеченъ вовсе не денежнымъ фондомъ, не слитками драгоценныхъ металловъ, а исключительно надежными векселями, на которыхъ означается цѣнность въ товарахъ. Освободить банкъ отъ металлическаго фонда, отъ необходимости выпускать билеты съ обязательствомъ размѣна по предъявленію, значило бы избавить векселя отъ денежнаго учета, а торговыхъ и промышленныхъ людей отъ банкротства.

Банки—учрежденія общественной пользы; поэтому они подлежатъ строгому контролю общества, обязаны вести свои операціи открыто и предавать ихъ гласности. Мало того: общественная польза требуетъ, чтобы существовалъ только одинъ централизованный банкъ съ конторами, въ которомъ бы сосредоточивались всѣ кредитныя торговыя операціи. Такой банкъ, принимая въ залогъ торговые векселя и другія срочныя обязательства, долженъ выпускать, взамѣнъ ихъ, свои безсрочные билеты на предъявителя безъ предъявленія, и заботиться только о томъ, чтобы вынимать ихъ изъ обращенія по мѣрѣ платежа по векселямъ. Короче — банкъ, какъ средоточіе кредита, долженъ быть учрежденіемъ застрахованія отъ неплатежа и банкротства, и съ этою цѣлю можетъ взимать незначительную премію, не болѣе 1%, съ каждой торговой бумаги. Эта премія должна служить вовсе не для оборотовъ банка, а для извлеченія изъ обращенія билетовъ, выданныхъ взамѣнъ такихъ векселей, которые остаются въ портфеляхъ долѣе своего срока. Банкъ долженъ упрочивать правильность обращенія, а не нарушать его; поэтому, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, онъ не можетъ заниматься оборотами для своихъ выгодъ. Банкъ долженъ разсчитывать только на довѣріе общества къ его операціямъ, а вовсе не на барыши. Администрація его должна состоять изъ выборныхъ отъ купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и вообще отъ промышленныхъ и торговыхъ людей.

Вотъ вкратцѣ тѣ общія, простыя основанія, на которыхъ, по моему убѣжденію, можетъ и долженъ дѣйствовать банкъ, какъ учрежденіе общественное и центральное, которое не имѣетъ ничего общаго ни съ монопольными банками французскимъ или англійскимъ, ни съ частными банками Шотландіи или Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Эти банки доказали уже всю свою несостоятельность; вращаясь въ кругу кризисовъ и банкротствъ, они требуютъ окончательной ликвидаціи.

БЕЗЪ ДЕНЕГЪ ЗА ДѢЛО!

Бѣда отъ бездѣлья, а не отъ
безденежья.

БЕЗЪ ДЕНЕГЪ ЗА ДѢЛО!

«Россия, говоритъ г. Катковъ, какъ для самой себя, такъ и для посторонняго наблюдателя, представляетъ теперь цѣлый міръ шатаній, колебаній, недоразумѣній, которыя на каждомъ шагу сбиваютъ людей съ толку, заставляютъ ихъ принимать одну вещь за другую, искать пользу во вредѣ, а вредъ въ пользу, бояться того, въ чемъ спасеніе, и опрометью бросаться на явную опасность». («Русск. Вѣстн.» май 1863 г.).

Знай нашихъ!.. Какая же, впрочемъ, причина нашихъ шатаній, колебаній, недоразумѣній? Что съ нами?

«Всего болѣе недоразумѣній возбуждаетъ повсюду замѣчаемое у насъ и преобладающее во всѣхъ замѣшательствахъ нашей промышленности и торговли такъ называемое — безденежье». (Слова г. В. Безобразова, экономиста «Русск. Вѣстника»).

Съ воплемъ и стономъ вырывается изъ груди нашей жалоба на страшное безденежье, и каждый судорожно ощупываетъ рукою свой пустѣющій карманъ. — Горе, горе и бѣда намъ отъ безденежья! Безденежье произвело повсемѣстную дороговизну жизни, а дороговизна, въ свою очередь, стала разрѣшаться частымъ разореніемъ, банкротствомъ и, наконецъ, разстройствомъ всего народнаго хозяйства. Напрасно домовладѣлецъ, въ надеждѣ на увеличеніе дохода, возвышалъ цѣны на квартиры: жильцы его, отговариваясь безденежьемъ, отказываются платить въ срокъ, требуютъ отсрочки и притомъ горько упрекаютъ за жестокосердіе хозяина дома или его управляющаго. Бѣдные владѣльцы 10, 20 и 60 домовъ «Голосомъ» г. Краевского отчаянно просятъ покровительства полиціи и примѣрнаго, строгаго наказанія неисправныхъ плательщиковъ. Ахъ! зачѣмъ было дома возводить? и зачѣмъ было ихъ въ наемъ отда-

вать?! Напрасно купецъ, мечтая о барышахъ, сталъ запрашивать втрое за товары: дороговизна сократила только продажу, заставила покупателей обѣгать лавки и магазины или забирать въ долгъ безъ отдачи, вызвала ропотъ публики противъ монополистовъ, спекуляторовъ и побудила безчестныхъ торгашей искать спасенія въ злостномъ банкротствѣ, въ наглой поддѣлкѣ и умышленной порчѣ товаровъ. Но, при безденежьи, и торговый обманъ не дастъ барышей, потому что купецъ во что бы то ни стало долженъ сбыть съ рукъ свой товаръ, а сбыть его можетъ только съ убыткомъ. Ахъ! — зачѣмъ же продавцу за прилавкомъ сидѣть? — и зачѣмъ же ему покупателей звать?! Напрасно работники думаютъ о повышеніи задѣльной платы: никто теперь не станетъ дорого платить имъ, потому что каждый бережетъ послѣднюю копейку, трясется надъ ней и скорѣй старается уволить рабочаго, чѣмъ нанять его. Много работниковъ, а мало работы; вотъ почему поденщику-ремесленнику или мастеровому поневолѣ приходится голодать или работать за ничтожную плату, когда ему посчастливится добыть себѣ какой-нибудь трудъ. При безденежьи, каждый хозяинъ, фабрикантъ и заводчикъ, не получая заказовъ, разумѣется, сокращаетъ производство, отказываетъ рабочимъ и уменьшаетъ заработокъ тѣмъ изъ нихъ, которыхъ оставляетъ у себя изъ жалости. Ахъ! — зачѣмъ же работы искать? — и зачѣмъ же даромъ трудъ продавать?! Напрасно чиновникъ, изнемогая отъ дороговизны жизни, хлопочетъ о прибавкѣ жалованья: не тѣ ужъ нынче годы — говорится про государственные расходы. Для увеличенія окладовъ жалованья и выдачи пособій служащимъ, потребуются новые налоги и подати, а при настоящемъ безденежьи каждый объ этомъ боится и подумать. Къ тому же всякое увеличеніе государственныхъ сборовъ не только не ослабляетъ дороговизны, а напротивъ того — постоянно и неизбѣжно усиливаетъ ее въ страшной пропорціи. Вотъ почему прибавка жалованья, если она и возможна, нисколько не пособитъ чиновнику и вскорѣ опять заставитъ его хлопотать о средствахъ существованія. Мечты, чиновничьи мечты! гдѣ ваша сладость?!

Зачѣмъ намъ деньги? Для какого употребленія? Развѣ для поддержанія ремесленной, фабричной и заводской промышленности, для оживленія торговли или для развитія земледѣлія?! Совсѣмъ нѣтъ. Мы постоянно нуждались въ деньгахъ не для производства, а для непроеводительнаго ихъ обращенія, для ажіо-

тажа, барышничества, биржевой игры... Не смотря на таможенную систему, наши фабрики и заводы сдѣлали очень мало успѣховъ, а земледѣліе находится еще по сіе время въ первобытномъ состояніи. Причина такого поразительнаго застоя и разстройства нашего народнаго хозяйства объясняется довольно просто. Всякая производительная промышленность, для своего развитія, требуетъ усиленнаго труда и знанія, а мы мало и дурно работали и ничему дѣльному, полезному не учились. Мало того: всѣ наши оборотные капиталы постоянно и всевозможными путями обѣгали производство и до сихъ поръ обѣгаютъ его; они истребляются тунеядствомъ, отвлекаются отъ дѣла на бездѣльные меркантильные спекуляціи, на торговый обманъ, лихоимство, азартную биржевую игру или поглощаются, наконецъ, такими акціонерными предпріятіями, которыя прибыльны для однихъ лишь учредителей и директоровъ компаній.

И такъ, безъ сомнѣнія, у насъ нуждаются въ деньгахъ для спекуляціи, для ажіотажа, для порабощенія труда и поддержанія тунеядства. Отвращеніе отъ работы, жажда обогащенія путемъ обмана и прикрытаго наспія — вотъ смыслъ всѣхъ возгласовъ о нашемъ экономическомъ прогрессѣ! И послѣ этого находятся у насъ экономисты, которые объясняютъ настоящую дороговизну излишнимъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ! По ихъ увѣренію, намъ стоитъ только возстановить цѣнность бумажнаго рубля, запастись звонкою монетой, превратить дальнѣйшій выпускъ бумажекъ — и все устроится къ лучшему. — «Такъ называемое безденежье, по опредѣленію нашихъ ученыхъ, — ничто иное, какъ избытокъ бумажныхъ денегъ и упадокъ ихъ цѣнности, вслѣдствіе прекращенія размѣна и крайняго недостатка наличной звонкой монеты. Что же касается дороговизны, то она произошла неизбѣжно по причинѣ пониженія курса кредитныхъ бумагъ и возвышенія цѣнъ на всѣ товары». Такъ рассуждаютъ наши экономисты, такъ утѣшаютъ публику наши газеты и журналы, и добродушная публика съ удовольствіемъ слушаетъ ихъ, убаюкиваясь экономическими иллюзіями и софизмами! Какъ поучительно, въ самомъ дѣлѣ, внимать какому нибудь отъявленному экономисту, когда онъ примется доказывать вамъ цифрами, что безденежье произошло у насъ отъ дороговизны, а дороговизна оттого, что у насъ завелось много денегъ? — «Сравнительно съ 1853 годомъ, когда

было въ обращеніи 311 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, теперь находится ихъ вдвое болѣе, не считая 4% металлическихъ билетовъ, несуществовавшихъ въ 1853 г., и огромнаго количества серій». (В. Безобразовъ). Непрерывные, усиленные выпуски кредитныхъ бумагъ — вотъ настоящая причина дороговизны, упадка нашего вексельнаго курса, застоя торговыхъ дѣлъ и разстройства всего народнаго хозяйства. Такъ рѣшили наши рутинеры.

Морочать насъ экономисты и морочать потому, что не знаютъ сами, о чемъ говорятъ. Покончимъ сразу съ ихъ болтовней. Нѣтъ, не излишекъ бумажныхъ денегъ и не прекращеніе ихъ размѣна на звонкую монету породили у насъ дороговизну, а породила ее наша безпечность и праздность, наше тунеядство и отвращеніе отъ труда. Кто мѣшалъ намъ увеличить вдвое наше производство въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, когда удвоилась сумма бумажекъ въ народномъ обращеніи?! Кто заставлялъ насъ бросаться, сломя голову, на самыя вздорныя и разорительныя предпріятія и непроизводительно губить время, трудъ и капиталы?! Гдѣ плоды нашей экономической дѣятельности за весь періодъ словоизверженія и громкихъ фразъ о прогрессѣ? Что сдѣлали мы путнаго для развитія земледѣлія, мануфактурной и заводской промышленности, для увеличенія массы полезныхъ вещей и товаровъ?.. Нѣтъ, пусть экономисты докажутъ намъ прежде, что мы не тунеядствовали, не пожирали настоящаго въ счетъ благъ будущаго, не пускались на разныя забавныя аферы и спекуляціи, а дѣйствительно работали для обезпеченія дешевизны и умноженія богатства, — пусть они докажутъ это — и мы охотно станемъ слушать ихъ о вредѣ излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Наша публика, просвѣщенная публика охотно слушаетъ экономистовъ, вѣритъ имъ на слово и, кажется, готова плясать по ихъ дудкѣ. Въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго, потому что наши экономисты — люди очень либеральные и неустанно проповѣдующіе словомъ и перомъ о свободѣ торговли, объ уничтоженіи монополя и цеховъ, о сокращеніи арміи и налоговъ, и пр. пр. Но странное дѣло! — Почему этимъ либераламъ никакъ не удается по сіе время убѣдить публику въ той экономической истинѣ, что деньги вовсе не богатство, а только посредникъ мѣны, и что единственное средство обогащенія страны — трудъ, трудъ и трудъ? Почему публика такъ

мало вѣрятъ въ дѣйствительность этого средства и попрежнему считаетъ деньги талисманомъ противъ дороговизны и нищеты? Почему?! да потому что наши, такъ называемые передовые и ученые люди сами заражены нелѣпыми предрасудками, сами не убѣждены въ истинѣ того, что проповѣдуютъ, сами преклоняются передъ рутинной и поютъ старую пѣсню на новый ладъ. Вотъ почему никто изъ этихъ людей не рѣшился сказать публикѣ — «забудь безденежье, не мечтай о деньгахъ, а работай, работай, работай!» Для прекращенія дороговизны намъ слѣдуетъ, во что бы то ни стало, установить нарушенное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между спросомъ и предложеніемъ. Для достиженія этой цѣли нужно только работать, усиленно работать, а вовсе не заботиться о восстановленіи цѣнности бумажнаго рубля посредствомъ запаса звонкой монеты и открытія размѣна. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ ясно доказалъ намъ, что никакой запасъ золота не обезпечитъ дешевизны, не обогатитъ насъ ни на грошъ, а только втиснетъ въ неоплатные долги и ускоритъ денежный кризисъ. Куда дѣвалось наше золото послѣ 6-го внѣшняго государственнаго займа? Чѣмъ кончился размѣнъ кредитныхъ билетовъ, открытый банкомъ 1-го мая 1862 года? Золото ушло туда, откуда и пришло къ намъ, то есть — за границу, а размѣнъ прекратился. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего поразительнаго: золото, какъ и всякій другой товаръ, подчиняется закону пропорціональности. На основаніи этого закона, увеличеніе количества золота и вообще звонкой монеты не можетъ увеличить общественнаго богатства, если одновременно съ этимъ не умножается масса прочихъ товаровъ и не усиливается производство. Въ той странѣ, гдѣ мало и дурно работаютъ, — золото держаться не можетъ, потому что при обмѣнѣ на товары оно неизбѣжно теряетъ свою цѣнность и, вслѣдствіе того, должно исчезать изъ обращенія и вывозиться за границу. Эта истина неоспорима и вовсе не требуетъ тѣхъ многословныхъ доказательствъ, которыми такъ любятъ щеголять отсталые экономисты. Что же касается искусственнаго возвышенія курса бумажныхъ денегъ посредствомъ новаго займа и открытія размѣна, то это самая нелѣпая мечта. Цѣнность всякой кредитной бумаги зависитъ не отъ количества звонкой монеты, находящейся въ обращеніи, а отъ свойства самого обращенія и цѣли кредита. Обращеніе бумажныхъ цѣнностей бываетъ двухъ родовъ: про-

изводительное, то есть полезное, и непроизводительное, вредное. Когда векселя, банковые билеты, акции, облигации, короче — все кредитные бумаги обращаются с полезною целью и служат двигателями производства, тогда они получают мгновенную ценность, ходят по рукамъ, какъ настоящая монета, и даже предпочитаютъ ей, потому что приносятъ известный процентъ или дивидендъ. Если какая нибудь промышленная компания ведетъ свои дѣла успешно, то ея акции и облигации охотно раскупаются, цѣна ихъ подымается выше номинальной и они продаются съ преміей. Отсюда ясно видно, что, для повышенія курса кредитныхъ бумагъ, слѣдуетъ только дать имъ полезное, активное обращеніе и поддержать производство, а вовсе не обращать вниманія на то — есть ли въ банкѣ золото или нѣтъ его.

По сіе время ни одинъ изъ нашихъ экономистовъ не замѣтилъ и не выставилъ на видъ того факта, что обращеніе денегъ, государственныхъ и частныхъ облигаций идетъ у насъ по крайне-ложному и пагубному направленію. Наши кредитные бумаги обращаются не для развитія частнаго кредита и поддержанія промышленности, а почти исключительно для обогащенія мѣняль, спекуляторовъ и ростовщиковъ. Съ той поры, какъ у насъ укоренился ажіотажъ бумажными деньгами, столичные биржи стали притягивать къ себѣ все свободные капиталы и тѣмъ самымъ разстроили народное хозяйство. Сокращеніе фабричныхъ и заводскихъ работъ, упадокъ кредита, банкротство, дороговизна, жалоба на безденежье — все это объясняется однимъ фактомъ непроизводительнаго обращенія нашихъ бумагъ. Гдѣ уже расплодился вредный классъ биржевыхъ игроковъ, барышниковъ и всякихъ тунеядцевъ, тамъ общество неизбежно страдаетъ отъ денежнаго кризиса и жалуется на недостатокъ и дороговизну капиталовъ.

Давно ли, однако, мы стали роптать на безденежье? Неужто съ конца прошлаго года, когда банкъ прекратилъ размѣнъ, увеличилъ дисконтъ и разсердилъ наше купечество отказомъ въ кредитъ? О нѣтъ! — гораздо раньше и совсѣмъ не по случаю банковаго кризиса. Вотъ что говорятъ факты нашего денежнаго обращенія:

Съ 1858 до мая 1862 года, у насъ не было размѣна кредитныхъ билетовъ: онъ прекратился вслѣдствіе крайняго истощенія банковыхъ запасовъ золота и серебра. Съ 1853—58 года,

въ теченіе пяти лѣтъ, изъ размѣнныхъ кассъ нашихъ кредитныхъ учрежденій публика вынула болѣе 216 милліоновъ рублей звонкою монетой. Между тѣмъ масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи возрастала въ такой страшной пропорціи, что съ 1855—58 года сумма ихъ увеличилась съ 356 до 735 милліоновъ рублей, т. е. болѣе 206% въ три года!

Вскорѣ, послѣ усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ и прекращенія размѣна, былъ пониженъ банковый процентъ за частные вклады — и эта мѣра побудила вкладчиковъ взять изъ банковъ свои капиталы и пустить ихъ въ оборотъ. Такъ началась акціонерная лихорадка. Не взирая на банковый кризисъ и насильственный курсъ кредитныхъ билетовъ, не взирая и на страшный упадокъ вексельнаго курса — мы громко возвыстили міру о своемъ прогрессѣ и радостно привѣтствовали зарю новой жизни. И какъ было не радоваться, когда у насъ появилось тогда столько «обществъ, компаній, товариществъ» съ разными промышленными, торговыми и благотворительными цѣлями! — Съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ поощрила публика каждое вздорное предпріятіе, и какъ доверчиво разбирала она всевозможныя акции и облигации, въ надеждѣ разбогатѣть въ самое короткое время! Какимъ широкимъ кредитомъ пользовались наши купцы, и какъ легко было имъ выдавать на себя векселя, на сумму втрое и даже вдесятеро болѣе той, какую могли уплатить! Славное, раздольное было у насъ время! Никому тогда и въ голову не приходило жаловаться на банкъ за прекращеніе размѣна или возвышеніе учета.

Но вдругъ все переменялось! — Надъ нами разразилась экономическая буря. Вихремъ банкротства унесло нашъ кредитъ, подорвало промышленность и торговлю, разметало въ прахъ акціонерныя предпріятія, разсыпало наши мечты о прогрессѣ и вырвало изъ груди каждого горькую жалобу на безденежье и дороговизну. Отчего же произошелъ этотъ неожиданный переворотъ въ нашихъ дѣлахъ и понятіяхъ? Отъ непомѣрнаго развитія тунеядства, лихоимства и вслѣдствіе непроизводительнаго денежнаго обращенія. Кто не понимаетъ теперь, что большая часть нашихъ «обществъ, товариществъ и компаній» были основаны не для полезныхъ цѣлей, а просто на просто для денежной спекуляціи. Вотъ почему они такъ скандально вели дѣла своихъ акціонеровъ и такъ скандально прекратили свое существованіе. Много было писано о безплодной дѣятельности на-

шихъ промышленныхъ ассоціацій; много было потрачено на ихъ счетъ юмора, сарказма и даже клеветы; но къ сожалѣнію во всемъ этомъ было мало смысла. Нѣтъ! — вся тяжесть вины должна лежать на насъ, на насъ самихъ, а вовсе не на тѣхъ ловкихъ спекуляторахъ, которые такъ искусно воспользовались нашимъ легковѣріемъ и невѣжествомъ. Жаль, что никому изъ нихъ не пришла фантазія основать общество на акціяхъ для приготовленія золота или постройки желѣзной дороги на лулу. Публика непременно повѣрила бы успѣху этого предпріятія и расхватала бы акціи.

Акціонерная мономанія, разумѣется, должна была породить биржевую игру со всѣми ея прелестями и послѣдствіями. Для игры въ повышение и пониженіе курса акцій и облигацій потребовался, прежде всего, необходимый (для куртажа и размѣна) запасъ звонкой монеты, а потому биржевые ростовщики стали скупать ее и вынимать изъ обращенія. Но какъ наличной размѣнной монеты на биржахъ было очень недостаточно для ажіотажа акцій и облигацій, то, съ возвышеніемъ лажа на золото, цѣна ихъ должна была понизиться и продолжала постоянно понижаться по мѣрѣ накопленія новыхъ кредитныхъ бумагъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что на акціонерномъ рынкѣ обнаружился безвыходный застой: никто не хотѣлъ уже болѣе покупать, а каждый, напротивъ того, старался сбывать свои акціи, даже за безцѣнокъ.

Вслѣдъ за банкротствомъ и ликвидаціей акціонерныхъ предпріятій, обманувшихъ надежды легкомысленной публики, наше денежное обращеніе получаетъ новое направленіе — и снова съ бесплодною, непроезвительною цѣлью. Когда акція и облигація, за исключеніемъ весьма немногихъ, потеряли свою цѣнность и перестали быть предметомъ биржевой спекуляціи, тогда публика съ жадностью бросилась на государственные займы, и остальная часть свободныхъ капиталовъ была употреблена на покупку серій, металлическихъ билетовъ и пр. Въ настоящее время у насъ находится въ народномъ обращеніи безчисленное множество серій, затѣмъ — десятки милліоновъ 4% металлическихъ билетовъ, неопредѣленное количество облигацій семи внѣшнихъ государственныхъ займовъ и непрерывно-доходныхъ билетовъ, да кромѣ того — 630 милліоновъ кредитныхъ и 280 милліоновъ 5% банковыхъ билетовъ. Въ это исчисленіе не вошли акціи и облигаціи разныхъ обществъ, кредитныя обяза-

тельства которыхъ простираются до 600 милліоновъ, если не болѣе.

Для передачи, размѣна, учета нашихъ долговыхъ бумагъ, а тѣмъ болѣе для спекуляціи ими, конечно нужна звонкая монета — и въ ней то ощущается крайній недостатокъ, потому что спросъ далеко превышаетъ предложеніе. Намъ хочется, во что бы то ни стало, привести въ движеніе массу бумажекъ на сумму 2500 или 3000 милліон.; намъ хочется скупать, перепродавать, мѣнять эти бумажки, барышничать ими... Но у насъ мало звонкой монеты; но наше золото постоянно уходитъ за границу — а потому намъ поневолѣ приходится страдать отъ безденежья, то есть отъ избытка бумажныхъ денегъ, и жаловаться на упадокъ кредита. «Денегъ, денегъ! — мы готовы дать за нихъ 20, 50 процентовъ и закабалить себя на вѣки». Вотъ до чего довела насъ и домыкала наша праздность и безпечность! Кто виноватъ? — Предадимъ самихъ себя взаимному суду и чистосердечно покаемся другъ другу. Повѣрьте: намъ не столько нужны деньги, сколько необходимы трудъ и покаяніе. Работать значитъ каяться.

Разсматривая поближе бѣдственное состояніе нашего народнаго хозяйства, мы пришли къ тому заключенію, что причпна всеобщей жалобы на безденежье кроется въ чувствѣ нашего отвращенія къ труду и въ томъ недѣломъ предразсудкѣ, который заставляеть насъ видѣть въ деньгахъ единственное средство спасенія отъ дороговизны и разоренія. Дорого же обходится намъ эта иллюзія! Кризисъ, постоянный кризисъ, кризисъ денежный, финансовый, промышленный, торговый — вотъ чѣмъ заявляется наша нужда въ деньгахъ, пока, наконецъ, сила обстоятельствъ не дастъ намъ другихъ потребностей, болѣе дѣйствительныхъ и полезныхъ, какъ напримѣръ — жажды знанія, справедливости и труда. Для развитія и удовлетворенія этихъ потребностей — деньги вовсе неумѣстны: знаніе пріобрѣтается и распространяется не рублями, а работой мозга и свободнымъ обмѣномъ мыслей; справедливость не покупается и не продается, а только отдается каждымъ каждому по дѣламъ его, безъ всякой платы; трудъ производить всѣ богатства изъ ничего, потому что можетъ развиваться и поддерживаться самъ собой.

«Трудитесь другъ для друга, мѣняйтесь услугами и плодами вашихъ трудовъ» — вотъ основное правило житейскихъ отношеній, которое на экономическомъ языкѣ передается фор-

мулой — произведенія мѣняются на произведенія, товары на товары. Что нужно для практическаго примѣненія этой формулы? «Деньги, деньги» говоритъ слѣпая рутинка; товары покупаются и продаются на деньги, слѣдовательно онѣ необходимы для поддержанія торговли». Нѣтъ, утверждаетъ въ свою очередь наука: торговля должна быть основана на безденежномъ, бесплатномъ кредитѣ, на упрощенной вексельной системѣ, на взаимности довѣрія и круговой поруки... «Для торговли нужны торговцы, говоритъ рутинка: чѣмъ болѣе купцовъ и свободнѣе ихъ соперничество, тѣмъ дешевле товары». Нѣтъ, утверждаетъ наука: торговля, какъ взаимный обмѣнъ, требуетъ только сокращенія числа посредниковъ между производителями и потребителями и конкуренціи въ производствѣ. Каждый изъ насъ потребляетъ, слѣдовательно каждый долженъ производить; чѣмъ больше и лучше станемъ мы работать, тѣмъ дешевле и вѣрнѣе будемъ сбывать другъ другу свои произведенія; отсюда слѣдуетъ, что для развитія промышленности и торговли всякій работникъ долженъ быть и купцомъ, а каждый купецъ работникомъ. Поэтому, если купецъ жалуется на то, что онъ не торгуетъ, то этимъ только хочетъ сказать про себя, что не работаетъ.

ЧЕГО НЕ ДѢЛАТЬ?

Не въдаемъ что творимъ.

ЧЕГО НЕ ДѢЛАТЬ?

I.

Что у насъ дѣлается?

Голодь и неурожай повсюду, упадокъ земледѣлія, застой фабричной, заводской и ремесленной промышленности, повсемѣстная дороговизна жизни и страшное безденежье. Вотъ краткій перечень всѣмъ извѣстныхъ явленій нашей экономической жизни. Мы переживаемъ тяжелое время, время экономическаго кризиса. Наше народное хозяйство въ большомъ разстройствѣ. Въ этомъ сознаются даже самые отчаянные оптимисты, которые думаютъ — «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Причинъ разстройства народнаго хозяйства очень много и перечислить ихъ довольно трудно. По моему мнѣнію, онѣ бываютъ вообще или случайныя, временныя, или органическія, постоянныя. Къ числу случайныхъ причинъ слѣдуетъ отнести всѣ внезапныя общественныя бѣдствія, какъ-то — пожары, наводненія, повальныя эпидемическія болѣзни, усиленные налоги, войны и пр. До извѣстной степени эти причины можно всегда если не предупреждать, то по крайней мѣрѣ ослаблять ихъ пагубное дѣйствіе своевременными мѣрами, которыя будутъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ страна успѣла болѣе развиться въ экономическомъ отношеніи. Притомъ подобныя случайныя причины кризиса производятъ такое сильное потрясеніе въ обществѣ, что заставляютъ его волей-неволей выходить изъ обычной апатіи и возбуждаютъ въ немъ то чувство самосохраненія, которое въ людяхъ развито вообще гораздо слабѣе, чѣмъ предполагаютъ. Безъ знанія и самосознанія народъ живетъ всегда

изо-дня въ день, какъ будто выжидая, пока нестерпимое горе, голодъ и нужда не принудятъ его взяться за умъ, оглянуться на свое прошлое, оцѣнить настоящее положеніе и подумать о будущемъ. Вотъ послѣдствія случайныхъ причинъ разстройства народнаго хозяйства. Какъ онѣ ни губельны, но губельныѣ ихъ — причины органическія или постоянныя, потому что ихъ порождаетъ всегда не случай, а невѣжество и рутинна. Къ числу этихъ причинъ относятся безспорно систематическій грабежъ земли посредствомъ вывоза за границу хлѣба и сырыхъ продуктовъ.

Что мы дѣлаемъ?

Хлѣбомъ торгуемъ, необдѣланную пеньку и шерсть за границу отпускаемъ, золото отдаемъ, а сами себя голодомъ моримъ, разоряемся и истощаемъ въ конецъ нашу землю. Прошла тысяча лѣтъ послѣ гостепріимнаго призыва Варяговъ — и мы говоримъ, подражая праотцамъ: «Земля наша велика и обильна хлѣбомъ и сырыми произведеніями, но мы обрабатывать ихъ не умѣемъ; у насъ нѣтъ ни хорошихъ фабрикъ, ни заводовъ. Наши отцы занимались только хлѣбопашествомъ и намъ завѣщали пахать землю. Будемъ же вѣрны этому завѣту: станемъ сѣять пшеницу, ленъ и пеньку, да сбывать ихъ за границу по желѣзнымъ дорогамъ, черезъ Петербургъ, Ригу, Прусскую границу, Одессу и Таганрогъ. Иностранцы, особенно англичане, нуждаются въ нашемъ хлѣбѣ и сырыхъ продуктахъ — и пусть берутъ ихъ, уничтожаютъ наши дрянные заводы и фабрики и привозятъ свободно свои дешевые товары. За нихъ мы щедро заплатимъ не только хлѣбомъ, но сибирскимъ золотомъ и потомъ нашихъ крестьянъ. Пусть иностранцы знаютъ, что мы вовсе не желаемъ отставать отъ негровъ и индейцевъ и готовы навсегда отказаться отъ свободы народнаго труда и экономическаго развитія».

Кто же придумалъ, наконецъ, эту теорію народнаго самозакланія? спросятъ насъ. Неужели русскій? Нѣтъ. Нѣмецъ? Да.

«Государство, въ которомъ такое безконечное пространство плодородныхъ земель и такъ мало фабрикъ, должно заниматься земледѣіемъ, а не фабричною промышленностью».

«Эту свѣтлую мысль, говорятъ нашъ патріотъ г. Егуновъ, высказалъ г. Клингштедтъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Вольно-Экономическаго общества, въ 1763 году, когда нужно было убѣждать еще нашихъ хозяевъ разводить пшеницу и до-

казывать громадныя выгоды отъ вывоза этого продукта за границу». (Егуновъ. О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи).

Исполать вамъ, г. Егуновъ!

И такъ, съ легкой руки нѣмца и по его наущенію, мы стали вывозить нашъ хлѣбъ. Отпускъ его съ 1790 года, постоянно возрастая, особенно усилился съ 1846 года, когда Англія объявила свободу торговли и уничтожила хлѣбные законы... Но вотъ при этихъ послѣднихъ словахъ раздаются голоса экономистовъ —

«Свобода торговли! Уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ! Кто изъ образованныхъ людей не знаетъ именъ Кобдена, Брайта, Фокса, которые явились первыми поборниками идеи свободной торговли и заставили Роберта Пиля отмѣнить хлѣбные законы...»

Этотъ министръ сказалъ въ Парламентъ: «хлѣбные законы уничтожаются затѣмъ, чтобы удешевить фабричное производство».

И такъ, въ войнѣ и возстаніи Кобдена и Комп. противъ хлѣбныхъ законовъ, любовь къ человечеству и участіе въ интересахъ рабочаго класса были только маскою, подъ которою прятался настоящей двигатель — расчетъ, арифметическая выкладка торгаша-фабриканта. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ для него значила: дешевизна хлѣба и другихъ предметовъ первой потребности, уменьшеніе задѣльной платы, дешевое производство, возможность подавить соперничество иностранныхъ фабрикъ и получить отъ сбыта возможно больше барышей. Стоить только внимательно прослѣдить всѣ фазы, которыми прошелъ въ Англіи вопросъ о свободѣ торговли (free trade), и познакомиться съ духомъ пропаганды противниковъ хлѣбныхъ законовъ (Anti-corn laws League), чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Кто еще сомнѣвается въ этомъ, тому мы можемъ рекомендовать для прочтенія не сочиненіе французскаго экономиста Бастіа, а катехизисъ самой Лиги (Catechism on corn laws), гдѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ представлены доводы защитниковъ и враговъ хлѣбныхъ законовъ съ бездеремонною откровенностью британскаго эгоизма. Въ эпоху пропаганды Кобдена и Брайта, въ самый разгаръ увлеченія партіи фабрикантовъ, этотъ катехизисъ былъ выпущенъ Лигою въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и не мало содѣйствовалъ ея успѣху. Вотъ, для примѣра, два или три отрывка изъ катехизиса Лиги. —

«Фабриканты нуждаются въ большихъ потребителяхъ, а потому и должны бы предоставить землевладѣльцамъ (landlords) потребление своихъ издѣлій». Такъ говорили защитники хлѣбныхъ законовъ.

Отвѣтъ фабрикантовъ — «Для фабрикъ нужны только такіе покупатели, которые даютъ наибольшую цѣну; для нихъ все равно, будутъ ли покупать англичане или поляки».

«Земледѣлецъ лучший другъ фабриканта».

Отвѣтъ: «лучшій другъ фабриканта тотъ, кто даетъ ему больше».

«Та страна, гдѣ хлѣбъ дешевъ, вообще несчастна».

Отвѣтъ: «вопросъ вовсе не въ томъ, чтобы знать счастлива или несчастна такая страна, а будемъ ли мы сами счастливы, получая ея хлѣбъ».

Говоря по совѣсти, развѣ можно послѣ этого вѣрить благодѣніямъ свободной торговли и превозносить заслуги, оказанныя человѣчеству пропагандою экономистовъ и Кобдена и Компа. Отдадимъ, однако, справедливость англійскимъ фабрикантамъ: нападая на хлѣбные законы, они по крайней мѣрѣ говорили искренно чего хотѣли и не прибѣгали къ лицемѣрью и лжи. Но развѣ отъ этого легче? Что выигралъ англійскій рабочій? Стало ли ему лучше отъ уничтоженія пошлины на привозный хлѣбъ? «Какая намъ польза отъ того, что хлѣбъ подешевѣлъ, когда задѣльная плата понизилась болѣе прежняго! Дорогъ теперь хлѣбъ или дешевъ — намъ все равно, когда у насъ нѣтъ ни денегъ, чтобы купить его, ни работы, чтобы заработать!» Вотъ что говорили и говорятъ англійскіе рабочіе о реформѣ Роберта Пиза. И такъ, морить голодомъ своихъ и разорить иностранцевъ — вотъ политика Англій и ученіе о свободѣ торговли! Какую участь, въ самомъ дѣлѣ, готовитъ эта свобода для земледѣльческихъ странъ, гдѣ мало фабрикъ или гдѣ фабричная промышленность начинаетъ только развиваться?.. Оставляя въ сторонѣ наши убѣжденія, прислушаемся, что говорятъ сами проповѣдники школы Кобдена, что они чувствуютъ, говоря о торговлѣ Англій съ другими государствами. Вотъ собственное ихъ сознание, вотъ ихъ исповѣдь, заключенная въ катехизисъ Лиги:

«Страны, гдѣ мало фабрикъ, гдѣ люди принуждены довольствоваться грубыми домашними издѣліями, вообще несчастны. Жалкое ихъ состояніе, впрочемъ, легко объясняется. Обречен-

ное на земледѣльческія работы населеніе этихъ странъ получаетъ за свой трудъ самое ничтожное вознагражденіе, котораго едва достаетъ на пріобрѣтеніе предметовъ первой потребности. Вотъ почему прландецъ осужденъ питаться однимъ картофелемъ и долженъ голодать среди изобилія хлѣба и скота. Вотъ почему иудеецъ долженъ пить одну воду, хотя живетъ тамъ, гдѣ можно дешево приготовить пуншъ. И за что, спрашивается, даетъ ему пуншу господинъ его!» (Catechism on corn laws).

Предлагаемъ этотъ отрывокъ для прочтенія нашимъ патріотамъ — гг. Тарасенко-де-Отрѣшкову, фонъ деръ Тернеру, Горлову, Егунову, всѣмъ экономистамъ-англоманамъ вообще и хлѣбнымъ спекулянтамъ въ особенности, потому что они болѣе всего заботятся объ усиленіи вывоза хлѣба за границу, — вѣроятно изъ любви къ отечеству.

Г. Егуновъ сказалъ, что въ 1765 году нужно было еще убѣждать нашихъ помѣщиковъ отпускать свой хлѣбъ за границу. Что же? убѣдились ли они съ тѣхъ поръ, какія громадныя выгоды доставляетъ этотъ вывозъ? Много ли берутъ у нихъ теперь хлѣба иностранцы? Много ли родится его, наконецъ?

Вотъ что говоритъ фонъ деръ Тернеръ, одинъ изъ членовъ Русскаго Географическаго Общества, который заклинаетъ помѣщиковъ возможно болѣе понижать цѣны на хлѣбъ.

«Неурожай и скудные урожаи, которые слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ съ 1853 года, можно даже сказать съ 1852 года, придали необыкновенное значеніе вопросу о хлѣбной торговлѣ. Отсутствие русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, сдѣлало изученіе этого вопроса еще болѣе интереснымъ...»

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же господинъ говоритъ: «Если мы не будемъ стараться усовершенствовать производство нашихъ сырыхъ продуктовъ, съ намѣреніемъ понизить ихъ цѣны, то должно предвидѣть, что сбытъ ихъ въ Англію будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться съ каждымъ годомъ, ибо ихъ станутъ вытѣснять подобныя же продукты другихъ странъ». (Движеніе внѣшней торговли въ Россіи, Тернера).

Понизить цѣны на хлѣбъ и сырые продукты, т. е. возможно болѣе уменьшить заработную плату крестьянамъ и издержки на производство — вотъ что нужно сдѣлать, по мнѣнію г. фонъ деръ Тернера, для улучшенія нашего земледѣлія и развитія

хлѣбной торговли! О глубина премудрости и знанія! Да изъ какихъ странъ, г. Тернеръ, пріѣхали вы поучать насъ такой логикѣ! А вы, г. Егуновъ, все по прежнему убѣждаете помѣщиковъ сѣять пшеницу для вывоза?

И такъ, у насъ неурожаи за неурожаемъ, неурожаи на хлѣбѣ, неурожаи на свекловицу и табакъ, шерсти собирается мало, и къ довершенію бѣдствій — Америка, Египетъ, Турція, Молдаво-Валахія, Венгрія, Пруссія — всѣ страны стараго и новаго свѣта посягаютъ на нашу хлѣбную торговлю и вытѣсняють отовсюду наши сырые продукты! Но не бойтесь, хлѣбные спекулянты и витязи свободнаго кулачества! За васъ стоитъ горой цѣлый легионъ патріотовъ въ родѣ гг. Егунова, Тернера и др... Не бойтесь! у насъ многіе еще думаютъ, что, для прокормленія голодныхъ англичанъ, мы сами должны умирать съ голода! Не бойтесь! у насъ всѣ почти еще увѣрены, что наша земля плодородна и неистощима, а потому мы можемъ безжалостно грабить ее усиленнымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ... Не бойтесь! мы вовсе еще не намѣрены улучшать нашего земледѣлія, затрачивать на него капиталы, покупать орудія для хлѣбопашества, заводить дренажъ, а тѣмъ болѣе строить фабрики и заводы. Зачѣмъ тратятъ капиталы на земледѣльческую и фабричную промышленность, когда на нихъ лучше строить желѣзныя дороги, а еще лучше перекупать и перепродавать разныя акціи, облигаціи, билеты, заниматься биржевою игрою, строить великолѣпные дома въ столицахъ, закладывать и продавать ихъ съ барышомъ, ѣздить за границу и т. п.

«Улучшать земледѣліе, строить фабрики — какая утопія! Намъ нужно только вывозить хлѣбъ, хлѣбъ и хлѣбъ, котораго некуда дѣвать. Насъ пугаютъ повсемѣстными неурожаими, голодомъ нѣсколькихъ губерній! Правда, неурожаи бываютъ, люди голодаютъ, — но все это несчастные случаи, случаи — не болѣе. Развѣ прежде ихъ не было?! Зачѣмъ же волноваться, тревожить себя напрасными опасеніями! Къ чему этотъ убійственный пессимизмъ! Нѣтъ! истинные патріоты не боятся за участь своего отечества... вмѣстѣ съ г. Павломъ Небольсинымъ они восклицаютъ съ удивленіемъ: «О! наше будущее, близкое будущее прекрасно!.. Будемъ же съ упованіемъ желать и ожидать окончанія предпринятыхъ и предпринимаемыхъ по цѣлой Россіи построекъ желѣзныхъ дорогъ, — а ихъ теперь въ виду до 9 тысячъ!»

Вотъ что говорятъ наши патріоты. Послушайте теперь ученаго фонъ деръ Тернера: «И такъ, можно предвидѣть, что устройство желѣзныхъ дорогъ облегчитъ доставленіе нашихъ сырыхъ продуктовъ и жизненныхъ припасовъ изъ внутреннихъ странъ къ морскимъ берегамъ».

Такъ, именно такъ думаютъ наши патріоты и идиоты. «Вывозить, постоянно вывозить хлѣбъ за границу, а не улучшать земледѣлія, не тратиться попусту на него и не заводить фабрикъ — вотъ наша забота, вотъ путь, по которому должна развиваться Россія въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи. Мы знаемъ, что находится у насъ противники подобнаго направленія, которые утверждаютъ, что для Россіи необходимо устроить внутренней домашній рынокъ и избѣгать вывоза хлѣба за границу, чтобы не истощать или, какъ они выражаются — не грабить землю. Мы знаемъ что, это за люди! Это — враги свободной торговли, неисправимые консерваторы и монополисты, которые не знаютъ науки, не читали вовсе сочиненій экономистовъ и заботятся только о своемъ интересѣ... Мы знаемъ, что эти господа помѣшались теперь на химіи и доказываютъ, что если мы не возвратимъ землѣ всего отнятаго у ней прежними жатвами, то она превратится скоро въ пустыню, уморитъ насъ голодомъ и сгонитъ съ свѣту!.. Вотъ какими ужасными картинами хотятъ запугать насъ, поборниковъ свободной торговли, наши консерваторы и монополисты! Вотъ что пишетъ между прочимъ, одинъ изъ числа этихъ господъ, нѣкто г. С. Мальцевъ въ своей брошюрѣ: «Будущность земледѣльческихъ государствъ, 1861 г.»

«Если бы вопросъ о томъ — должна ли Россія быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, былъ отданъ на общее изслѣдованіе, то и знаменитый Либихъ, со своими химическими вѣсами и неизмѣнными цифрами, явился бы для доказательства, что послѣдствія такой теоріи суть — истощеніе и слѣдовательно гибель государства».

«Вотъ что говорятъ наши консерваторы! Вотъ что значить не знать политической экономіи, не признавать такихъ авторитетовъ, какъ Адамъ Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Бастіа. Какъ послѣ этого не краснѣть передъ Европой за нашихъ китайцевъ!..

Но довольно! Пора перестать шутить. — У насъ неурожаи, у насъ голодь... Загляните въ избу мужика, спросите его, какъ ему живется?

«Голодно, родименькій, голодно», отвѣтитъ онъ, качая головой. Отчего ему голодно? Отчего повсюду неурожай? Оттого, что

Братья сѣяли пшеницу,
Вывозили за границу.

Да! прошли, прошли наши красны дни. Теперь не то: теперь то побиваетъ жатву градомъ, то саранчей, то наконецъ сама земля, какъ въ Новороссійскомъ краѣ, стоитъ по шести лѣтъ подъ паромъ, стоитъ пустыней и ничего не даетъ своему несостоятельному должнику — пахарю, который во-время не отдавалъ ей долга. Съ такимъ должникомъ природа поступаетъ безжалостно: до поры до времени она терпитъ, а затѣмъ вдругъ лишаетъ его кредита, т. е. урожая, и гонитъ прочь. И великъ ли у насъ бывалъ прежде урожай? Въ губерніяхъ черноземныхъ и Новороссійскомъ краѣ — самъ 10, 15, 20 не болѣе, а во всей Россіи, среднимъ числомъ — самъ 3. Можемъ-ли мы, послѣ этого, хвастаться плодородіемъ нашей земли, пзобиліемъ хлѣба! Посмотрите на Америку: тамъ земля давала мѣстами самъ 150, самъ 200, и что же? Теперь такая земля не даетъ и самъ 10, потому что истощена жатвами пшеницы, рпсу, сборомъ табаку и постояннымъ вывозомъ пхъ на дальніе рынки и за границу, какъ это ведется до сихъ поръ и у насъ. Вотъ что говорилъ американскій экономистъ Керп (Cary) въ письмахъ своихъ къ президенту Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ 1858 году:

«Мѣста, гдѣ разводится хлѣбъ въ Соединенныхъ штатахъ, удалены отъ мѣста сбыта на сотни и тысячи миль (такъ же, какъ у насъ). Послѣдствія этого неудобства даютъ себя замѣтить въ томъ фактѣ, что почва почти всюду истощена и народное благосостояніе, вмѣсто того, чтобы возвышаться, страшно падаетъ.

«Наша земля, продолжаетъ Керп, не совсѣмъ еще ослабѣла отъ потери своихъ жизненныхъ соковъ; но близокъ часъ, въ который, при продолженіи нынѣшней системы сбыта, послѣднее біеніе сердца народа умолкнетъ, и Америка, за одно съ Греціей и Римомъ, похоронитъ себя подъ развалинами прошлаго».

И такъ Соединенные штаты начинаютъ уже опасаться за плодородіе своихъ полей, за свою будущность. А Россія! на что можетъ она надѣяться, когда ея земледѣліе и промышленность стоятъ на такой низкой, полуварварской степени развитія! Или намъ нечего бояться, потому что кричимъ на всѣ четыре сто-

роны — «мы, да мы!» — Или намъ не стоитъ уже сворачивать съ дороги, заводить новое хозяйство, потому что желаемъ выдержать свой народный характеръ, оправдать народную поговорку — «горбатаго могила исправить!» Не потому-ли?

Русскій человекъ, какъ извѣстно, на трехъ сваяхъ стоитъ: на авось, небось, да была ни была. Никто такъ не стремится въ ближайшей выгодѣ, какъ нашъ помѣщикъ, а за нимъ и мужичекъ. А между тѣмъ хозяйственный вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ, сколько можно получить съ земли, а сколько послѣ каждой жатвы можно ей возратить. Нашъ помѣщикъ, любящій закладывать и перезакладывать свое имѣніе, и не подозреваетъ того, что настоящій банкъ — это его земля, которая, дѣлая сеуду въ видѣ урожая, требуетъ уплаты въ срокъ, до начала новаго посѣва. Когда хозяинъ продаетъ свой хлѣбъ, то онъ продаетъ въ немъ составныя минеральныя части почвы, самую существенную часть навоза. Поэтому, если послѣ продажи онъ не возратитъ землѣ того, что отняла у нее жатва, то можетъ быть заранѣе увѣренъ, что случится неурожай. Конечно, ни помѣщики, ни крестьяне этого не знаютъ и знать не хотятъ, потому что знаніе заставитъ ихъ отказаться отъ рутинны, которая имъ дороже всего.

Земледѣліе, для своего развитія, требуетъ самыхъ разнообразныхъ и обширныхъ свѣдѣній; вотъ почему оно развивается всюду позднѣе другихъ отраслей промышленности. Какъ наука — земледѣліе стало дѣлать успѣхи только въ послѣднее время, благодаря открытіямъ въ органической химіи, физиологіи и геологіи. Эти науки недавно доказали ту истину, что земля можетъ производить только при томъ непремѣнномъ условіи, когда ей возвращается, въ видѣ навоза, все что отнимаетъ жатва. Вывозитъ хлѣбъ и сырые продукты на дальніе рынки и за границу — значитъ продавать, отчуждать самую землю, обращать ее въ бесплодную пустыню. Поэтому каждый земледѣлецъ и помѣщикъ, если онъ дорожитъ своими выгодами, долженъ заботиться постоянно о томъ, чтобы потребленіе его продуктовъ было по возможности недалеко; иначе онъ неизбежно обѣднѣетъ. Онъ долженъ желать, чтобы по сосѣдству съ нимъ заводились фабрики, заводы, куда бы онъ могъ сбывать свой хлѣбъ, чтобы получать обратно навозъ.

Замѣтимъ при этомъ, что устройство фабрикъ и заводовъ всегда предшествуетъ и способствуетъ развитію рациональнаго

земледѣлія. При отсутствіи или застоѣ фабричной промышленности, обработка земель ведетъ только къ ихъ истощенію, потому что всѣ продукты сбываются на дальніе рынки и почва безвозвратно теряетъ свои жизненные соки. Нашъ хлѣбъ изъ низовыхъ губерній подвозится къ Петербургу водянымъ путемъ, по Волгѣ и каналамъ, и продается въ столицѣ втрое или вчетверо дороже. Положимъ, жители Петербурга — люди все богатые и потому могутъ дорого платить за хлѣбъ, привезенный изъ Самары. — Но за что же, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, самарцы отчуждаютъ имъ свою землю и теряютъ навозъ, который или уносится Невою, или идетъ на удобреніе огородовъ и полей, расположенныхъ подъ Петербургомъ! Пора бы, кажется, нашимъ помѣщикамъ низовыхъ губерній обратить вниманіе на это обстоятельство. Или они тоже полагаютъ, что ихъ земля неистощима или не истощается вслѣдствіе вывоза хлѣба! «Авось на нашъ вѣкъ хватить, а тамъ — хоть трава не расти въ Самарской губерніи». Такова логика нашихъ земледѣльцевъ, которые, слѣпо повинаясь рутинѣ, продолжаютъ засѣвать свои поля, собирать хлѣбъ и продавать его кулакамъ даже на корню. И зачѣмъ, спрашивается, сѣять рожь или пшеницу въ такомъ огромномъ количествѣ, если нѣтъ обезпеченнаго сбыта? Не однимъ хлѣбомъ сытъ бываетъ человекъ; ему нужна и другая пища. Почему у насъ обращено такъ мало вниманія на развитіе скотоводства? Или намъ, какъ индейцамъ, вредно ѣсть мясо, по причинѣ жаркаго климата? Или мы осудили себя на вѣчный постъ?!

Между нашими помѣщиками находится много такихъ образованныхъ людей, которые, начитавшись сочиненій экономистовъ, заботятся болѣе всего о заграничномъ отпускѣ нашего хлѣба и потому рукоплещутъ постройкѣ Кіево-Одесской желѣзной дороги. По ихъ мнѣнію, эта дорога, облегчая сбытъ пшеницы въ Одессу и въ порты Азовскаго моря, должна понизить ея цѣну и тѣмъ самымъ усилить ея отпускъ за границу. «При настоящемъ отвратительномъ состояніи нашихъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ, говорятъ они, провозъ пшеницы въ Одессу и Таганрогъ обходится такъ дорого и до такой степени возвышаетъ ея цѣну, что иностранцы поневолѣ предпочитаютъ дѣлать свои закупки въ Молдаво-Валахію, Турцію и Египтъ. Съ устройствомъ Кіево-Одесской желѣзной дороги, эти обстоятельства должны измѣниться: перевозка будетъ дешева и хлѣбъ нашъ ста-

нетъ вывозиться за границу не только изъ Новороссіи, но и изъ малороссійскихъ губерній».

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?! Нѣтъ! постройка Кіево-Одесской желѣзной дороги вовсе не обезпечитъ сбыта нашей пшеницы за границу. Всякій сбытъ вообще опредѣляется не количествомъ и дешевизною предложенія, а прежде всего размахомъ спроса; это первое. И такъ — сколько бы мы ни возили пшеницы въ порты Чернаго и Азовскаго морей, если иностранцы въ ней мало нуждаются, то и не купятъ, какъ бы дешево имъ ее ни продавали. Затѣмъ: легкость сбыта и быстрота сообщенія усиливаетъ и обезпечиваетъ только фабричную и заводскую промышленность, а не земледѣліе, успѣхъ котораго зависитъ болѣе всего отъ климатическихъ условій и состоянія почвы; это второе. — И такъ, если мы проведемъ Кіево-Одесскую желѣзную дорогу, съ цѣлію облегчить перевозку пшеницы въ приморскіе порты, то этимъ вовсе не обезпечимъ еще ея урожая, потому что онъ будетъ опредѣляться не количествомъ товарныхъ вагоновъ, а сборомъ жатвы, которая въ свою очередь можетъ пропасть отъ саранчи. Кромѣ того, сколько намъ извѣстно, почва въ Новороссійскомъ краѣ до того уже истощена, что не даетъ мѣстами никакого урожая, даже послѣ 6 или 7 лѣтъ отдыха подъ паромъ. Далѣе — свободная внѣшняя торговля, т. е. иностранное соперничество, не можетъ обезпечить сбыта той странѣ, которая имѣетъ много опасныхъ конкурентовъ. И такъ — если относительно вывоза нашей пшеницы изъ Черноморскихъ и Азовскихъ портовъ, мы встрѣчаемъ соперничество Венгріи, Молдаво-Валахіи, Турціи, Сиріи и Египта, которые могутъ продавать ее нѣсколько не дороже, а скорѣе дешевле насъ, то Кіево-Одесская желѣзная дорога не уничтожитъ подобнаго соперничества и не обезпечитъ нашей хлѣбной торговли. Слѣдовательно — ни заграничный спросъ на нашу пшеницу, ни наше предложеніе — ничто не оправдываетъ необходимости и пользы сооруженія Кіево-Одесской желѣзной дороги. Заграничный спросъ на нашъ хлѣбъ годъ отъ году слабѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается наше предложеніе, по причинѣ непрерывныхъ неурожаевъ. Это факты безспорные.

Какое же вліяніе окажетъ Кіево-Одесская дорога на состояніе Новороссійскаго края, если она будетъ построена дѣйствительно? Точно такое же, какое оказали на Индію желѣзныя до-

роги, построенныя въ ней англичанами во имя свободной торговли.

«Въ странѣ по преимуществу земледѣльской, какъ Индія, говоритъ американецъ Кери, желѣзныя дороги устроены не для пользы земледѣлія, а противъ него. Цѣль, съ которою ихъ проводили англичане, состояла въ томъ, чтобы усилить еще болѣе вывозъ сырыхъ продуктовъ и расширить централизаторскую власть торгашей, что повело за собою страшное истощеніе почвы и рабство труда, потому что рабочее населеніе стало заниматься однимъ земледѣіемъ, а фабричная промышленность окончательно упала». (Principles of Social science, book I, by H. Carey).

И такъ, если мы искренно желаемъ успѣховъ нашему народному хозяйству, то не должны увлекаться ученіемъ англійскихъ экономистовъ о свободѣ торговли, заботиться о вывозѣ хлѣба за границу и проводить для этой цѣли длинныя линіи желѣзныхъ дорогъ къ приморскимъ городамъ.

Куда же дѣвать намъ хлѣбъ? Кто будетъ потреблять его, если перестанемъ вывозить за границу?

Нашъ хлѣбъ долженъ оставаться у насъ, чтобы не терять навоза, не отдавать этого золота иностранцамъ. Вывозъ звонкой монеты за границу породилъ у насъ безденежье, а отпускъ хлѣба — неурожай и голодъ. Притомъ, зачѣмъ намъ хлопотать о развитіи нашей заграничной хлѣбной торговли, когда внутренній сбытъ хлѣба въ дѣйствительности въ пять разъ болѣе внѣшняго! Иностранцы покупаютъ у насъ почти одну пшеницу, которая сѣется на югѣ. Что же касается ржи, которую производятъ сѣверная и средняя полоса Россіи, то ее сбывается за границу очень мало. Главные потребители хлѣба у насъ городскіе жители, работники на фабрикахъ, ремесленники и торговцы. Населеніе городовъ и мѣстечекъ Европейской Россіи простирается свыше 5 милліоновъ, а фабричныхъ и ремесленниковъ, живущихъ по деревнямъ, до 3 милліоновъ. Такимъ образомъ помѣщики и земледѣльцы могутъ рассчитывать на 8 милліоновъ покупателей. Полагая на человѣка въ годъ по 2¹/₂ четверти хлѣба, для внутренняго сбыта потребуется до 20 милліоновъ четвертей, т. е. въ пять разъ болѣе того, что нужно для отпуски за границу, который простирается обыкновенно въ годъ до 4 милліоновъ четв. Стоитъ ли намъ, послѣ этого, беспокоиться объ участи нашей хлѣбной торговли! Или насъ

серьезно тревожить, что одесскіе греки и евреи перестанутъ заниматься ею и набивать свои карманы! Не перестану повторять: для развитія земледѣлія намъ необходимо устроить внутренній рынокъ и развитіе домашнее потребленіе хлѣба. Мало того: вмѣсто доставки сырыхъ продуктовъ въ Москву и Петербургъ, для ихъ обработки, слѣдуетъ устроить фабрики на мѣстахъ самого производства.

— Но какъ это сдѣлать? Откуда взять капиталы для устройства фабрикъ и заводовъ?

Не стройте желѣзныхъ дорогъ, не стройте; все будетъ у насъ — и капиталы, и фабрики, и хлѣбъ.

II.

Желѣзныя дороги — средство перевозки, не болѣе. Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы перевозить людей, способствовать сбыту товаровъ и ускорять его. Перевозка людей не должна быть главнымъ назначеніемъ путей сообщенія. Чѣмъ люди станутъ рѣже перѣзжать съ мѣста на мѣсто, тѣмъ болѣе сберегутъ они времени для производительнаго труда. Это понятно каждому. И такъ, прямое и самое главное назначеніе шоссе, каналовъ, проселочныхъ, почтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ состоитъ въ перевозкѣ товаровъ и клади, въ ускореніи ихъ сбыта. Но прежде, чѣмъ перевозить — нужно имѣть что перевозить и нуждаться въ перевозкѣ. Это также не требуетъ доказательствъ. Поэтому: чѣмъ слабѣе развито производство, чѣмъ менѣе готовится вещей и чѣмъ ограниченнѣе потребность въ ихъ сбытѣ, тѣмъ очевидно менѣе нужно строить повозокъ и судовъ. И такъ, степень производства и потребность сбыта — вотъ что опредѣляетъ болѣшую или меньшую необходимость перевозочныхъ средствъ; ихъ должно быть всегда достаточно, т. е. не болѣе, не менѣе того, сколько нужно. Недостатокъ и излишекъ средствъ для перевозки одинаково вредны. Если для сношенія деревни съ селомъ совершенно достаточно, чтобы ходила въ сутки одна повозка, то не слѣдуетъ заводить дилижанса, хотя онъ, какъ средство перевозки, и лучше телѣги. Когда для сношенія города съ окрестнымъ населеніемъ достаточно дилижанса, тогда неумѣстно строить желѣзную дорогу, хотя ѣзда въ вагонахъ и удобнѣе, чѣмъ въ дилижансѣ. Кажется, ясно!

Теперь спрашивается: нужны ли намъ, въ самомъ дѣлѣ, желѣзныя дороги? Развиты ли у насъ производство, промышленность и торговля на столько, чтобы мы дѣйствительно въ нихъ нуждались? Вотъ вопросы, на которые слѣдуетъ отвѣчать не пустыми возгласами, а цифрами, положительными цифрами!

— Однако позвольте, скажутъ мнѣ. Развѣ желѣзныя дороги бесполезны? Развѣ ихъ не нужно было строить? Развѣ мы могли ѣздить по шоссе въ то время, когда въ западной Европѣ уже давно устроены желѣзныя дороги?! Неужели мы должны были и въ этомъ отношеніи отстать отъ цивилизованныхъ народовъ?! Какъ! мы станемъ строить ежегодно только по 145 верстѣ желѣзныхъ дорогъ въ то самое время, когда въ Америкѣ ихъ строятъ по 2,000! Какое варварство! На что же у насъ, послѣ этого, инженеры путей сообщенія! Неужели имъ прикажете чинить старыя, избитыя шоссе, вмѣсто сооруженія желѣзныхъ дорогъ?

Не отвлекайте капиталовъ отъ земледѣлія, фабрикъ и заводовъ, не бросайте ихъ на бесполезныя, рискованныя предпріятія, которыя не окупаютъ расходовъ, не увеличиваютъ народнаго благосостоянія, а только приносятъ барыши однимъ спекуляторамъ. Не думайте о роскоши, не гоняйтесь за нею, когда у васъ нѣтъ необходимаго. Желѣзныя дороги для насъ роскошь, мотовство; онѣ у насъ неумѣстны, несвоевременны, когда наша промышленность фабричная и заводская сдѣлала такъ мало успѣховъ, когда она такъ сильно нуждается въ оборотныхъ капиталахъ. Мы затратили массу денегъ на производительныя акціонерныя предпріятія; мы захотѣли жить въ счетъ будущихъ благъ — и вотъ стали нуждаться теперь въ насущномъ хлѣбѣ, жаловаться на дороговизну и безденежье! Кто виноватъ? Виноваты всѣ, потому что приняли средство за цѣль, желѣзныя дороги за источникъ богатства, а спекуляцію за производительный трудъ. Виноваты — потому что, не обращая вниманія на улучшение почтовыхъ и проселочныхъ дорогъ, на развитіе сельской промышленности, мы стали строить длинныя линіи желѣзныхъ дорогъ и, помощью ихъ, какъ насосами, начали выкачивать за границу наши капиталы, наши сырые продукты, истощая землю и карманы. И такъ — перестанемъ строить желѣзныя дороги: ихъ уже довольно въ Россіи, черезчуръ довольно. Онѣ хороши, бесспорно хороши; но пословица — «хорошенькаго по-немножку». Строй, да знай же мѣру!

Пора намъ позаботиться о развитіи земледѣлія, фабричной и заводской промышленности, объ устройствѣ хорошихъ проселочныхъ дорогъ...

Въ настоящее время у насъ многіе думаютъ, что, направляя желѣзныя дороги на губернскіе и уѣздные города, можно будетъ увеличить ихъ население и поднять промышленное значеніе. Напрасныя надежды! Французы по опыту говорятъ — *ville traversée, ville perdue*, городъ, прорѣзанный желѣзною дорогою, городъ потерянный. Пусть знаютъ это жители городовъ, черезъ которые проведена или будетъ проведена желѣзная дорога: просвѣтятъ, промчатся первые поѣзды, и мечты ихъ о величіи роднаго града разлетятся, какъ дымъ и искры паровой трубы.

Увлечение добродушныхъ горожанъ провинціи, ихъ мечты и надежды на желѣзныя дороги намъ понятны. Но вотъ что странно! — почему насъ не перестаютъ увѣрять, что желѣзныя дороги слѣдуетъ направлять вообще на города, избѣгая прямыхъ линій? Или въ самомъ дѣлѣ кратчайшее разстояніе между двумя пунктами представляетъ ломанная, а не прямая линія?! Или, роняя значеніе городовъ, намъ можетъ быть расчетливо увеличивать издержки на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ?!

На длинныхъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ вся дѣятельность сосредоточивается теперь въ конечныхъ пунктахъ. Такъ, на примѣръ, Николаевская дорога усилила значеніе Петербурга и Москвы, а промежуточные города обратила въ станціи. Между обѣими столицами пассажирскіе и товарные поѣзды двигаются, какъ всасывающіе и давящіе насосы. Ежегодный приливъ и отливъ пассажировъ, большею частію 3-го класса, простирается свыше милліона. Въ настоящую переходную пору, нашъ простой народъ какъ-будто избѣгаетъ осѣдлости, бросаетъ свое поле и деревню и спѣшитъ на заработки въ Петербургъ и Москву. Причина этого бродяжничества кроется въ томъ, что земледѣліе не вознаграждаетъ крестьянина и, за недостаткомъ работъ на мѣстѣ, онъ принужденъ искать ихъ чуть не за тридевять земель. «Желѣзныя дороги, говоритъ г. Небольсинъ, сдвинули тяжелое на подъемъ русское простолюдые съ палатей косиѣнныя и невѣжества и прояснили въ немъ пониманіе идеи свободнаго труда... Быстрота передвиженія, дешевизна перевозокъ, развѣ это не благо для народа? Слыханное ли у насъ прежде дѣло, чтобы проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ за 4 рубля,

въ полторы сутки, съ удобствомъ, съ защитой отъ непогоды?» — Но почему народу приходится ѣздить въ Москву и Петербургъ? Не лучше ли ему оставаться дома, на пашнѣ или работать на сосѣдней фабрикѣ? Крестьянинъ идетъ или ѣдетъ въ столицу вовсе не для развлечения или любопытства, а по необходимости: ему нужна работа. Желѣзная дорога позволяетъ народу совершать скорый переѣздъ изъ Петербурга въ Москву, — это справедливо; но она не даетъ ему средствъ работать, не обеспечиваетъ его труда. Будетъ ли рабочій ходить на работы въ столицу пѣшкомъ или переѣзжать туда въ вагонѣ — состояніе его не измѣнится къ лучшему. Дѣло не въ скорости переѣзда, а въ томъ, чтобы устранить необходимость бродяжничества изъ за насущнаго хлѣба. Дайте крестьянину работу на мѣстѣ, обеспечьте его домашній трудъ и будьте увѣрены, что онъ не станетъ посѣщать столицы и не сядетъ даже даромъ въ вагонъ перваго класса. Развитіе мѣстной фабричной промышленности, обработка сырыхъ продуктовъ на мѣстахъ ихъ добыванія, улучшеніе земледѣлія, уменьшеніе налоговъ и земскихъ повинностей, проведеніе хорошихъ сельскихъ дорогъ, устройство домашняго рынка въ ближайшемъ городѣ — вотъ что можетъ освободить и обеспечить трудъ простого народа, а вовсе не желѣзныя дороги, которыя только развиваютъ въ немъ охоту бродяжничать и увлекаютъ въ столицу, гдѣ онъ чаще всего впадаетъ въ нищету и развратъ.

«Въ видахъ доставленія рабочему классу большихъ средствъ къ сбереженію времени, на Николаевской дорогѣ устроены отдѣльные поѣзды и, независимо отъ того, сдѣлано распоряженіе отправлять рабочихъ экстренно всякій разъ, когда ихъ скопится вполонину того, сколько нужно для отдѣльной отправки». (П. Небольсинъ.)

Правленіе Николаевской дороги рассчитываетъ на большой доходъ съ пассажировъ 3-го класса; это очевидно. Приплывъ рабочихъ въ столицу видно еще не уменьшается; но что будетъ дальше? Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго будетъ зависѣть свойство эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ вообще и ихъ экономическое значеніе.

Г. Небольсинъ говоритъ: «Глядя на предметъ съ положительной стороны, мы приходимъ къ тому заключенію, что доходность съ пассажировъ преобладаетъ надъ доходностью съ

товаровъ. Съ пуда живого человѣческаго тѣла получается отъ 62 до 66 к., а съ пуда кладѣ 20 к., не болѣе».

И такъ, желѣзная дорога больше всего рассчитываетъ на пассажировъ. Доходъ съ живого человѣческаго тѣла, какъ живописно выразился г. Небольсинъ, обеспеченъ для нея уже потому, что она не боится соперничества относительно его перевозки и, кромѣ того, съ него можно всегда брать по тарифу сполна. Что же касается товаровъ, то, какъ мы увидимъ ниже, перевозка ихъ для желѣзной дороги невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ, и доходы съ нихъ не покрываютъ и части издержекъ. Но объ этомъ послѣ; теперь мы поговоримъ о доходахъ съ пассажировъ.

Въ первое время, по открытіи каждой желѣзной дороги, число проѣзжающихъ дѣйствительно бываетъ велико. Обаяніе новизны и быстрота движенія кружатъ головы и побуждаютъ людей переѣзжать съ мѣста на мѣсто по необходимости, для развлечения и удовольствія. Однако, съ теченіемъ времени, это увлеченіе ослабѣваетъ и число путешественниковъ, послѣ нѣкотораго колебанія, не только не возрастаетъ въ прежней пропорціи, но даже начинаетъ понемногу убывать. Чтобы удостовѣриться въ этомъ стоитъ только заглянуть въ отчеты заграничныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, которыя построены гораздо ранѣе нашихъ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Когда всякій найдетъ свой уголокъ, займется дѣломъ, станетъ болѣе дорожить временемъ, тогда конечно путешествіе и переѣзды вообще потеряютъ свою прелесть. Мало того: по своей быстротѣ, постоянству и правильности движенія, желѣзныя дороги прежде всего назначены для перевозки товаровъ, а не людей. Вотъ почему за границей перевозка тяжестей и кладѣ увеличивается со дня на день, между тѣмъ какъ число пассажировъ постоянно уменьшается. Для чловѣка дѣловаго переѣзженіе — зло; онъ старается его избѣгать, сколько можетъ. Что же касается товаровъ и кладѣ, то ихъ перевозка тѣмъ необходимо, чѣмъ болѣе увеличивается ихъ количество и потребность сбыта; это понятно каждому. Почему же компаніи желѣзныхъ дорогъ продолжаютъ рассчитывать на пассажировъ? Неужели онѣ надѣются, что публика оправдаетъ ихъ расчеты?

III.

Публика вообще смотритъ до сихъ поръ на желѣзную дорогу, какъ на игрушку. Она полагаетъ, напримѣръ, что пассажирскіе вагоны должны быть устроены съ комфортомъ, роскошно, въ родѣ гостиной комнаты или хорошаго ресторана, такъ, чтобы въ нихъ можно было удобно прогуливаться, лежать, читать, обѣдать, — короче наслаждаться всѣми удобствами. Многіе говорятъ, что у насъ устройство такихъ вагоновъ тѣмъ болѣе необходимо, что приходится дѣлать долгіе перевозки, а при быстротѣ движенія нѣтъ почти возможности даже порядочно пообѣдать на станціи...

Публика, особенно наша, иначе ѣздить не хочетъ: къ удобствамъ путешествія ее приучила, вѣроятно, прежняя ѣзда на перекладныхъ, въ кибиткахъ и тарантасахъ, по проселочнымъ и почтовымъ дорогамъ. Вотъ почему она такъ много требуетъ теперь отъ желѣзныхъ дорогъ! Но не мѣшаетъ однако знать, что такое желаніе публики нелѣпо и противорѣчитъ всѣмъ условіямъ перевозки. Устройство роскошныхъ и удобныхъ вагоновъ, конечно, потребуетъ излишнихъ расходовъ, заставитъ возвысить тарифъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличитъ мертвый вѣсъ подвижнаго состава, издержки на его ремонтъ и по движущей силѣ.

Мертвый вѣсъ! Какое публикѣ до него дѣло? Она желаетъ ѣздить удобно и дешево; а тамъ какъ хотятъ, такъ пусть и дѣлаютъ инженеры и управленіе желѣзной дороги, которая устроивается въ видахъ общественной пользы.

Это возраженіе совершенно основательно. При всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что желѣзная дорога, какъ перевозочное средство, должна прежде всего удовлетворять закону перевозки вообще. Требования общественной пользы ни въ какомъ случаѣ не должны противорѣчить этому закону. Въ противномъ случаѣ, желѣзная дорога теряетъ свое экономическое значеніе и дѣлается бесполезною и неумѣстною.

Назначеніе желѣзныхъ дорогъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы перевозить возможно болѣе полезнаго груза по самой дешевой цѣнѣ. Поэтому, не смотря на быстроту, правильность и постоянство движенія, если перевозка по нимъ будетъ обходиться дороже, чѣмъ по шоссе, каналамъ и рѣкамъ, то строить желѣзныя дороги нѣтъ никакого расчета. Это очевидно.

Теперь спрашивается: оправдываютъ ли онѣ свое назначеніе при настоящихъ способахъ эксплуатаціи? Я говорю прямо — нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, потому что компаніи желѣзныхъ дорогъ болѣе всего рассчитываютъ на пассажировъ и мало заботятся объ улучшеніи способовъ перевозки товаровъ и клади. Мало того: желѣзныя дороги находятся въ распоряженіи капиталистовъ, которые, какъ извѣстно, умѣютъ привлекать акціонеровъ, искусно возвышаютъ цѣны акцій и вообще хорошо знаютъ тайны биржевой игры, но къ сожалѣнію мало знакомы съ правилами перевозки. По моему мнѣнію, если бы желѣзныя дороги попали въ руки опытныхъ комиссіонеровъ, занимавшихся долгое время транспортировкой кладей, или даже судовщиковъ, то принесли бы несравненно болѣе пользы обществу и своимъ акціонерамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при настоящихъ способахъ постройки и эксплуатаціи, желѣзныя дороги не выполняютъ основного закона перевозки, который требуетъ, чтобы, при наименьшемъ мертвомъ вѣсѣ перевозочныхъ орудій, передвигать какъ можно болѣе полезнаго груза. Постоянное уменьшеніе мертваго вѣса и увеличеніе полезнаго — таковъ законъ развитія и улучшенія перевозочныхъ средствъ. Чѣмъ легче повозка, чѣмъ дешевле обходится ей ремонтъ и чѣмъ больше везется въ ней клади, тѣмъ, при извѣстной быстротѣ движенія, она лучше удовлетворяетъ своему назначенію. Но полюбуйтесь на поѣзды нашихъ желѣзныхъ дорогъ! Взгляните на эти неуклюжіе, чудовищные сараи и пакгаузы, которые для приличія называются вагонами пассажирскими, товарными или конными. Одинъ видъ ихъ убѣждаетъ васъ, какая страшная паровая сила должна двигать этотъ громадный мертвый вѣсъ! Представьте себѣ, что товарный вагонъ, вмѣщая до 500 пудовъ клади, вѣситъ самъ столько же! Я уже не говорю о вагонахъ для людей и скота, гдѣ мертвый вѣсъ значительно превышаетъ полезный. Какимъ образомъ на желѣзной дорогѣ, которая считается самымъ лучшимъ путемъ сообщенія, въ товарныхъ поѣздахъ, отношеніе мертваго вѣса къ полезному едва только равно, въ то самое время, когда обыкновенная повозка, идущая по грязной, избитой, гористой дорогѣ, поднимаетъ клади втрое болѣе своего вѣса! Какимъ образомъ желѣзная дорога отстала даже отъ дилижанса, въ которомъ мертвый вѣсъ относится къ полезному, какъ 11: 14! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, шоссе или почтовая дорога лучше желѣзной! Вотъ вамъ и прогрессъ!

На это, по всей вѣроятности, возражать, что я не принимаю въ соображеніе скорости движенія, которая на желѣзной дорогѣ втрое, вчетверо болѣе, чѣмъ на шоссе. Дилижансы ходятъ по 10 верстѣ въ часъ, а вагоны дѣлаютъ по 20, 30, 40. Немудрено, послѣ этого, что вагоны имѣютъ большой мертвый вѣсъ: они должны быть выстроены прочно, чтобы выдержать ту быстроту, съ которою двигаются. Чѣмъ скорѣе ходятъ вагоны, чѣмъ болѣе дѣлаютъ они переѣздовъ, тѣмъ больше приносятъ доходу, тѣмъ значить они выгоднѣе. Слѣдовательно — при устройствѣ вагоновъ не слѣдуетъ обращать вниманія на ихъ вѣсъ, а только на прочность, имѣя въ виду скорость ѣзды.

Подобное возраженіе совершенно неосновательно. Положимъ, что пассажирскіе поѣзды должны ходить со скоростью 30 или 40 верстѣ, какъ желаютъ пассажиры, которымъ наскучило ѣздить въ дилижансахъ и тарантасахъ. Положимъ, что по желѣзнымъ дорогамъ можно и слѣдуетъ переѣзжать скорѣе, чѣмъ по проселочнымъ и почтовымъ. Но какая, спрашивается, выгода заботиться о быстротѣ движенія товарныхъ поѣздовъ? Зачѣмъ давать такіе чудовищные размѣры вагонамъ для перевозки клади и скота? Что выгоднѣе для компаніи желѣзной дороги: перевозить тяжести скорѣе, а слѣдовательно и дороже, или медленнѣе и дешевле? Каждая компанія конечно знаетъ, что постройка, содержаніе и починка громоздкихъ вагоновъ обходятся очень дорого; они значительно увеличиваютъ расходы по движущей силѣ, скоро портятся сами и портятъ рельсы. И такъ, для сокращенія своихъ издержекъ, компанія должна уменьшать размѣры вагоновъ: того требуетъ ея собственная польза. Теперь остается сказать о скорости движенія товарныхъ поѣздовъ, которые обыкновенно ходятъ медленнѣе пассажирскихъ, дѣлая только до 20 верстѣ въ часъ. По моему мнѣнію, эта скорость велика: ее слѣдуетъ сократить болѣе, чѣмъ на половину. Другими словами, для перевозки товаровъ и клади вообще совершенно достаточна скорость 8 или 10 верстѣ въ часъ; перевозить быстрѣе — значить напрасно расходовать паровую силу. Товары не пассажиры; скорость перевозки для нихъ дѣло второстепенное; ихъ нужно доставлять только своевременно и въ срокъ. До поры до времени они могутъ всегда оставаться въ складѣ и перевозиться затѣмъ по мѣрѣ надобности, вслѣдствіе спроса. И такъ скорость, съ которою перевозятся теперь товары и кладъ, совершенно неумѣстна и бесполезна; ее слѣдуетъ

сократить. Сокращеніе скорости движенія товарныхъ поѣздовъ тѣмъ полезнѣе, что, уменьшая издержки по движущей силѣ, она даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность увеличить нагрузку, то есть количество перевозимой клади. Наши инженеры кажется должны знать, что паровозъ тащитъ тѣмъ болѣе грузу, чѣмъ съ меньшею скоростью онъ движется. Почему же, спрашивается, они смотрятъ равнодушно на то, что товарные поѣзды ходятъ съ такой быстротою?! Неужели они желаютъ, чтобы, портились скорѣе рельсы, а весь матеріалъ желѣзной дороги требовалъ частаго ремонта и приходилъ раньше въ негодность?! Но если инженеры такъ мало заботятся о выгодахъ компаній, то пора бы кажется самимъ акціонерамъ вникнуть въ способы эксплуатаціи и познакомиться лучше съ правилами перевозки вообще. Это вовсе не такъ трудно: для этого право не нужно слушать курса наукъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, а достаточно поговорить съ любымъ извощикомъ, который занимается перевозкою товаровъ и клади. «Тише поѣдешь — больше свезешь». Вотъ извощицья рутинка, которую не хотятъ знать инженеры, вѣроятно потому что она основана на опытѣ и слишкомъ проста.

Желѣзныя дороги, безспорно, одно изъ великихъ изобрѣтеній нашего вѣка. По быстротѣ, правильности и постоянству движенія, онѣ самое лучшее средство сообщенія и перевозки. Но всякимъ средствомъ нужно умѣть пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто пользы, оно нанесетъ потерю. Въ этомъ отношеніи, желѣзныя дороги для насъ не только мифъ, но и мистификація; мы не научились ими пользоваться и до поры до времени стараемся скрывать свое незнаніе. Дѣло въ томъ, что наши компаніи, не понимая назначенія желѣзныхъ дорогъ, рассчитываютъ только на гарантію и пособіе отъ правительства, на монополь перевозки и на приливъ пассажировъ, особенно III го класса. Относительно перевозки людей онѣ не боятся соперничества ни дилижансовъ, ни рѣчныхъ пароходовъ. Мало того: компаніи желѣзныхъ дорогъ постоянно стремятся уничтожить вконецъ всякое соперничество съ собою водяныхъ путей сообщенія, которыя предоставлены собственной своей участи. Недостатокъ денежнаго обезпеченія и оборотнаго капитала, ограниченное число пароходовъ на рѣкахъ, совершенное отсутствіе ихъ на каналахъ, неумѣнье пользоваться паровою силою, дурное управленіе обществъ и пр. — все это ставитъ на-

ше рѣчное пароходство въ весьма невыгодное положеніе относительно компаній желѣзныхъ дорогъ. При всемъ томъ, водная система сообщенія даже и теперь можетъ соперничать съ желѣзными дорогами по дешевизнѣ перевозки тяжелой клади и товаровъ. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ ту экономическую истину, высказанную мною, что дешевизна — первое условіе перевозки, особенно товаровъ. Пусть пассажиры заботятся о быстротѣ переѣзда и платятъ по тарифу, какъ бы компанія желѣзныхъ дорогъ его ни возвышала; они немного потеряютъ. Но для провоза товаровъ и тяжестей нужна прежде всего дешевизна и только дешевизна.

Я замѣтилъ уже, что желѣзныя дороги, при настоящей ихъ эксплуатаціи, не только не приносятъ дохода отъ перевозки товаровъ и клади, но даютъ даже большой убытокъ, который погашается сборомъ съ пассажировъ и ихъ багажа. Меня спросятъ конечно: почему же компанія не увеличатъ тарифа на товары, если перевозить ихъ убыточно? Почему? — потому что возвышеніе тарифа еще болѣе уменьшитъ перевозку товаровъ по желѣзной дорогѣ, и купцы станутъ отправлять ихъ окончательно водою или на подводкахъ. Это положительно вѣрно — и образъ дѣйствій самихъ компаній подтверждаетъ мои слова: онѣ не только не могутъ возвышать тарифа на товары, но принуждены даже уменьшать его и терять убытки, въ надеждѣ вознаграждать себя на пассажирахъ. Пока доходы съ пассажирскихъ поѣздовъ еще достаточны, компанія конечно могутъ прикрывать и погашать потерю отъ провоза тяжестей. Но что будетъ, когда эти доходы уменьшатся и дѣло выйдеть наружу? Очевидно, компанія должны будутъ или перемѣнить способы эксплуатаціи, согласно правиламъ перевозки, т. е. дать новое устройство всему подвижному составу товарныхъ поѣздовъ, или отказаться вовсе отъ перевозки товаровъ и клади. Это неизбежно.

Тарифы желѣзныхъ дорогъ обыкновенно назначаются всегда заранее, прежде чѣмъ эксплуатация докажетъ, на сколько они выгодны. При этомъ расчетъ дѣлается такъ, чтобы уничтожить соперничество ящичковъ, подводчиковъ, судовщиковъ, короче всѣхъ, кто занимался раньше перевозкою вдоль линіи, которая проходитъ по направленію и сосѣдству открываемой желѣзной дороги. Определить настоящую стоимость перевозки по этой дорогѣ, даже приблизительно, нѣтъ никакой возможности. Въ отчетахъ компаній всѣ данныя по этому предмету такъ

подложны, такъ искусно перепутаны, что отыскать среднюю стоимость провоза пуда клади на версту — просто подвигъ не по силамъ обыкновеннаго смертнаго. «Пассажирскіе и товарные поѣзды, большая и малая скорость, люди и скотъ, расходы по движущей силѣ и подвижному составу, смазка паровозовъ на ходу, водоснабженіе, освѣщеніе и смазка вагоновъ, разные расходы и расходы разные,» извольте все это сообразить, да высчитать. Разность расходовъ — уму непостижимая!

Плата за провозъ пассажировъ и товаровъ взимается на желѣзныхъ дорогахъ, какъ и уже сказано, по опредѣленному тарифу. Этотъ тарифъ часто измѣняется и притомъ можетъ вполнѣ примѣняться только къ пассажирскимъ поѣздамъ, а не къ товарнымъ. Купцы, фабриканты и вообще всѣ отправляющіе тяжести и кладь почти всегда объявляютъ вовсе не тотъ товаръ, который посылаютъ на самомъ дѣлѣ. Стараясь провезти его какъ можно дешевле, они прибѣгаютъ къ подлогу и платятъ обыкновенно по низкимъ цѣнамъ. Такъ, напримѣръ, посылая писчую бумагу, за которую по тарифу слѣдовало бы заплатить по 40 к. съ пуда, купцы объявляютъ, что отправляютъ бумагу сахарную или картонную, и платятъ только 20 к. за пудъ. Къ подобнымъ продѣлкамъ прибѣгаютъ впрочемъ не одни купцы и фабриканты, а чаще всего сама администрація желѣзныхъ дорогъ.

На сколько въ будущемъ акціонеры компаній желѣзныхъ дорогъ станутъ довѣрять ихъ администраторамъ — посмотримъ! Впрочемъ зачѣмъ акціонерамъ обращать вниманіе на подобныя мелочи, когда они знаютъ, что это не помѣшаетъ имъ получать по 5% съ акцій, обезпеченныхъ правительствомъ. А дивидендъ? Конечно, дивидендъ вещь хорошая; но что дѣлать, когда его не бываетъ. И откуда взять, если нѣтъ чистой прибыли? Изъ валового дохода? — Конечно! И такъ будемъ получать дивидендъ изъ валового дохода, не заботясь о запасномъ капиталѣ.

Запасный капиталъ!! — это мифъ для компаній желѣзныхъ дорогъ. А между тѣмъ пора бы кажется понять, что безъ него рѣшительно невозможно поддерживать эксплуатацію такого предприятия, какъ желѣзныя дороги! Дурное содержаніе, несвоевременный ремонтъ подвижнаго состава и неумѣстное сокращеніе издержекъ на исправленіе рельсоваго пути могутъ до такой степени испортить все дѣло, что эксплуатация желѣзной дороги

станетъ рѣшительно невозможною. По мнѣнію людей свѣдущихъ, издержки, напримѣръ, на исправную починку паровозовъ и тендеровъ, по истеченіи десяти лѣтъ, равняются покупной ихъ цѣнѣ. Другими словами: при надлежащемъ даже ремонтѣ, локомотивы съ тендерами выслуживаютъ не болѣе десяти лѣтъ. Что же сдѣлается съ ними, если ихъ не чинить своевременно?! По отчетамъ заграничныхъ компаній видно, что, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, число паровозовъ, необходимыхъ для эксплуатаціи, увеличивается въ громадной пропорціи. Это происходитъ отъ того, что паровыя машины подвержены большой порчѣ и портятся тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣже или чаще ихъ исправляютъ. Каждая порча требуетъ починки, а починка влечетъ за собою издержки и потерю времени; испортившійся паровозъ ставится въ мастерскую и взамѣнъ его покупается новый. То же самое дѣлается съ тендерами и вагонами. Починка и замѣна колесъ, рельсовъ и прочаго матеріала также требуетъ большихъ расходовъ.

Такимъ образомъ, эксплуатація желѣзныхъ дорогъ — дѣло вовсе не такое прибыльное, какъ многіе думаютъ. Конечно, компаніи въ началѣ своего основанія рассчитываютъ только на барыши и живутъ насчетъ первоначальнаго капитала, затѣмъ валового дохода, пока наконецъ горькая дѣйствительность не заставитъ ихъ прибѣгать къ другимъ источникамъ, въ ожиданіи ликвидаціи. Основатели компаній желѣзныхъ дорогъ сами какъ будто предчувствуютъ участь своего дѣла и потому прежде всего заботятся о томъ, чтобы получить гарантію отъ правительства и этимъ привлечь и успокоить акціонеровъ. Спокойствіе — великая вещь! И такъ, будьте спокойны, гг. акціонеры! Вамъ нечего бояться ликвидаціи, пока у васъ въ рукахъ 5% акціи. Вамъ нечего обращать вниманіе и на отчеты администраторовъ вашего предпріятія. И я, въ свою очередь, не буду говорить ни о засѣданіяхъ вашихъ общихъ собраній, ни о жетонахъ и пр... Все это давно извѣстно публикѣ. Но я однако не могу не коснуться одного вопроса: почему акціонерныя компаніи отличаются вообще филантропіей? Зачѣмъ, напримѣръ, въ администраціяхъ желѣзныхъ дорогъ находится столько людей, которые чаще всего по своимъ талантамъ неспособны ни на какое серьезное дѣло? Пусть дѣльные администраторы получаютъ хорошее содержаніе; противъ этого мы ни слова. Но зачѣмъ держать на службѣ людей совершенно лишнихъ, кото-

рые увеличиваютъ только мертвый вѣсъ! Вооружайтесь противъ мертваго вѣса, вооружайтесь!

Мнѣ неизвѣстно общее число служащихъ, рабочихъ, мастеровыхъ, сторожей и пр., которые находятся на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. По всей вѣроятности это число довольно значительно. По отчетамъ заграничныхъ компаній оказывается, что на каждую тысячу верстъ должно приходиться приблизительно до 8,000 служащихъ разнаго рода по найму. Если предположить теперь, что половина этого числа, т. е. 4,000 имѣютъ жену и двухъ дѣтей, составляя такимъ образомъ населеніе въ 16,000 чел. обоего пола, то мы придемъ къ тому выводу, что каждая тысяча верстъ протяженія желѣзной дороги притягиваетъ по крайней мѣрѣ до 20,000 чел.! Поэтому, если устроить дорогу на 5,000 верстъ, то она отвлечетъ населеніе въ 100.000, что и случилось дѣйствительно во Франціи, гдѣ такая армія наемниковъ находилась въ полномъ распоряженіи нѣсколькихъ привилегированныхъ компаній уже около 1855 года. Теперь на 9,000 верстъ вѣроятно вдвое больше.

Компаніи желѣзныхъ дорогъ, какъ извѣстно, учреждаются на акціяхъ и составляютъ безъименныя, анонимныя общества. Я сознаю все значеніе и пользу этихъ свободныхъ товариществъ, основанныхъ на выборномъ началѣ, и убѣжденъ, что въ будущемъ они дадутъ совершенно иное направленіе дѣламъ общества и произведутъ въ немъ коренную социальную реформу. Тѣмъ не менѣе, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, при недостаткѣ и даже отсутствіи надлежащаго контроля и гласности, при нежеланіи самихъ акціонеровъ заботиться о своихъ дѣлахъ, при анархіи интересовъ, акціонерныя общества представляютъ мало гарантій служащимъ въ нихъ и рабочимъ.

Когда работникъ находится въ зависимости отъ хозяина, то все-таки имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, въ которомъ, при всѣхъ его недостаткахъ и порокахъ, всегда остается человѣчность; искра совѣсти и состраданія. Если рабочій, наконецъ, находитъ въ своемъ хозяинѣ неумолимаго, своекорыстнаго эксплуататора, то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ заставить его принять участіе въ своемъ положеніи, выслушать просьбу или оправданіе, склонить его на правое дѣло и побудить къ уступкѣ. Я не говорю уже о томъ, что работники, какъ это случается въ Англіи, Бельгіи, Франціи, могутъ сговориться дѣйствовать сообща противъ хозяина и, угрожая бросить работу,

поставить его въ необходимость — или разоряться, или поступать согласно ихъ требованіямъ... Но кого и о чемъ пойдетъ просить служащій по найму въ компаніи желѣзной дороги, пароходства и въ другомъ анонимномъ и безличномъ обществѣ?! Обратится ли мастеровой рабочій въ правленіе, къ какому-нибудь администратору, — тотъ скажетъ ему, что ничего не знаетъ, что самъ служитъ на жалованьи и не имѣетъ права распорядиться по своему усмотрѣнію въ дѣлахъ общества. Задумаетъ ли мастеровой подѣйствовать угрозою? — и это ни къ чему не приведетъ путному, потому что правленію нечего бояться, а компанія не пострадаетъ, если одинъ или даже сто челоѣкъ бросятъ работу и разбѣгутся. Что такое служащій по найму или рабочій для акціонернаго общества? Колесо машины, менѣе того — зубчикъ колеса, еще менѣе, потому что сломавшійся зубецъ можетъ остановить движеніе колеса, а убыль двухъ, трехъ, сотни, наконецъ, наемниковъ для компаніи совершенно нечувствительна и незамѣтна; эта убыль не остановить теченія ея дѣль. Чѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе дѣла компаніи, тѣмъ менѣе можетъ она обращать вниманія на неудовольствіе своихъ агентовъ и рабочихъ. Куда они дѣнутся, если бы захотѣли дѣйствительно оставить по неудовольствію свою службу и отойти отъ компаніи, которая все-таки ихъ содержитъ на жалованьи и платитъ? Гдѣ прискать потомъ занятіе и работу? Развѣ это такъ легко, особенно въ настоящее время, когда компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, пароходства и другимъ нѣтъ отбою отъ просителей? Да, тяжела компанейская служба!

Я вовсе не думаю обвинять акціонерныя общества въ умышленномъ притѣсненіи своихъ служащихъ и рабочихъ. Если ихъ участь не обезпечена, и они находятся въ незавидномъ положеніи, то виноваты болѣе всего не администраторы, не люди, а система, духъ организаціи самихъ компаній. Разумѣется, пока на служащаго или работника онѣ будутъ смотрѣть, какъ на механическій приборъ, какъ на орудіе промышленнаго предпріятія — до тѣхъ поръ положеніе его не можетъ улучшиться; онъ будетъ не челоѣкомъ, а рабочей силой. У насъ многіе съ поддѣльнымъ увлеченіемъ проповѣдуютъ, что желѣзныя дороги и пароходство освобождаютъ трудъ, уничтожаютъ непронзводительные промыслы ямщиковъ, подводчиковъ, бурлаковъ, обращаютъ ихъ силы на болѣе полезную работу, способствуютъ

развитію довольства и благосостоянія въ рабочемъ народѣ, воспитываютъ его нравственно и т. п. Такъ ли это? Дѣйствительно: число бурлаковъ на Волгѣ уменьшается со дня на день; ямщики и подводчики принуждены были покинуть свой промыселъ... Но чѣмъ они живутъ теперь? чѣмъ занимаются? есть ли у нихъ, наконецъ, работа? Вотъ вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить прежде, чѣмъ воспѣвать благодѣянія желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что эти самые ямщики, бурлаки работаютъ теперь на пароходныхъ пристаняхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ... Это правда. Но какая у нихъ работа? Носка воды и дровъ, смазка колесъ, караульная служба на рельсовомъ пути, нагрузка и выгрузка товаровъ... Чѣмъ же эти работы лучше, разумѣе и прибыльнѣе промысла ямщикаго и бурлацкаго?! Развѣ заниматься этими работами не то же, что тинуть лямку?! Развѣ онѣ развиваютъ сколько-нибудь мыслительныя способности рабочаго, дѣлаютъ его болѣе нравственнымъ? Въ чемъ же прогрессъ?!

Въ настоящее время привилегированныя компаніи желѣзныхъ дорогъ дѣлаются повсюду владыками торговли, финансовъ, промышленности, земледѣлія, горнозаводскаго дѣла и пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на политику правительства. Это фактъ неоспоримый.

Нашъ инженеръ, г. В. Панаевъ справедливо замѣчаетъ, что «компаніи являются организованными центрами громадныхъ капиталовъ, представляя собою прежнихъ феодаловъ» («День», № 7, 16 февраля 1863 г.).

Далѣе г. Панаевъ говоритъ: «лица, которымъ даютъ постройку желѣзныхъ дорогъ, рассчитываютъ не на предпріятіе, но или на ажіотажъ, или на другіе непопозволительные интересы. Въ этомъ случаѣ правительство является, незамѣтнымъ для себя образомъ, какъ будто покровителемъ зла, и допускаетъ растлѣніе людей биржевою игрою и эксплоатаціею мелкихъ капиталовъ — большими. Весьма опасное тоже дѣло — дарованіе гарантіи огромнымъ частнымъ компаніямъ. Гарантіи обращаются неизбѣжно въ постоянный оброкъ правительства компаніямъ и притомъ въ размѣрахъ ими самими назначаемыхъ, по причинѣ практической невозможности учитывать компаніи». (День, № 7).

И такъ привилегированныя компаніи желѣзныхъ дорогъ не соотвѣтствуютъ своему прямому назначенію и требованіямъ

общественной пользы. Ихъ предпріятіе должно быть основано для общества, а не противъ него, не въ видахъ монополя и ажіотажа, а съ цѣлю обезпечить и развить трудъ, какъ того требуетъ справедливость.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ раскроетъ въ скоромъ времени такія важныя данныя, которыя докажутъ необходимость вмѣшательства общества въ дѣла компаній. Уничтожая всякое соперничество съ собою въ перевозочной промышленности, онѣ стремятся захватить въ свои руки самый прѣтѣснительный монополь. Въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Австріи — компаніи желѣзныхъ дорогъ въ послѣднее время стали сливаться, съ цѣлю пріобрѣсть окончательный монополь перевозки, и образуютъ уже родъ союза, — *impregium in impregio*, — который пріобрѣтаетъ почти неотразимое и самое пагубное вліяніе на политику и законодательную власть этихъ государствъ.

«То же самое дѣлается и въ нашихъ Соединенныхъ штатахъ», говоритъ американскій экономистъ Кери (Cary), гражданинъ г. Филадельфіи. «Частныя компаніи желѣзныхъ дорогъ предписываютъ уже свои законы многимъ штатамъ. Срокъ рѣшительнаго заговора противъ страны хотя еще не наступилъ, — но все предвѣщаетъ его близость. Тогда мы увидимъ новое доказательство того, что власть эксплуататоровъ перевозки — самое гибельное, убійственное общественное зло». (Н. Cary. Principles of Social Science, book III).

ЖУРНАЛЬНОЕ ДѢЛО.

«Haß und Verachtung der heutigen Presse!»
«Es ist Zeit, es ist Zeit, die Stimmen dieser
Gastraten durch den rollenden Ton groben Basses
zu unterbrechen!»

Ferd. Raffalle.

ЖУРНАЛЬНОЕ ДѢЛО.

Скандальное дѣло!

I.

Изданіе газетъ и журналовъ требуетъ радикальной реформы. Издательская рутинна, основанная на торговой спекуляціи и лхонмствѣ, позоритъ журналистику и лишаетъ ее права на уваженіе и довѣріе общества.

Для чего издаются теперь журналы и газеты? Для эксплуатаціи общественнаго мнѣнія и легковѣрія, для эксплуатаціи невѣжества, предразсудковъ, заблужденій, надеждъ и опасеній, желаній и ожиданій, интересовъ и стремленій, какъ личныхъ, такъ и сословныхъ. Цѣль этой возмутительной эксплуатаціи — деньги, деньги и деньги, которыя попадаютъ сперва въ широкіе карманы издателей, промышляющихъ печатнымъ товаромъ, а затѣмъ, по мелочамъ, раздаются наемнымъ писакамъ.

Нельзя, безъ гнѣва и отвращенія, говорить о современной журналистикѣ, которую насвободъ прососала преступная продажность. За все опредѣляется плата, все опѣнено, обторговано по правилу спроса и предложенія. За софизмъ — столько-то; за инсинуацію, клевету, доносъ, пасквиль — столько-то! Правда, здравый смыслъ и добросовѣстность считаются негодными, лишними товарами, которымъ нѣтъ сбыта.

Продажность журналистики заявляется тѣмъ, что писаки по найму издателей стали поставщиками заказнаго статейнаго товара за извѣстную подлистную или построчную плату. Все съ руки такимъ поставщикамъ, лишь бы поскорѣе и побольше измарать бумаги и получить деньги за свое пероблудіе. «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда статеечки строчить», говоритъ журнальная пословица. Что за дѣло журналистамъ до убѣжде-

ний своихъ хозяевъ-издателей, которые содержатъ ихъ на подписныя деньги! Настрочилъ статейку, повѣстунку или фельетончикъ, получилъ денежки по расчету и — поминай, какъ звали. — Вотъ ремесло, которымъ занимаются журнальные и газетные писаки! Много-ли найдется такихъ «непрактическихъ» беллетристовъ, фельетонистовъ, публицистовъ и другихъ беллибердистовъ, которые не старались бы, какъ говорится, «размазывать», съ намѣреніемъ стаянуть съ издателя, т. е. съ публики, побольше рубликовъ? «И ты тоже деньгѹ полюбилъ!» — восклицалъ одинъ издатель-сатирикъ, ласково ударяя по плечу своего постоянного сотрудника, который просилъ прибавки гонорара.

Продажная журналистика! Развѣ это выраженіе не говоритъ само за себя! Развѣ, положа руку на сердце, кто нибудь рѣшится сказать, что способенъ уважать продажное, покупное? Развѣ, въ дѣйствительности, мы уважаемъ въ себѣ и въ другихъ тѣ мысли, убѣжденія и чувства, за которыя просимъ или ожидаемъ денежной платы и награды? Помните, что ученые, медики, писатели и подобные общественные дѣятели не получаютъ «рабочей платы», а состоятъ «на жалованьи» или живутъ «гонораромъ». Одно уже это различіе выраженій доказываетъ ясно, что не всякій трудъ можетъ продаваться и покупаться, по правилу спроса и предложенія. Безъ сомнѣнія, ученые, медики, писатели получаютъ деньги, но получаютъ ихъ все-таки не какъ задѣльную плату, а какъ пособіе или субсидію, для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Это денежное вспомошествованіе падаетъ налогомъ на всѣхъ рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ вещей, товаровъ и припасовъ, безъ которыхъ нельзя существовать людямъ, въ томъ числѣ и журналистамъ. Они состоятъ на публичномъ содержаніи и живутъ на счетъ рабочаго народа, который ихъ поитъ, кормитъ, одѣваетъ и убажаетъ. Такъ доказываетъ экономическая наука, которую не мѣшаетъ изучать журнальнымъ и газетнымъ писакамъ, чтобы получить настоящее понятіе о своемъ социальномъ значеніи и перестать чваниться.

Вопросъ о вознагражденіи писателей рѣшается одинаково, какъ съ экономической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, произведеніе умственнаго труда не товаръ, который покупается и продается по вольной цѣнѣ и требуетъ торга и переторжки. По своему значенію и назначенію, автор-

ская рукопись, которая отдается въ печать, — вещь непроданная, безцѣнная, потому что званіе писателя запрещаетъ ему работать по найму и заказу, потому что произведеніе его труда нельзя оцѣнивать, какъ товаръ, потому что, наконецъ, мыслей нельзя ни считать, ни мѣрить, ни вѣсить. Убѣжденіе, вѣрованіе, истина, справедливость, короче все, что вырабатывается мозгомъ, все, что производится наблюденіемъ и размышленіемъ, не входитъ въ разрядъ вещественныхъ, мѣновыхъ цѣнностей и, потому, не должно подчиняться обыкновеннымъ правиламъ купли и продажи. Писатель вовсе не работникъ, въ простомъ и дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, а только слуга общества, слуга, который не продаетъ своего труда за деньги, а живетъ общественнымъ подаиіемъ.

Одно лишь безкорыстное служеніе наукѣ и правдѣ можетъ быть прочнымъ залогомъ писательской добросовѣстности. Каждый писатель долженъ помнить, что корыстолюбіе и продажность неизбежно развращаютъ умъ и совѣсть, убиваютъ всякій талантъ, уничтожаютъ энергію и силу убѣжденія и, рано или поздно, доводятъ до безчестности. Каждый писатель долженъ постоянно имѣть въ виду, что, продавая за деньги свои знанія, убѣжденія, вѣрованія и заботясь о выгодномъ ихъ сбытѣ, онъ не погнушается, при удобномъ случаѣ, вступить въ торговую сдѣлку съ людьми подлыми, сначала келейно, а потомъ и явно. Кто бы ни купилъ тогда его — издатель-ли, торгующій разнымъ печатнымъ хламомъ, спекуляторъ-ли, промышленіищій объявленіями и рекламами, кляузникъ-ли, доносчикъ-ли — ему все равно. Дѣло въ томъ, что писатель, который смотритъ на свое занятіе съ точки зрѣнія практической, денежной, непременно сдѣлается негодяемъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше его хвалятъ и вознаграждаютъ. Репутація, которую онъ приобретаетъ своими сочиненіями, становится для него капиталомъ, дающимъ большіе проценты, въ видѣ высокой платы. Чѣмъ ниже падаетъ модный писака въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ выше цѣнитъ онъ себя на деньги. Эту истину можетъ отвергать только лицемѣріе или тупоуміе писака, запродавшихъ свою совѣсть. — За примѣрами дорогой писательской практики ходить не далеко: они на глазахъ у публики. Мало-ли у насъ литературныхъ спекуляторовъ, ловко играющихъ на повышеніе курса своихъ произведеній! Такой ажіотажъ у насъ уже не новость и не возмущаетъ своимъ циниз-

момъ даже людей совѣстливыхъ. Чѣмъ скорѣе раскупается сочиненіе извѣстнаго литератора или чѣмъ охотнѣе читаются статьи какого нибудь журналиста, тѣмъ болѣе набиваются цѣны на ихъ рукописи. Такого явленія не бываетъ даже въ торговлѣ, основанной на лихомствѣ: тамъ цѣна товаровъ обыкновенно не возвышается, а понижается, по мѣрѣ увеличенія сбыта. Отсюда видно, что литературное торгашество исключаетъ конкуренцію и обращается всегда въ монополь, прибыльный для писателя и вредный для общества.

Я называю журналистику и всю литературу «публичной содержанкой» и остаюсь при томъ убѣжденіи, что ни одинъ разсудительный человѣкъ не станетъ порицать меня за это мѣткое и научно-вѣрное выраженіе. Что же дѣлать, если литераторы и журналисты всегда состояли и дѣйствительно состоятъ на общественномъ пажеснѣи, то есть на хлѣбахъ своихъ читателей! Миѣ замѣтить, вѣроятно, что и читающая публика вообще содержится не на свой счетъ, а такъ сказать — заѣдаетъ мужицкій хлѣбъ. На такое справедливое замѣчаніе возражать, конечно, я не стану, а все-таки повторю еще разъ, что журналистика — публичная содержанка, которая не должна, поэтому, особенно гордиться своимъ социальнымъ значеніемъ и обязана постоянно помнить, что она «лакомится мужицкимъ потомъ», какъ выражается г. Юлій Жуковскій. Этотъ публицистъ, который настроилъ на меня насквиль, подъ предлогомъ оправдать Милля, и постыдился объявить свое имя, долженъ, разумѣется, знать, что его несравненный экономистъ очень и очень дурно отзывался о ремеслѣ журналистовъ. Милль говоритъ вотъ что:

«Въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ вознагражденіе вообще бываетъ значительно, потому что, если они и подвержены соперничеству людей, получившихъ ученое воспитаніе на счетъ общественной или частной благотворительности, зато избавлены отъ соперничества аматѣровъ; рѣдко являются кандидатами на такія занятія люди, имѣющіе средства къ жизни, независимыя отъ литературы. Предметомъ, достойнымъ вниманія мыслителей (слушайте, мыслящіе журналисты!), были бы вопросы: не происходятъ ли эти обстоятельства отъ коренной фальшивости понятій о литературномъ занятіи, какъ о профессіи, и хорошо ли, да и можетъ ли быть долговременнымъ такое общественное устрой-

ство, при которомъ наставники человѣческаго рода суть люди, передающіе другимъ свои знанія за кусокъ хлѣба» (Милль.—Основ. полит. экономіи, Т. I. стр. 447).

Что на это скажете вы, журнальные Чичиковы, вы, господа миллисты и вы, г. Юлій Жуковскій? Не скажете ли вы, пародируя опять мои слова, что «Милль съ возмутительнымъ цинизмомъ раскрываетъ тайны журналистики, изъ желанія польстить вамъ!» Вѣдь онъ называетъ журналистовъ «наставниками человѣческаго рода» и, въ то же самое время, клеймитъ ихъ за то, что они обратили свое занятіе въ ремесло и своего рода индустрію, вредную для общества! Вѣдь онъ доказываетъ, что журналисты, образованные «на счетъ частной или общественной благотворительности», мараютъ бумагу не изъ благодарности къ обществу, а изъ-за денегъ и, притомъ, большихъ денегъ! Вѣдь онъ убѣждаетъ, что такая позорная продажность журнальнаго пера происходитъ отъ разврата мысли и должна вызвать ропотъ негодованія со стороны людей умныхъ и добросовѣстныхъ! Да, г. Юлій Жуковскій, будьте увѣрены сами и увѣрьте вашихъ безподписныхъ журнальныхъ братьевъ въ томъ, что «ничего, кромѣ горькой правды, нѣтъ во всемъ, что говоритъ Милль» о журнальномъ промыслѣ, точно такъ же, какъ ничего, кромѣ гнусной софистики, не заключается въ разсужденіяхъ его о барышахъ капиталистовъ, о задыльной платѣ рабочихъ, о неизбежной ихъ нищетѣ отъ размноженія и пр. Какъ нелѣпо и безсовѣстно разсуждаетъ этотъ прославленный экономистъ о нищетѣ рабочаго народа, такъ умно и правдиво обличаетъ онъ продажность журналистовъ. Знайте это, г.г. миллисты!

Журналисты стали продажны, потому что обратили свое занятіе въ ремесло. Журналисты стали вредны и опасны для общества, потому что забыли свое призваніе быть безкорыстными наставниками и обратились въ наемныхъ писакъ, запродавшихъ разнымъ спекуляторамъ. Такъ думаетъ Милль. Но защитникъ его, г. Жуковскій, какъ журналистъ, высказываетъ совершенно противное мнѣніе. Онъ безцеремонно обвиняетъ въ литературномъ распутствѣ не самихъ писателей, этихъ передовыхъ людей общества, а—кого бы вы думали?—читающую публику!! Да, г. Жуковскій говоритъ рѣшительно: «Пока эта закупленность литературы и недобросовѣстность, ея плзтство объясняется ничѣмъ, какъ несвободностью личнаго мнѣнія каж-

даго отъ постыдныхъ посягательствъ на чужое добро, и рабство и взяточничество литературной мысли есть ничто иное, какъ результатъ (?) такого же илотства и взяточничества мысли въ самомъ читателѣ или общественномъ мнѣніи. Оно будетъ существовать въ литературѣ, пока будетъ существовать въ читателѣ». («Современникъ» 1865. № 8).

Читаешь и глазамъ не вѣришь! Какъ? — журналистъ, наемный журналистъ и писака, котораго содержитъ, поить и кормить читающая публика, осмѣливается говорить ей такую проповѣдь! Читатели виноваты, что журналисты продажны и развратны! Читатели — рабы, илоты, взяточники и потому таковы должны быть неизбежно и писаки! — Журналистика, изволите знать, — экскрементъ общества или помойная яма, куда стекаются всѣ нечистоты публичной жизни. — Прекрасно! Журналистика — та грязная тварь, которая валяется въ смердливой лужѣ и жадно глотаетъ всякую мерзость. — Прекрасно!... Пусть же купаются журналисты въ житейскихъ помояхъ, пусть пропитываются до мозга костей всѣми подлостями; но пусть же не показываютъ публикѣ своего мѣднаго лба, пусть не хрюкаютъ, не изрыгаютъ всякихъ гадостей, которыми насыщаются добровольно, а главное — пусть не требуютъ денегъ за отвратительное самооскверненіе. Будьте гадки журналисты, если вы не способны или не желаете быть чище, но не гадьте, по крайней мѣрѣ, читателей, которые предполагаютъ, что имѣютъ дѣло съ вами, какъ съ людьми чистыми и умытыми. Не забудьте, что вамъ довѣрнетъ еще публика: она слушаетъ васъ охотно, потому что считаетъ выше себя по развитію и нравственности. И такъ, если въ васъ, журнальные и газетные писаки, тлѣется искра здраваго смысла и совѣсти, постарайтесь исправиться, оправдайте довѣріе публики, подайте ей примѣръ честной жизни и перестаньте клеветать на свою кормилицу. Станьте честиѣ сами, и тогда читатели, которые пали нравственно, благодаря вамъ, обратятся на путь истинный.

Съ вами, журналисты, говорить вашъ бывший собратъ, которому стало стыдно за журнальное дѣло, обращенное въ денежную спекуляцію и опозоренное торгашествомъ мысли. Покаемся сообща и будемъ разсуждать по совѣсти и правдѣ, что мы за люди, чего мы добиваемся, къ чему стремимся и чего можемъ ожидать отъ насъ общество, которому мы будто бы служимъ? Желаемъ ли мы остаться въ настоящемъ положеніи —

трусами мысли, продажными душами и своекорыстными, презрѣнными развратителями общества — или желаемъ обуздать свои грязныя побужденія, измѣнить свои распущенныя нравы и обычаи, выработать новыя, честныя убѣжденія и повести за собой общество впередъ, по пути уметвеннаго и нравственнаго развитія? Быть или не быть полезными и честными дѣятелями — таковъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго на практикѣ зависятъ наше социальное значеніе и пріобрѣтается право на уваженіе и довѣріе общества или на его презрѣніе и отвращеніе.

Дѣло въ томъ, что мы, журналисты, мы, униженные и развращенные писаки по найму издателей, мы не имѣли и не имѣемъ даже понятія о своемъ призваніи, не имѣемъ даже вѣры въ самихъ себя и во все дорогое мыслящимъ и развитымъ людямъ. Вотъ почему мы стали скептиками касательно литературной чести. Обесмысленные продажностью, мы только о томъ и мечтали до сихъ поръ, чтобы пристроиться къ какому нибудь журналу или къ газетѣ и обезпечить свое жалкое существованіе срочной поставкою рукописей. Чего же ожидать отъ васъ, журналистовъ, пока вы ожидаете всего лишь отъ однихъ издателей-редакторовъ — и заказной работы, и платы, и прибавки гонорара, и лестныхъ одобреній за усердіе къ журнальной службѣ, и денежнаго пособія, и официальнаго заступничества въ случаѣ судебного преслѣдованія, и пр. Чего же ожидать отъ васъ, журналистовъ, пока вы остаетесь еще при томъ наивномъ убѣжденіи, что издатель можетъ распоряжаться произвольно и безотчетно подписною суммой, изъ которой онъ выдаетъ вамъ субсидію, какъ будто изъ милости! Чего же ожидать отъ васъ, пока вы продаетесь капиталу издателей, торгуете своимъ перомъ, строчите по заказу, лжете, лицемерите, трусите за опредѣленную плату! Опомнитесь! Чему вы служите? — Издательскому карману. Опомнитесь! Чѣмъ вы занимаетесь? Вѣдь вы предаетесь самой гнусной мастурбаци, вѣдь вы пероблудствуете... по заказу и за деньги. Фу — какая мерзость!

Я знаю, что издательская власть страшна не на шутку бѣднымъ журналистамъ, которые отдаются въ кабалу изъ-за насущнаго хлѣба. Вотъ почему они такъ боятся прогнѣвить своихъ хозяевъ и впасть въ ихъ немилость, если притомъ увѣрены еще, что не найдутъ пріюта въ другихъ журналахъ или газетахъ. И сколько умныхъ, честныхъ и дѣльныхъ молодыхъ людей погибло уже и погибаетъ преждевременно на глазахъ

безстрастныхъ и алчныхъ издателей, которые занимаются высасываніемъ чужихъ мозговъ. Счастливы еще тѣ журналисты, которые умираютъ, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ, отъ истощенія силъ и чахотки, а не откармливаются на бардѣ издателей, не обращаются въ жирныхъ скотовъ и не тонутъ въ грязи издательской спекуляціи. Миръ праху вашему, погибшіе труженики и бойцы за правду! Вы устояли противъ искушенія и разврата мысли и чувства; вы унесли въ могилу честное имя: ни одинъ издатель не успѣлъ подкупить и развратить вашу совѣсть. Но ваша горькая жизнь и ваша ранняя смерть не образумила издателей и не заставила ихъ отказаться отъ своей практики отравлять существованіе бѣдныхъ журналистовъ. Какъ погибали они прежде, такъ гибнутъ и теперь: одна и та же издательская эксплуатація свирѣпствуетъ въ журналистикѣ и «каждый день и каждый часъ добычи новой жадно просить». Ахъ ты, страсть издательства, страсть роковая, жестокая! Если не живые, то мертвые журналисты, твои жертвы, вопіютъ противъ тебя!

II.

О почтенные предприниматели журнальныхъ и газетныхъ дѣлъ! Никто изъ васъ въ гильдію не записывается, торговаго свидѣтельства не беретъ, конторскихъ книгъ никому не показываетъ, отчетности и контроли не признаетъ, а каждый поступаетъ, какъ настоящій лавочникъ. Что я говорю! — Посмотрите на издателя, какъ высоко онъ задираетъ носъ, какъ величественно и гордо взираетъ на обыкновенныхъ торгашей, даже на книгопродавцевъ! Не подходите смѣло къ этому министру внутреннихъ журнальныхъ или газетныхъ дѣлъ: осанкой, взглядомъ и словомъ покажетъ онъ вамъ свое превосходство надъ простыми смертными. Не даромъ же зовутъ нѣкоторыхъ издателей «генералами отъ журналистики»!

Что за человекъ «издатель-редакторъ»? Что онъ дѣлаетъ и что можетъ сдѣлать? — Онъ тотъ, чей отказъ пугаетъ безответнаго наемнаго писака. Онъ тотъ, кто печатаетъ въ журналѣ или газетѣ все, что хочетъ, и беретъ изъ подписныхъ денегъ все, что можетъ. Онъ тотъ, кому выпрашиваетъ послушная толпа подписчиковъ, которыхъ онъ считаетъ своими оброчными

душами. Воля его — законъ его. Горе и позоръ тѣмъ писателямъ, которые ему не повинуются или не нравятся: онъ имъ отказываетъ, «подастъ салазки», какъ любить выражаться г. Благосвѣтловъ, а потомъ еще травитъ ихъ своими наемными прихвостниками. Никто, менѣе издателя, не уважаетъ достоинства писателей; никто, болѣе его, не смѣется надъ общественнымъ мнѣніемъ; за то никто, лучше его, не умѣетъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для поживы. Мозгъ писателя и карманъ читателя — вотъ два источника, откуда издатель выжимаетъ все, что нужно для собственнаго благополучія.

Заманить подписчиковъ, завербовать подкупомъ модныхъ писателей и дешевыхъ писаекъ, заставить ихъ строчить по заказу, развратить ихъ убѣжденія и совѣсть, опутать долгами, а затѣмъ застраховать журналъ или газету отъ насильственной ликвидаціи и запрещенія лицемѣріемъ, продажною и трусостью — вотъ практическая задача, которую рѣшаетъ, болѣе или менѣе удачно, корыстолюбивый издатель. Если не каждый изъ нихъ, по призыву г. Краевского, способенъ получать субсидіи и негласныя пособія, за то почти все безвыкупно продано капиталу. Это подтверждаетъ издательская спекуляція, которая уже давно исказила значеніе и цѣль журналистики, обративъ ее въ торговый промыселъ самаго неблагоприятнаго свойства. Что такое для издателя журналъ или газета? — Промышленное предпріятіе, говоря вѣрнѣе — мануфактура съ лавочкой. Заботясь объ успѣхѣ своего изданія съ торгашеской точки зрѣнія, онъ дѣлаетъ ее орудіемъ денежной спекуляціи и предметомъ роскоши для праздной и тунейной толпы, которую стрижетъ, брѣветъ и помадитъ разными мазями своего изобрѣтенія или своей поддѣлки. Для пустыхъ головъ и этого, разумѣется, довольно!

До какого лицемѣрія и малодушія доходятъ хозяева нашихъ либеральныхъ и много-оппозиціонныхъ журналовъ и газетъ — оказывается уже теперь, послѣ освобожденія отъ предварительной цензуры. Теперь достовѣрно уже то, что издатели-редакторы болѣе всего опасаются закрытія своихъ лавочекъ. Посоветуйте самому храброму изъ нихъ дѣйствовать безъ страха и по совѣсти, въ защиту принципа свободы слова, и онъ беззащитно скажетъ вамъ: «Развѣ я могу печатать все, что вздумается сочинить моимъ сотрудникамъ? Развѣ я не отвѣчаю моимъ карманомъ? Чѣмъ же стану я жить, когда

запретить журналъ и оставить меня безъ доходовъ?» — Проживете и безъ доходовъ, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ вообще и общественнымъ дѣятелямъ въ особенности. — «Благодарю за желаніе», отвѣтитъ разсерженный издатель, скорчитъ кислую гримасу, отвернется и пойдетъ считать и прятать подписныя деньги, а затѣмъ, какъ г. Некрасовъ, позаботится объявить публикѣ, что «поведетъ свое дѣло такъ, чтобы не получать впредь предостереженій!» — Гдѣ ты, издатель смѣлый, безкорыстный, гдѣ ты?...

„Нѣтъ отвѣта,
И даже чуждъ душѣ поэта
Его высокій идеалъ!“

(Н. Некрасовъ).

Правда, цензурская опека изгадила нашу журналистику и дала ей ложное значеніе. Но правда и то, что издательская диктатура извратила и стюнула ее еще болѣе. Мало того: освобожденіе отъ цензуры еще не возвыситъ достоинства нашихъ повременныхъ изданій и не сдѣлаетъ ихъ свободными, честными и самостоятельными органами, пока они останутся въ крѣпостной зависимости отъ произвола издателей-редакторовъ. Дѣло не въ томъ, что официальная, чиновничья цензура марала, коверкала и уничтожала въ печати все, что ей казалось вреднымъ или опаснымъ для законнаго порядка. О произволѣ предварительной цензуры разсуждать теперь поздно и смѣшно. Нѣтъ, настоящее дѣло — разбудить и понять, почему и зачѣмъ издатели-редакторы безцензурныхъ журналовъ и газетъ мараютъ, передѣлываютъ и поддѣлываютъ то, что у нихъ печатается? Почему и зачѣмъ эти господа подражаютъ цензорамъ-чиновникамъ и подчасъ превосходятъ ихъ своимъ умѣньемъ «сглаживать рѣзкія выраженія» и вытравлять «опасныя мѣста» въ статьяхъ своихъ сотрудниковъ? Почему и зачѣмъ дѣлаются они домашними цензорами? Неужели того требуетъ общественная польза или государственная безопасность? Нисколько. Зачѣмъ же было освобождаться отъ цензуры? Зачѣмъ же было цеголить мнимой свободой печати и потѣшаться надъ уволенными цензорами? Что означаетъ ваша свобода въ добровольномъ рабствѣ? Отвѣчайте на эти вопросы, г. г. либеральные издатели-редакторы. Скажите публикѣ, что васъ обуялъ страхъ судебного преслѣдованія и административныхъ предостереженій и запрещеній. Скажите публикѣ, что, кромѣ этого страха, васъ разжигаетъ и

терзаетъ страсть корыстолюбія, amor sceleratus habendi, что вы неудержимо гоняетесь за барышами отъ подписки и объявленій, что вы помышляете только о благополучномъ и безмятежномъ набиваніи своихъ кармановъ, что вы либеральничаете для приличія, по модѣ и снисхожденію къ своей журнальной или газетной прислугѣ, которую вы презираете отъ души за ея продажность и цыганство. Не забудьте еще повѣдать публикѣ, что ваши дрянныя изданія лишены всякаго значенія и направленія на томъ простомъ основаніи, что для васъ немислимо никакое направленіе, исключая наживательнаго, спекуляторскаго; для васъ нелѣпо всякое убѣжденіе, кромѣ того, что подписныя денежки — все, а журналъ или газета — только грязная бумага, т. е. ничто. Эхъ, если бы подписчики согласились высылать денежки, взаимно чистыхъ листовъ, нежавшихся подъ печатнымъ станкомъ — то-то порадовали бы издателей! Тогда они не боялись бы никакихъ предостереженій и судебныхъ преслѣдованій. Тогда они рѣшились бы даже поить, кормить и содержать даромъ своихъ сотрудниковъ по бездѣлю, и тѣ прославляли бы ихъ добродѣтели. Тогда они были бы довольны другъ другомъ, жили бы мирно и весело, безъ журнальныхъ и газетныхъ споровъ, раздоровъ и перебранокъ; а подписчики, «въ невѣдѣніи счастливомъ», распоряжались бы съ чистой бумагой, высланной изъ редакцій, по своему усмотрѣнію.

Нелѣпость нашей журналистики очевидна; слѣпой, кто этого не видитъ. Зачѣмъ же она существуетъ? Видно для размноженія пошляковъ и праздныхъ болтуновъ, которые безъ журналовъ и газетъ, особенно либеральныхъ, были бы, конечно, менѣе глупы и несносны. Журнальное дѣло, бесспорно, выгодное дѣло, но только для тѣхъ издателей-редакторовъ, которые наудили много подписчиковъ и умѣютъ вообще удачно ловить ихъ во всякую пору. Почему бы, однако, этимъ ловцамъ не заняться другимъ денежнымъ дѣломъ, хотя бы для разнообразія или отдыха? Почему бы, напримѣръ, г. Красевскому, который такъ долго, такъ непримѣрно и даже возмутительно долго занимается издательствомъ, не приступить къ ликвидаціи своего журнально-газетнаго предпріятія? Неужели онъ думаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что домъ можно строить только на однихъ подписныхъ деньгахъ? Или онъ такъ уже привыкъ издательствовать, что и послѣ смерти будетъ аккуратно выпускать свои «Записки» подъ названіемъ «Замогильныхъ», вмѣсто «Отечественныхъ»,

и ежедневно пугать публику своимъ «Загробнымъ Голосомъ!» Ахъ ты страсть издательства! Губишь ты журналистику и не даешь покоя самимъ издателямъ-редакторамъ, которые готовы пожирать другъ друга, какъ лютые звѣри. Посмотрите, какъ они кусаются и грызутся, какъ г. Трубниковъ нападаетъ на г. Старчевскаго, а гг. Катковъ и Коршъ на г. Краевскаго! Изъ-за чего ведется между ними такая ожесточенная, чернило-пролитная война, въ которой принимаютъ живое участіе борзописцы и подстеги журналистики? Неужто за убѣжденія, политическія и социальныя мнѣнія? Ничуть не бывало! Какія тутъ убѣжденія и мнѣнія, когда люди укоряютъ, позорятъ и бичуютъ другъ друга за то, что однимъ удалось взять больше барышей, а прочимъ меньше!

Не тѣ ужъ нынче годы—сами издатели толкуютъ про свои доходы, сборы и поборы. Въ настоящую разгульную пору журналистики, издательскіе нравы и обычаи раскрываются во всемъ своемъ безобразіи. Публика знаетъ уже кое-что о подвигахъ гг. Краевскаго, Каткова, Старчевскаго, Благосвѣтлова и другихъ подобныхъ героевъ журнальнаго міра. Она знаетъ, какіе водятся за ними скандалы и отучается уже вѣрить на слово откупщикамъ журналистики. *Sic transit gloria mundi!* Напрасно еще многіе полагаютъ, что издатели-редакторы, будто дающіе какое-то направленіе своимъ журналамъ и газетамъ, раздѣляются на консерваторовъ и либераловъ, руссофиловъ и западниковъ, аристократовъ, демократовъ и т. п. Всѣ эти названія и отличія, придуманныя журнальными кликушами, доказываютъ только то, что каждое повременное изданіе, какъ лавочка, не обходится безъ вывѣски. Что же касается издательскихъ убѣжденій, то о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Промышляютъ издатели печатнымъ товаромъ, продаютъ его съ барышами, лихоимствуютъ на счетъ объявленій и рекламъ, — чего еще надо?

Издательское дѣло, въ сущности, такое же вредное дѣло, какъ винно-откупное, которое прекращено правительствомъ къ общему удовольствію. Надо удивляться лицемѣрью или тупости журналистовъ, которые, бичуя съ яростью откупщиковъ, оставаясь постоянно равнодушны къ продѣлкамъ своихъ хозяевъ, монополистовъ литературы. Такое равнодушіе тѣмъ болѣе непростительно, что журналистамъ гораздо лучше извѣстны тайны издательской спекуляціи, чѣмъ откупной системы. Одно изъ двухъ: или они боятся затронуть интересы своихъ господъ-из-

дателей, которые ихъ содержатъ, или, въ самомъ дѣлѣ, не видятъ поразительнаго сходства между издательствомъ и откупомъ. Если журналисты такъ близоруки, что не замѣчаютъ этого сходства, то я постараюсь представить его въ самомъ яркомъ свѣтѣ.

1) Говоря, что откупщики пользовались монопольною распродажей водки, слѣдуетъ указать на общезвѣстный фактъ журнальнаго монополя, которымъ пользуются издатели не по закону, а вслѣдствіе развитія самой журналистики. Кто не знаетъ теперь, что журналы и газеты поглотили всю текущую литературу, приманили всѣхъ почти писателей на службу къ редакторамъ-издателямъ и приобрѣли верховное право обсуждать всѣ житейскіе и даже научные вопросы. Этотъ страшный монополь даетъ дѣйствительную силу журналистикѣ, настолько руководящей общественнымъ мнѣніемъ. До какой степени наша публика подчиняется вліянію газетъ и журналовъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ возрастающее число подписчиковъ на повременныя изданія, особенно на такія, которыми орудуютъ ловкіе спекуляторы, въ родѣ гг. Старчевскаго, Каткова, Краевскаго. Одни эти фабриканты печатныхъ издѣлій ведутъ свои обороты, по крайней мѣрѣ, на 50 тысячъ подписныхъ душъ! Издательскій или алигаторскій аппетитъ никогда не удовлетворяется, впрочемъ, одною подпиской: она только возбуждаетъ его, какъ вкусная закуска. Казенныя и частныя объявленія или рекламы — вотъ сытная пища издателей-монополистовъ, вотъ ихъ насущный хлѣбъ, изъ котораго они гонять не водку, а деньги и, притомъ, какія деньги! Одними только доходами отъ объявленій г. Катковъ уплачиваетъ, говорятъ, всю арендную сумму, 75,000 рублей въ годъ. На то и монополь, чтобы имъ пользоваться! Не такъ ли, гг. издатели? Скажите, однако, что васъ побуждаетъ наполнять газеты объявленіями и рекламами, сокращая отдѣлы политическихъ и литературныхъ извѣстій? Неужели подписчики охотнѣе всего читаютъ разныя публикаціи? Или, можетъ быть, сотрудники ваши не успѣваютъ заготовлять статей, компилляцій, рецензій, фельетоновъ и т. п.? Или, вѣрнѣе всего, вамъ разсчетливо барышничать на счетъ подписчиковъ, сотрудниковъ и всѣхъ, печатающихъ объявленія! Почему, въ самомъ дѣлѣ, вы не помещаете ихъ на особомъ листкѣ, отдѣльно отъ газеты? Это было бы гораздо выгоднѣе для вашихъ подписчиковъ и сотрудни-

ковъ. «Лишніе расходы!», скажете вы. Нѣтъ, тутъ дѣло не въ расходахъ, а въ барышахъ, которые вамъ хочется брать съ праваго и виноватаго.

Замѣчу кстати, что издателямъ газетъ и журналовъ слѣдуетъ строго запретить барышничать на счетъ объявленій и рекламъ. Они должны печататься по настоящей типографской цѣнѣ или, еще лучше, помѣщаться въ особой газетѣ, которую легко можетъ завести каждая Дума, для увеличенія городскихъ доходовъ. Странно, почему такой достойный и полезный гражданинъ, какъ г. Краевскій, не представилъ еще подобнаго проекта С.-Петербур. городской Думѣ! Неужели его только за то выбрали «Гласнымъ», что онъ издаетъ «Голосъ»?

Я началъ сравнивать погибшее откупное дѣло съ издательской спекуляціей и невольно уклонился отъ этого сравненія, заговоривъ о рекламахъ и объявленіяхъ, которыя обогащаютъ монополистовъ журналистики. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что объявленія и рекламы, какъ источникъ доходовъ для издателей, сильно содѣйствуютъ развитію ихъ монополя. Извѣстно, что, при большомъ числѣ подписчиковъ на газету, въ ней непремѣнно помѣщается и больше разныхъ объявленій, которыя, въ свою очередь, служатъ приманкой для подписки. «Большому кораблю и большое плаваніе», говоритъ пословица. И вотъ, съ попутнымъ вѣтромъ казенныхъ и частныхъ объявленій, опытные и ловкіе лодчаны «С.-Петербур. и Московск. Вѣдомостей», гг. Коршъ и Катковъ распускаютъ свои грязные паруса и гордо несутся по мутнымъ волнамъ журналистики, не опасаясь отмелей и подводныхъ камней, извѣстныхъ подъ названіемъ «предостереженій и запрещеній».

Возвращаясь къ моему сравненію издателей съ откупщиками.

2) Захвативъ въ свои руки литературный монополь, издатели газетъ и журналовъ, безъ угрызенія совѣсти, тянутъ съ читающей публики страшныя деньги и угощаютъ ее такими слабительными, рвотными и зловонными микстурами съ ярлыками — статей, повѣстей, фельетоновъ, обзорѣній и пр., отъ которыхъ кружится голова и окончательно размягчается и безъ того уже мягкій мозгъ читателей. Откупщики отравляли простой народъ сивухой съ примѣсью разныхъ вредныхъ веществъ. Но эта отравка, которую такъ жадно глотали бѣдные мужики, была цѣлебнымъ напиткомъ, по сравненію съ издѣліями такихъ лабораторій, какъ журналы и газеты, особенно московскіе. За-

мѣтите при этомъ, что сивуха губила здоровье полудикаго, забитаго мужика, который запивалъ съ гори и нищеты; что же касается журналистики, то она развращала и развращаетъ умъ и сердце такъ называемаго «образованнаго» общества, которое располагаетъ судьбою самаго бѣднаго и многочисленнаго класса людей, судьбою всего простого народа!

3) Откупщики, пользуясь монополіемъ, продавали разбавленную и поддѣльную водку по дорогой цѣнѣ. Но издатели тоже очень дорого цѣнятъ свои дрянныя журналы и газеты и берутъ за нихъ вдвое, втрое и даже болѣе, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ. Законъ торговой конкуренціи, который понижаетъ продажную цѣну товаровъ, вовсе не примѣняется къ журналистикѣ. Это доказывается тѣмъ, что издатели не сбавляли и не желаютъ сбавлять подписныхъ цѣнъ на свои изданія. Подшефляла водка, но не подшефляла журналы и газеты, не смотря на то, что число ихъ значительно возрасло, особенно въ послѣднее время. Говори другими словами: лопнула вино-откупная система, но не лопаеся система журнально-откупная. Сколько платила публика за подписку на «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Московскія или С.-Петербургскія Вѣдомости» лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, столько заставляютъ ее платить и теперь, въ 1866 году! Можетъ быть, старые издатели осмѣлятся сказать, что они расходуютъ въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ прежде, и потому не въ состояніи уменьшать подписной цѣны своихъ изданій. На это вздорное оправданіе каждый вправѣ спроситъ издателя: «Во что обходится твоя газета или твой журналъ и сколько у тебя подписчиковъ? Покажи свой приходъ и расходъ по изданію, покажи безъ всякой утайки, и тогда докажутъ тебѣ, по какой цѣнѣ обязанъ ты продавать свой печатный товаръ». Пора, дѣйствительно пора такимъ опытнымъ издателямъ, какъ гг. Краевскій, Некрасовъ, Старчевскій, Коршъ и Катковъ, познакомить публику со своей практикой и сознаться чистосердечно — сколько барышей даетъ имъ журнальная или газетная спекуляція. Зачѣмъ скрывать отъ публики то, что ей должно быть извѣстно? Всему своя пора, гг. издатели. Было время, когда ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ въ темное царство издательскаго монополя и никто не думалъ обличать васъ въ спекуляціи и лихоимствѣ. Съ точки зрѣнія крѣпостнаго права смотрѣли вы на своихъ подписчиковъ и распоряжались ихъ деньгами, какъ своей собственностью. Теперь другія вре-

мена и другія требованія. Если помѣщики отказались отъ стараго законнаго права душевладѣнія и надѣлили землей своихъ крѣпостныхъ, то почему же вамъ, гг. издатели, не отказаться отъ самовольнаго, незаконнаго права владѣнія подписными деньгами и не удѣлить подписчикамъ хоть $\frac{3}{4}$ своихъ барышей отъ изданія, т. е. не уменьшить цѣнъ на журналы и газеты?!

4) Откупщики дорого брали за водку, напитокъ скорѣе вредный, чѣмъ полезный. Издатели всегда дорого брали и берутъ за чтеніе журналовъ и газетъ, за чтеніе, которое сами считаютъ полезнымъ и даже необходимымъ условіемъ умственнаго и нравственнаго развитія. Говоря иначе, издатели, желая принести пользу всему обществу, сами поступаютъ на перекоръ своему желанію. Оказывается, что изданіе газетъ и журналовъ—дѣло почти бесполезное, потому что не достигаетъ своей цѣли, т. е. общей пользы. Отчего это происходитъ? Оттого, что издатели торгуютъ своимъ печатнымъ товаромъ, какъ магазинщики модъ, рассчитывая на прихоть и щедрость одной лишь праздной публики. Правда, что въ Россіи грамотность развита еще очень мало, а люди «благовоспитанные» читаютъ больше для процесса чтенія. При всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы у насъ составлялись когда нибудь «общества воздержанія отъ чтенія», которые мѣшали бы распространенію журналовъ и газетъ, подобно тому, какъ дѣйствовали «общества трезвости» противъ развитія пьянства. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи, издатели рискуютъ несравненно меньше откупщиковъ, которые, въ послѣдніе годы своего владычества, понесли большіе убытки отъ ослабленія пьянства. Кроме этого, надо еще принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства, которыя заставляютъ смотрѣть на откупную систему гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на издательскую спекуляцію. — Во первыхъ, откупщики покупали съ торговъ право монопольной распродажи водки. Во вторыхъ, они обязывались вносить въ казну опредѣленный залогъ, если не ошибаюсь, одну треть откупной суммы. Въ третьихъ, они отдавали въ казну значительную часть питейнаго сбора. Въ четвертыхъ, они содержали, поили и кормили губернскихъ и земскихъ чиновниковъ, доволостного писаря и городского включительно; у нихъ была цѣлая наемная армія управляющихъ, повѣренныхъ, цѣловальниковъ, сторожей, сыщиковъ, которые ихъ обманывали и об-

крадывали. Въ пятыхъ, они, т. е. откупщики, не могли быть никогда вполне увѣрены въ распродажѣ заготовленной водки и часто разорялись и банкротились. Питейные доходы были всегда случайны, потому что заготовка водки дѣлалась не по заказу, а по гадательному разсчету и соображенію откупщиковъ или ихъ коммиссіонеровъ.

Вотъ, вкратцѣ, тѣ невыгоды и опасности откупной системы, которыя побуждали откупщиковъ возвышать цѣну водки и разбавлять ее водой. Но что, спрашивается, заставляетъ издателей назначать за свои негодные газеты и журналы такую высокую плату, которая дѣлаетъ ихъ недоступными для большинства читателей? Развѣ право безцензурнаго изданія обходится дорого спекуляторамъ журналистики? Развѣ залогъ въ 2,500 или въ 5,000 рублей кажется великъ для такихъ издателей, какъ гг. Катковъ, Старчевскій, Краевскій и Коршъ, которые получаютъ отъ своихъ подписчиковъ сотни тысячъ рублей! Развѣ эти издатели, кромѣ подписки, не выручаютъ громадныхъ барышей отъ рекламъ и объявленій! Развѣ они обязаны дѣлиться съ казной своими доходами! Развѣ они даютъ взятки полиціи и администраціи! Развѣ ихъ, издателей, обкрадываютъ типографскіе рабочіе или сотрудники! Развѣ, получая подписныя деньги впередъ, они рискуютъ разориться и обанкротиться, вслѣдствіе прекращенія сбыта напечатанныхъ экземпляровъ! Развѣ издатель, который обезпеченъ подпиской, находится въ положеніи книгопродавца или вообще купца, ведущаго торговлю на свои деньги? Совсѣмъ нѣтъ! Почему же онъ поступаетъ, какъ обыкновенный купецъ, и назначаетъ произвольную цѣну своему изданію? Потому что онъ считаетъ подписныя деньги своей собственностью и позволяетъ себѣ распорядиться ею такъ, чтобы съ наименьшими издержками изданія получить возможно больше барышей. — Вотъ прямая и достовѣрная цѣль издательства, которое по своему значенію вреднѣе вино-откупной системы. Слѣпой, кто этого не видитъ.

III.

«Согласимся съ вами, скажетъ читатель, что издательская рутина, основанная на денежной спекуляціи, наноситъ положительный вредъ, какъ журналистикѣ, такъ и обществу. Согласимся съ вами, что своекорыстные издатели газетъ и журналовъ, развращая литературные нравы и общественное мнѣніе, поступаютъ даже хуже виновныхъ откупщиковъ, которые отравляли и обирали бѣдный народъ, не притворяясь, по крайней мѣрѣ, его друзьями и благодѣтелями. Согласимся съ вами, наконецъ, что издательскій монополизмъ вреднѣе питейнаго во всѣхъ отношеніяхъ и потому настоятельно требуетъ, чтобы его уничтожили во имя общей пользы. Теперь спрашивается: что же вы придумали для уничтоженія той пагубной издательской рутины, которую такъ беспощадно осуждаете?—Какую радикальную реформу желаете вы произвести въ изданіи газетъ и журналовъ? — Возможно ли, наконецъ, при настоящемъ состояніи журнальнаго дѣла, привести въ исполненіе такую реформу? Вотъ неизбежные вопросы, которые вызываетъ ваше ярое отрицаніе издательской спекуляціи. Какъ бы разумно и справедливо ни было это отрицаніе, все-таки на немъ остановиться нельзя, а слѣдуетъ придти къ какому нибудь положительному и практическому выводу. Другими словами: разрушая старую систему издательства, вамъ приходится построить новую, которая бы не только основательна, но выгодна и удобопримѣнима. Иначе ваше отрицаніе совершенно бесполезно».

Я знаю, что одна отрицательная критика никогда не удовлетворяетъ читателя; ему непремѣнно хочется видѣти на развалинахъ стараго что нибудь новое, потому что, по его ложному убѣжденію, отрицаніе и разрушеніе требуетъ построенія. Этотъ предразсудокъ такъ силенъ, что бороться противъ него почти невозможно, особенно въ наше положительное время, когда всякій пошлякъ носится съ разными либеральными проэктами и желаетъ заявить «на практикѣ» свое тупоуміе. Какъ непримиримый врагъ всѣхъ ходячихъ «практическихъ» выдумокъ, я убѣжденъ, что, въ нашъ вѣкъ всеобщаго разложенія и разрушенія, полезна и разумна только одна отрицательная критика. Пока держится старое и дрянное, ничто новое и хорошее удержаться не можетъ. Мало того: пока большинство людей увѣрено, что «успѣхъ и только успѣхъ оправдываетъ

дѣло», до тѣхъ поръ всякую безуспѣшную попытку будутъ считать не только неумѣстной, но даже вредною. Стоитъ ли, послѣ этого, мечтать о созданіи и устройствѣ чего-то «положительнаго»? Стоитъ ли пытаться вводить что-то «новое» съ надеждой упрочить его, не смотря на цѣлость «стараго»? Создать, устроить и упрочить окончательно что нибудь небывалое разумѣется нельзя, пока продолжается гніеніе и самоуничтоженіе всего прежняго. Но «попытка не пытка» и потому все новое и свѣжее должно заявляться, если не для вѣрной жизни, то съ одной лишь отрицательною цѣлью, чтобы ускорить разрушеніе стараго и дряхлаго. Вотъ смыслъ и назначеніе современной критики, которая своимъ логическимъ отрицаніемъ нынѣшней практической чепухи создаетъ принципы новой, лучшей жизни.

Въ концѣ XVIII вѣка, знаменитый философъ Кантъ говорилъ: «на отрицателей смотрятъ рѣшительно какъ на рьяныхъ враговъ всякаго знанія. Даже самая краснорѣчивая похвала не можетъ возбудить къ нимъ расположенія публики, которая едва-едва соглашается терпѣть ихъ».

«А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, отрицательныя сужденія несравненно важнѣе положительныхъ выводовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда люди рассуждаютъ поверхностно, легко поддаются обманчивой виѣшности и стараются осуществить свои вредныя заблужденія. Отрицательная критика — самое лучшее и вѣрное средство предупреждать эти заблужденія».

Другой замѣчательный мыслитель, Прудонъ, утверждалъ: «Цѣль отрицанія — свобода и прогрессъ мысли. Отрицать, постоянно отрицать — вотъ настоящее условіе умственнаго развитія».

«Меня, говоритъ Прудонъ, часто упрекали за то, что я умѣю только разрушать и неспособенъ ничего создавать. На это я отвѣчалъ всегда, что настоящій методъ построенія — постоянное отрицаніе. Дѣйствительно, каждое отрицаніе неизбежно зарождаетъ въ умѣ извѣстное утвержденіе. Отсюда слѣдуетъ, что рядъ послѣдовательныхъ логическихъ отрицаній непремѣнно соотвѣтствуетъ ряду тождественныхъ утвержденій, все равно какъ обратная сторона вышивки соотвѣтствуетъ лицевой».

И такъ, читатель, да не смущаетъ тебя отрицательная критика, которая предупреждаетъ заблужденіе, обнаруживаетъ ложь

и наводитъ на самыя положительныя мысли. Будь убѣжденъ разъ на всегда въ той непреложной истинѣ, что однимъ лишь прямымъ путемъ сознательнаго отрицанія можно дойти до положительныхъ результатовъ. Если цѣль заключается въ томъ, чтобы создать что нибудь новое, то слѣдуетъ непременно отрицать старое и отрицать его до тѣхъ поръ, пока оно не уничтожится окончательно. Безъ постоянного отрицанія, какъ безъ упорной борьбы, нѣтъ и не можетъ быть ничего прочнаго, потому что сила созданія развивается и укрѣпляется только силою сопротивленія и разрушенія. Въ этой силѣ — весь залогъ побѣды.

Когда я читаю наши либеральныя журналы и газеты, когда я обращаю вниманіе на спекуляторскіе фокусы издателей, которые заставляютъ своихъ наемныхъ строчилъ обличать отрицателей, меня бросаетъ сперва въ лихорадочный жаръ, а потомъ дѣлается мнѣ тошно, невыразимо тошно. Что означаетъ эта журнальная сатурналія, эта бѣшеная пляска подь музыку обличеній «нигилизма»? — Вы, практическіе мудрецы, что же вы сами создаете? — Что вы создали, наконецъ? Гдѣ ваше ученіе и чему вы научили публику? Почему до сихъ поръ ничего, ровно ничего, кромѣ клеветы и доносовъ, вы не придумали противъ «безполезнаго, негоднаго, возмутительнаго нигилизма»? Почему всѣ ваши плевки на нигилизмъ падаютъ на васъ же самихъ? Почему за хорошую плату, какую даютъ вамъ хозяева, вы не въ силахъ написать что нибудь дѣльное, разумное и полезное? Почему ваша заказная злоба противъ отрицателей возбуждаетъ только веселый смѣхъ и вызываетъ свистъ со стороны «мальчишекъ», какъ вы называете всѣхъ молодыхъ, свѣжихъ и живыхъ людей, которые жаждутъ правды и не находятъ ее въ вашихъ писаніяхъ? Короче, отчего отрицатели умнѣе и сильнѣе васъ, записныхъ либераловъ? Оттого, что они отрицаютъ вашу печатную ложь и доказываютъ, что вы осуждены лгать и лицедрить, пока не перестанете строчить по найму издателей. Эти самозванные цензоры никогда не позволяютъ вамъ писать по убѣжденію и совѣсти. Знайте, что издательскій интересъ не терпитъ свободы печатнаго слова: она его всегда пугаетъ. Еще до освобожденія отъ цензуры, издатель одного либеральнаго журнала очень возмущался смѣлостью двухъ извѣстныхъ писателей и радовался потомъ, когда ихъ не стало. «Эти семинаристы, говорилъ онъ, непременно погу-

били бы мой журналъ; хорошо еще, что одинъ изъ нихъ умеръ, и другой пропалъ». Тоже либеральный издатель, г. Благосвѣтловъ недавно объявилъ, что «если бы гг. Зайцеву и Соколову была предоставлена полная независимость дѣйствій (т. е. свобода печати), то «Русскому Слову» предстояла бы участь очень незавидная». Избѣгая лжи, г. Благосвѣтловъ долженъ былъ сказать прямо, что онъ — трусъ и спекуляторъ, который жалеетъ набивать свой карманъ и спокойно марать или поддѣлывать статьи сотрудниковъ «Русскаго Слова».

Строчите, журналисты, строчите безъ усталости и поставляйте въ срокъ ваши рукописи на «благоусмотрѣніе» издателей, этихъ инквизиторовъ, пытающихъ васъ, какъ еретиковъ, за всякое смѣлое и свободное слово. Отрекайтесь отъ своихъ убѣжденій, откиньтесь отъ свободы мнѣнія и выраженія, оскопляйтесь умственно и нравственно, уродуйте себя и обращайтесь въ ав-томатовъ; вотъ чего требуетъ отъ васъ, журнальныхъ и газетныхъ строчилъ, та издательская власть, которую вы признаете добровольно, потому что не уважаете самихъ себя и продаете свою совѣсть. Вамъ до такой степени чуждо самоуваженіе, что вы даже не считаете позорнымъ и безчестнымъ писать безименные пасквили и прятаться за спиной издателей-редакторовъ! Клеветать по наущенію или заказу, не опасаясь личной ответственности, — развѣ это не верхъ подлости! И можно ли уважать журналистику, въ которой безнаказанно господствуетъ такой развратъ!

Да, наша журналистика, наша публичная содержанка, обезумѣвшая отъ распутства, не смѣетъ считать себя жертвой административнаго произвола, не смѣетъ потому, что не жертвовала еще ничѣмъ и, кромѣ здраваго смысла и совѣсти, ни отъ чего не отрекалась. Пусть же онъ раскается, наконецъ, и выпроситъ себѣ прощеніе у того общества, которое такъ терпѣливо ее сносило. Пусть старая, истасканная срамница искупитъ свое добровольное паденіе и униженіе непритворнымъ покаянiемъ и возрожденiемъ къ новой, честной жизни.

Прежде всего, честь журнальнаго дѣла требуетъ безкорыстія и самоотверженія со стороны сотрудниковъ газетъ и журналовъ. Пусть они докажутъ, что способны отказаться отъ своего постыднаго ремесла и объявить войну издательской спекуляціи. Пусть они заявятъ, что способны писать свободно, а не по заказу и прихоти издателей, которые держатъ ихъ теперь въ крѣ-

постной зависимости. Если уже простые работяки, фабричные и заводские, освобождаются от произвола хозяек-панIMATEЛЕЙ, то неужели мыслящие и образованные люди, какими считают себя журналисты, не въ состояннн вырваться на свободу и добиться самостоятельной дѣятельности? Неужели сотрудничество въ газетахъ и журналахъ — такая кабала или непремѣнная служба, отъ которой нельзя избавиться? Неужели, наконецъ, издательская рутинa, царствующая въ журналистикѣ, такъ сильна и неотмѣнима, что бесполезно и посягать на нее, съ цѣлью произвести коренную реформу?... Быть не можетъ! Вооружайтесь, вооружайтесь противъ пагубной рутины: она падеть, неизбежно падеть отъ дружнаго напора, и сами издатели волея-неволей уступятъ вамъ, журнальнымъ и газетнымъ писателямъ. «Что хочется, то и сможетъ».

Но нѣтъ! Напрасно предаваться несбыточнымъ надеждамъ, напрасно ждать подвиговъ мужества и единодушiя отъ наемниковъ, торгующихъ перомъ. Еще напраснѣе довѣряться добросовѣстности спекуляторовъ, промышленяющихъ изданiемъ газетъ и журналовъ. Если уже такой либераль, какъ г. Благосвѣтловъ, даже послѣ торжественнаго публичнаго покаянiя, не перестаетъ считать журналъ «Русское Слово» своей собственностью, а сотрудниковъ его — своими наемниками, то чего же ожидать отъ прочихъ издателей, закоснѣлыхъ въ старой практикѣ! Кто изъ нихъ рѣшится отказаться отъ привычной спекуляцiи, которая еще не всеми признается позорною, а между тѣмъ даетъ большiе барыши? Развѣ гг. Катковъ, Краевскiй или Старчевскiй думали когда нибудь, что имъ слѣдуетъ объявить публикѣ о вредѣ журнально-газетнаго монополя и составить проектъ его уничтоженiя! Развѣ они не пользуются этимъ монополемъ и не стараются расширять его всѣми неправдами! Кому же изъ нихъ придетъ охота сознаться и покаяться въ томъ, что вся издательская ихъ практика основана на подлогѣ и денежной спекуляцiи, вредной и опасной для общества! Нѣтъ, при всемъ патриотизмѣ и либерализмѣ такихъ почтенныхъ гражданъ, никому изъ нихъ не вздумается и не захочется принести публичнаго покаянiя въ старыхъ грѣхахъ и очистить своей совѣсти отрицанiемъ издательскаго, предательскаго образа дѣйствiй. И что они могутъ придумать въ замѣнъ его? Какую реформу въ журнальномъ дѣлѣ способны затѣять люди, которые никогда и ни о чемъ дѣльномъ и полезномъ не помышляли, а только промыш-

ляли всемъ, что писалось по ихъ заказу! Какую полезную услугу, наконецъ, способны оказать обществу такіе люди, которые привыкли пользоваться чужою собственностью и наживаться спекуляцiями!

Издатели неисправимы, потому что они — издатели. Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится отказаться отъ спекуляторства, которое позоритъ журналистику. Ни одинъ изъ нихъ не согласится предать полной гласности свои дѣла по изданiю, дѣла темныя и скандальныя, которыя изумили бы публику и возбудили въ ней презрѣнiе къ журналистикѣ. И такъ, господа издатели, будьте, чѣмъ вы были до сихъ поръ, или пусть лучше васъ совсѣмъ не будетъ.

А вы, господа журналисты, можете ли исправиться? — Сомнѣваюсь, потому что привычка служить по найму издателей убила въ васъ сознание литературной чести. Какъ много васъ, наемныхъ строчилъ, и какъ мало вашихъ настоящихъ именъ и фамилій встрѣчается въ газетахъ и журналахъ! Наивные провинциалы, читающiе, напримѣръ, газету «Голосъ», убѣждены, что въ ней пишетъ одинъ г. Краевскiй, и удивляются «необыкновенной быстротѣ его пера»!... Положимъ что г. Краевскiй въ самомъ дѣлѣ умѣетъ писать; при всемъ томъ извѣстно, что въ «Голосѣ» пишетъ не онъ самъ, а за него и для него строчатъ разные проходимцы, которые, безъ сомнѣнiя, стыдятся или боятся подписываться подъ своими маранiями. Стыдятся они потому, что волея-неволей сознаютъ, какъ позорно писать по найму и заказу, какъ нелѣпо сочинять къ опредѣленному сроку опредѣленное число столбцовъ или даже строкъ и какъ смѣшно, наконецъ, выставить свое имя подъ такой фабричной работой. Боятся же подписываться журналисты чаще всего потому, что желаютъ избѣжать обличенiя въ цыганствѣ, въ измѣнѣ своихъ убѣжденiй, въ трусости, въ подлости, и т. д. Анонимные и псевдонимные пасквили и доносы — вотъ оружіе клеветниковъ и шпионовъ журналистики. Когда въ ней водятся уже такіе гады, тогда можно смѣло сказать, что газетно-журнальное дѣло не только скандальное, но и позорное дѣло.

Можете и желаете ли вы исправиться, гг. журналисты? Сомнѣваюсь, потому что привычка ваша смотрѣть на свое занятiе, какъ на ремесло, побуждаетъ васъ продаваться за деньги первому встрѣчному издателю. Сомнѣваюсь тѣмъ болѣе, что по сіе время вы даже не пытались выйдти изъ своего жалкаго,

холопскаго состоянія и продолжаете пресмыкаться въ редакціяхъ, гордясь знакомствомъ съ издателями. Если бы вы, дѣйствительно, уважали себя и свое дѣло, то давно бы поняли, что между писателемъ и издателемъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго: ихъ цѣли, интересы и занятія совершенно противоположны.

Прямая и настоящая цѣль каждаго писателя съ убѣжденіями состоитъ въ томъ, чтобы проводить въ общество свои убѣжденія, защищая право, правду и свободу. Кто берется за перо съ такою цѣлью, тотъ разумѣется не рассчитываетъ на личную выгоду, а видитъ свой интересъ въ общей пользѣ, которую приносить безъ задней мысли, потому что работаетъ не для себя, а для другихъ. Наконецъ писатель, проникнутый идеей общаго блага, занимается своимъ дѣломъ не по требованію или принужденію, а по страстному желанію и увлеченію. Что же касается издателя, то онъ дѣйствуетъ всегда и неизбежно подъ влияніемъ совершенно другихъ побужденій. Его цѣль — пожива отъ изданія, которое ведется на подписныя деньги; его интересъ — увеличеніе подписки, которая даетъ барыши; его занятіе — спекуліція печатнымъ товаромъ. Издатель набиваетъ журналъ или газету точно такъ же, какъ мелочной торгашъ свою лавочку, съ однимъ только расчетомъ снабжать публику поддѣльными припасами и выручать за нихъ большіе барыши. Такъ или иначе, издатель всегда желаетъ привлечь къ себѣ публику и потому старается угождать ея вкусу, щадить ея предразсудки, пользуется всякимъ минутнымъ ея увлеченіемъ и заботливо скрываетъ отъ нея правду, которая можетъ ей не понравиться. Вотъ почему издатель никогда не цѣнитъ понятій и убѣжденій по ихъ внутреннему достоинству, а только по ихъ торговому значенію. Честна или безчестна, истинна или ложна извѣстная идея — издатель не обращаетъ на это вниманія; онъ судитъ объ идеяхъ, которыя проводятся въ его журналъ или газетъ, съ точки зрѣнія денежной выгоды. Если выгодно либеральничать, то издатель либеральничаетъ самъ и позволяетъ своимъ наемнымъ писателямъ строчить либеральныя статьи. Проходитъ мода на либерализмъ, — издатель дѣлается сперва умѣреннымъ консерваторомъ, а потомъ и реакціонеромъ, когда начинается реакція. Говоря по правдѣ, издатель никогда не мѣняетъ убѣжденій на томъ основаніи, что за нимъ ихъ не водится. Сегодня онъ либераль, завтра консерваторъ, послѣ-завтра ярый реакціонеръ или доносчикъ, но всегда и неизмѣнно — ба-

рышникъ и спекуляторъ. Свободный отъ всякихъ убѣжденій, принциповъ и правилъ, издатель соображается въ своихъ поступкахъ только съ обстоятельствами и дѣйствуетъ постоянно такъ, чтобы не терять ничего, кромѣ человѣческаго достоинства.

И такъ, уважая себя и дорожа своими убѣжденіями, писатель не долженъ имѣть ничего общаго съ издателемъ: между ними не можетъ быть ни дружбы, ни знакомства, ни согласія, ни даже взаимной терпимости. Журналистика собственно оттого такъ и развратна, что сотрудники газетъ и журналовъ, не сознавая своего призванія, сблизаются съ издателями, поддаются ихъ обольщенію, теряютъ послѣднія убѣжденія и дѣлаются пошлыми, лицемерными, трусливыми и продажными писаками. — Дѣло въ томъ, что издатели, нанявши сотрудниковъ, всегда посылаютъ на ихъ совѣтъ и убѣжденія, съ цѣлью заставить строчить «въ извѣстномъ духѣ и направленіи». Ни одинъ издатель не довольствуется тѣмъ, что распоряжается безотчетно и самовольно деньгами подписчиковъ: нѣтъ, каждый изъ нихъ старается еще овладѣть умомъ и сердцемъ писателей, обязывая ихъ отречься за чужія деньги отъ независимости убѣжденій. Вотъ что позволяютъ себѣ такъ называемые «издатели-редакторы!» Полюбуйтесь на этихъ спекуляторовъ, какъ они «выправляютъ и направляютъ» своихъ сотрудниковъ! Полюбуйтесь, какъ они «разсматриваютъ, обсуждаютъ, одобряютъ или порицаютъ, принимаютъ или возвращаютъ безъ всякихъ объясненій» всѣ рукописи, которыя попадаютъ имъ въ руки! Издатель-редакторъ — такой всеобъемлющій геніальный энциклопедистъ, который берется одѣлывать по достоинству всѣ произведенія человѣческой мысли! Онъ берется не только одѣлывать, но и редактировать романы, повѣсти, фельетоны и всевозможныя статьи научнаго содержанія! Исторія, политика, правовѣдѣніе, педагогія, социальная экономія, статистика, естествознаніе и пр. пр. — все знакомо издателю, за все онъ берется, потому что все беретъ и всѣхъ обираетъ. Кто, какъ издатель, распоряжается произвольно чужими деньгами, тотъ позволяетъ себѣ, разумѣется, распоряжаться и чужимъ знаніемъ, и чужими мыслями или убѣжденіями. На то и «редакторы-издатели», чтобы не дремала публика, которую они обираютъ, и не дремали писатели, которыхъ они возвращаютъ на счетъ этой публики.

Какъ же, наконецъ, избавиться отъ издательской спекуля-

ции? — спросит меня читатель, который не признает пользы одной лишь отрицательной критики, а требует каких-нибудь «практических», положительных выводов. — Как избавиться от издательской спекуляции? — Очень легко: опечатать и закрыть все газетные и журнальные редакции, обязать издателей возвратить деньги подписчикам, а затем объявить публике, что журналы и газеты должны впредь издаваться без издателей. Вот разумная и единственно-полезная мера, какую можно придумать для прекращения и предупреждения издательской спекуляции. Всякая другая реформа журнально-газетного дела — чистая утопия, над которой будут только потешаться неисправимые издатели-редакторы.

Публика обрадовалась, когда правительство уничтожило вино-откупную систему. Та же самая публика может порадоваться и уничтожению издательской спекуляции, которая давно уже обратилась в откупное дело с его позором и преступлением. Всею своею порой!

Для кого, спрашивается, должны издаваться журналы и газеты? — Для публики. Как они должны издаваться? — Честно, разумно и дешево. Что следует предпринять для достижения этой цели? Произвести коренную реформу в издании газет и журналов на таких началах, которые совершенно чужды нынешним издателям-редакторам, потому что они — спекуляторы.

IV.

Журнальное дело — общественное дело. На этом основании следует отрицать издательскую рутину, которая искажила значение журналистики и сделала ее публичной развратницей.

Журнальное дело — общественное дело. На этом основании следует возстановить честь падшей журналистики и сделать ее нравственною и полезною наставницею общества.

Отрицать позорную и преступную рутину издателей значит утверждать такие принципы, в силу которых издание газет и журналов становилось бы делом общепользы и честным. Вот эти принципы. —

1) Настоящие и действительные издатели газет и журналов — их подписчики, т. е. вся читающая публика.

Справедливость этого принципа доказывается так: издание ведется на подписные деньги; эти деньги — собственность подписчиков; следовательно, издание принадлежит подписчикам, а вовсе не частному лицу, которое самовольно называется «издателем».

На этот силлогизм мне могут, пожалуй, возразить, что издатель, предпринимая издание газеты или журнала, затрачивает свой капитал и потому является законным собственником издания. На это возражение я скажу, в свою очередь, что издатель не купец, торгующий на свой счет, а публичный комиссионер, потому что он исполняет свое дело по доверенности подписчиков, которые заранее высылают ему деньги. Купец покупает товар на свой капитал и продает его по своей цене. Издатель поступает совсем не так: он приобретает к подписке, т. е. требует чужих денег, и обязывается не продавать, а только доставлять в срок и по определенной цене печатный товар известного качества. Если издатель действительно издает газету или журнал на свои деньги, то зачем он обращается к подписке? — Зачем не распродает своего издания после его выхода, как это делают книгопродавцы? — Мне замечать, может быть, что издатель приобретает к подписке с целью узнать заблаговременно, в каком количестве экземпляров следует печатать журнал или газету. И это замечание совершенно неосновательно, потому что издатель не довольствуется знанием числа подписчиков и берет с них не обещание подписаться, а подписные деньги. И так, издатель нуждается в подписке, т. е. в предварительном сборе чужих денег. Почему? — потому что или вовсе не имеет своего капитала, или имеет его так мало, что не в состоянии вести издание на свой счет в течение года. Если, наконец, издатель в самом деле затрачивает свои деньги на журнальное или газетное предприятие, то почему никогда не объявляет публике, сколько он затратил сам и сколько получил от подписки? Доказал ли до сих пор хотя бы один издатель, что его газета или журнал не окупились подпиской? Как! — издатель жертвует своим капиталом, издает себя в убыток, не погашает подпиской расходов на издание — и молчит! Вот благодетель! Нет, гг. Краевский, Старчевский, Корш, Катков, Благосветлов и tutti quanti, не уверьте вы никого, что жертвуете на свои

изданія свои деньги. Покайтесь передъ подписчиками и скажите имъ по совѣсти, что вы не издатели журналовъ и газетъ, а лихоимствующие коммисіонеры, невѣрные управляющіе, которые злоупотребляютъ довѣріемъ публики и наживаются на ея счетъ.

2) Номинальные издатели — только повѣренные подписчиковъ и должны называться «управляющими» газетныхъ или журнальныхъ конторъ.

Хотя подписчики и настоящіе издатели, но они фактически не могутъ управлять сообща дѣлами изданія, а потому нуждаются въ особомъ управляющемъ, которому и поручаютъ вести хозяйственную часть журнала или газеты. Этотъ управляющій носить теперь номинальное званіе «издателя», которое совершенно несогласно съ его настоящимъ значеніемъ публичнаго повѣреннаго, который, по здравому смыслу и совѣсти, обязанъ:

а) Признавать подписную сумму собственностью подписчиковъ.

б) Расходовать эту сумму исключительно на изданіе.

в) Въ силу §§ 1384 и 1663, т. X, ч. I, Св. Закон. — не продавать и не складывать изданія, которое ведется на подписныя деньги. За нарушеніе этого закона повѣренный подписчиковъ (издатель) судится, какъ за воровство-кражу.

г) Согласно § 517 Торг. Уст. — имѣть и содержать въ исправности все счетоводство по изданію газеты или журнала. Никакія отговорки въ неимѣннн приходо-расходныхъ книгъ или въ томъ, что ошибки въ нихъ произошли отъ небрежности секретаря или конторщика, не принимаются въ уваженіе. Вся отвѣтственность по журнальной или газетной конторѣ падаетъ на управляющаго (издателя). За ложныя представленія и поддѣльные отчеты по дѣламъ изданія и за мотовство подписныхъ денегъ онъ передается уголовному суду, какъ за воровство, и присуждается, сверхъ того, къ уплатѣ всѣхъ убытковъ.

д) Представлять все счетоводство на ревизію торговыхъ депутатовъ въ присутствіи редакторовъ и наличныхъ сотрудниковъ газеты или журнала. Въ случаѣ добровольнаго отказа отъ управленія дѣлами изданія, заблаговременно извѣщать редакцію, которая должна, въ свою очередь, объявлять о томъ печатно и приступать къ повѣркѣ подписныхъ денегъ. Выборъ новаго управляющаго рѣшается редакторами и постоянными сотрудниками съ общаго согласія. Когда управляющій объявитъ себя

несостоятельнымъ, тогда съ нимъ поступаютъ по закону, какъ съ банкротомъ злонамѣреннымъ.

е) Подписныя деньги, поступающія въ контору журнала или газеты, записывать въ книги и отсылать на сохраненіе въ Государственный Банкъ или другое кредитное учрежденіе и непременно въ безпроцентныхъ, т. е. обыкновенныхъ кредитныхъ билетахъ. Для расходовъ на изданіе позволено оставлять только часть подписной суммы, примѣрно на три мѣсяца. По мѣрѣ надобности, деньги на изданіе слѣдуетъ брать изъ того же кредитнаго учрежденія, гдѣ онѣ хранятся, и непременно съ вѣдома и согласія редакціи, которая можетъ и должна предупредить мотовство или умышенное банкротство управляющаго конторой.

ж) Всѣ отчеты въ приходъ и расходъ подписныхъ суммъ публиковать ежемѣсячно на первой страницѣ газеты или журнала. Отчеты должны быть подробные.

з) За управленіе конторою получать жалованье по усмотрѣнію членовъ редакціи, которые не должны, разумѣется, цѣнить слишкомъ высоко службу управляющаго. О барышахъ отъ изданія онъ и думать не смѣетъ.

и) Всѣ сношенія съ почтамтомъ, книгопродавцами, типографщиками, бумажными фабрикантами и т. д., дѣлать письменно и сохранять въ цѣлости всѣ документы, касающіеся изданія. Никакихъ авторскихъ рукописей не принимать, а отправлять ихъ въ редакцію.

к) Не вмѣшиваться ни подъ какимъ предлогомъ въ дѣла по редакціи, не брать корректуръ и даже не знать, что печатается въ журналѣ или газетѣ до выхода номера. Часть хозяйственная, которою завѣдуетъ управляющій, должна быть совершенно отдѣлена отъ части редакціонной.

л) Выдавать мѣсячное жалованье редакторамъ и гонораръ сотрудникамъ подъ росписку редакціи.

м) Не принимать никакихъ объявленій и рекламъ для напечатанія въ газетѣ или журналѣ.

Подробности управленія журнальною или газетною конторою конечно не перечисляются вышеприведенными правилами. Обязанности управляющаго (т. е. номинальнаго издателя) могутъ опредѣлиться вполне только послѣ всесторонняго ихъ обсужденія. Мое дѣло состоитъ въ заявленіи основныхъ принциповъ, въ силу которыхъ интересы подписчиковъ, какъ настоящихъ

издателей, должны быть ограждены возможно лучше и вѣрнѣе. Журнально-газетное дѣло не терпитъ тайны; для него необходимо, прежде всего, полная гласность, отчетность и самый строгій, неподкупный контроль общественнаго мнѣнія. Вотъ почему повѣренный подписчиковъ (издатель), будь онъ честенъ и безкорыстенъ, все-таки обязанъ отдавать отчетъ въ каждой копѣйкѣ, которую расходуетъ на повременное изданіе.

Продолжаю заявлять слѣдующіе принципы. —

3) Подписная цѣна журнала и газеты опредѣляется дѣйствительными и необходимыми издержками изданія.

Первая и неотмѣнимая обязанность управляющаго конторою журнала или газеты заключается въ томъ, чтобы удешевлять изданіе, дѣлая его болѣе и болѣе общедоступнымъ по цѣнѣ. Въ интересахъ публики, управляющій долженъ заранѣе объявлять приблизительную стоимость годового изданія газеты или журнала, съ цѣлью показать, что, при такомъ-то числѣ подписчиковъ и при такой-то подписной цѣнѣ, изданіе можетъ окунуться. Ни самъ управляющій, ни редакторы, ни постоянные или временные сотрудники не должны рассчитывать на барыши отъ изданія и эксплуатировать публику. Что же касается подписчиковъ, то они вовсе не акціонеры журнальнаго или газетнаго предпріятія, а только вкладчики денегъ, необходимыхъ на веденіе газеты или журнала. Для подписчиковъ тоже немислимы барыши или доходы, потому что смѣшно и нелѣпо вносить лишнія деньги на изданіе съ цѣлью получить остатокъ отъ расходовъ въ видѣ дивиденда или преміи за чтеніе. Повторяю еще разъ: подписная сумма на журналъ или газету опредѣляется дѣйствительными издержками на изданіе, а потому барышей быть не должно: приходъ слѣдуетъ уравнивать съ расходо́мъ, а излишекъ, если онъ случится, надо отложить въ запасъ на слѣдующій годъ съ расчетомъ удешевить изданіе.

4) Издержки на повременное изданіе не должны превышать подписной суммы.

Управляющій журнальною или газетною конторою, какъ повѣренный подписчиковъ, не долженъ расходовать на изданіе болѣе той суммы, какая отдается въ его распоряженіе. Если онъ находитъ, что этой суммы будетъ недостаточно на годовое изданіе и не рассчитываетъ на увеличеніе подписки, то обязанъ возвратить деньги подписчикамъ. Головая подписка неудобна во

всѣхъ отношеніяхъ, какъ для публики, такъ и для повѣренныхъ ея издателей. Вотъ почему слѣдовало бы вывести ее совсѣмъ изъ употребленія и замѣнить для журналовъ — полугодовой, а для газетъ трехмѣсячной подпиской. Если подписной суммы не достанетъ на изданіе обѣщаннаго числа номеровъ или книжекъ, то повѣренный подписчиковъ обязанъ исполнить свое обѣщаніе на свой счетъ, не требуя и не ожидая возврата своихъ денегъ. Подписчики не обязаны отвѣчать за промахи повѣреннаго, который не умѣетъ или не хочетъ расходовать, какъ слѣдуетъ, чужихъ денегъ. Довѣренность дается только на известную сумму, а потому повѣренный не вправе рассчитывать на вознагражденіе изъ прошлыхъ расходовъ, которые могъ сдѣлать на свой счетъ и совершенно добровольно. Расходъ не долженъ быть больше прихода или никакого расхода дѣлать не слѣдуетъ. Вотъ правило, которому обязаны подчиняться повѣренные подписчиковъ, въ лицѣ номинальныхъ издателей. Ихъ дѣло сокращать расходы по изданію, а не увеличивать ихъ подъ разными благовидными предлогами и съ тайнымъ умысломъ покутить въ счетъ будущей подписки.

5) Хозяйственная часть журнальнаго или газетнаго дѣла должна быть отдѣлена отъ части редакціонной.

Объ этомъ я уже упоминалъ мимоходомъ, когда говорилъ, что управляющій конторою не долженъ вмѣшиваться въ дѣла редакціи. Меня удивляетъ до сихъ поръ ослѣпленіе нашей пишущей братіи, которая не видитъ, что издатель и редакторъ — два понятія несовмѣстимыя. «Издатель-редакторъ!» — Да это такое чудовище, такой минотавръ, о которомъ даже нельзя говорить безъ невольнаго содроганія. Чѣмъ занимается, въ самомъ дѣлѣ, такъ называемый «издатель-редакторъ», этотъ нравственный уродъ, это пугало мелкихъ сотрудниковъ? — Онъ, изволите знать, — «даетъ направленіе» журналу или газетѣ, обращая ихъ въ органы своихъ мыслей! Издательскія мысли!! Да развѣ самое слово «мысль» сохраняетъ для издателя-редактора свое настоящее, этимологическое значеніе? Развѣ онъ не доказываетъ ежедневно и на дѣлѣ, что «мыслить», по его понятію, значитъ промышлять? Развѣ онъ не считаетъ писателей и всѣхъ мыслителей своего рода промышленниками, которыхъ можно нанимать, подкупать и заманивать обѣщаніемъ высокой платы или выдачею задатка!

Издательскія мысли!! Да развѣ издатели мыслятъ? Нѣтъ, они только «промышляютъ» чужими мыслями и чужими деньгами. «Я промыслилъ выгоднаго сотрудника; я промыслилъ много подписчиковъ», говоритъ издатель-редакторъ и этими словами доказываетъ, что весь его процессъ мышленія сводится на торговую промышленность съ ея обманомъ и лихоимствомъ. Скажите издателю, что мыслить слѣдуетъ честно, свободно и логично — онъ васъ не пойметъ, потому что самъ не мыслитъ по законамъ логики, а только промышляетъ по правиламъ торговли. Скажите потомъ издателю, что давать извѣстное направленіе журналу и газетѣ значитъ проводить послѣдовательно тѣ или другія идеи — онъ васъ тоже не пойметъ, потому что заботится вовсе не о послѣдовательности направленія, а только о денежной его выгодѣ. Лишь только издатель замѣчаетъ, что подписка не увеличивается, то немедленно даетъ своему изданію другое, болѣе прибыльное направленіе, измѣняетъ тонъ статей и подстрекаетъ своихъ борзописцевъ забавлять публику. Такъ поступаютъ обыкновенно гг. Краевскій, Коршъ, Катковъ; такъ сталъ поступать недавно и г. Некрасовъ, который заставилъ своихъ строчилъ, гг. Антоновича и Жуковского, лаять на отрицателей даже громче г. Скарятина.

При этомъ еще надо сказать, что торговое соперничество нашихъ періодическихъ изданій обращаетъ критику въ орудіе клеветы, низкой лести, инвизиторской пытки и доноса. Конечно, эта журнальная травля, эта потасовка и скандальная игра въ пятнашки омерзительна и постыдна. Но почему? — Не потому ли, какъ увѣряютъ бородатые красныя дѣвушки, въ родѣ гг. Корша или Скарятина, будто журналисты очень крупно бранятся? Совсѣмъ нѣтъ. Въ нашей журнальной и газетной перебранкѣ позорны вовсе не слова, не рѣзкія и сильныя выраженія, которыя всегда имѣютъ свой смыслъ, а позорно то, что журналисты ругаются не по внутреннему побужденію, не по чувству праведнаго гнѣва, т. е. не отъ сердца, а по наущенію или заказу издателей-редакторовъ, которые охотно платятъ за ругательства и пасквили, когда они прибыльны и увеличиваютъ подписку. Отдѣлать, облаять враждебный журналъ или газету, съ цѣлью переманить къ себѣ подписчиковъ — вотъ спекуляція своего рода, на которую пускаются всѣ почти издатели-редакторы, обыкновенно въ началѣ и концѣ года, когда идетъ подписка. Вотъ позоръ, такъ позоръ!

Нѣтъ, пока издатели, гоняясь за барышами отъ подписки, будутъ редактировать журналы и газеты, до тѣхъ поръ нельзя надѣяться на прекращеніе литературнаго разврата. Нѣтъ, пока издатели, распоряжаясь самовластно подписными деньгами, будутъ нанимать разныхъ маракъ, заставляя ихъ сочинять по заказу и позволять неподписывать своихъ именъ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать отъ журналистики ничего, кромѣ пошлости, глупости и безстыдства. Говоря короче: пока въ журналистикѣ будутъ существовать такъ называемые «издатели-редакторы», до тѣхъ поръ ее слѣдуетъ презирать и ненавидѣть, какъ общественнаго врага.

Подумайте, что въ тѣхъ самыхъ либеральныхъ журналахъ и газетахъ, гдѣ говорится безпрестанно о пользѣ децентрализаціи и о необходимости совершеннаго отдѣленія власти законодательной отъ исполнительной или духовной отъ свѣтской, — тамъ-то, въ тѣхъ же самыхъ журналахъ и газетахъ, всецѣло господствуетъ ненавистная монополярная система, которая дѣлаетъ издателей-редакторовъ полновластными хозяевами изданій! Развѣ я не имѣлъ права сказать, что издатели не мыслятъ, а только промышляютъ, т. е. извлекаютъ всѣ выгоды изъ своего монополия, который лишенъ всякаго разумнаго основанія! Кто не видитъ и не понимаетъ, что въ журнально-газетномъ дѣлѣ часть редакторская должна быть такъ же отдѣлена отъ части хозяйственной, какъ и духовная власть отъ свѣтской или законодательная отъ исполнительной!

Повторю еще разъ: издатель журнала или газеты не долженъ быть въ тоже время и редакторомъ. Въ противномъ случаѣ, журнальное дѣло обращается неизбежно въ самую грязную торговую спекуляцію, какъ я и доказалъ уже своимъ анализомъ издательской практики. Пусть журнальные и газетные писавы знаютъ разъ на всегда, что реформа журналистики невозможна, немислима безъ отдѣленія редакторства отъ издательства. Пусть и сами издатели-редакторы тоже знаютъ разъ на всегда, что они осуждаютъ журналистику на публичный развратъ и безостановочное паденіе, потому что не хотятъ отказаться отъ своего промысла. Взгляните, что дѣлается въ нашемъ журнальномъ мѣрѣ: не смотря на обманчивое несходство и противорѣчіе направленій, всѣ газеты и журналы, въ томъ числѣ «Современникъ» и «Русское Слово», обратились въ мелочныя лавочки и стремятся неудержимо дойти до того идеальнаго безобразія,

до какого дошли изданія гг. Краевского и Каткова. Это стремленіе неудержимо вслѣдствіе того, что всѣ журналы и газеты, безъ исключенія, издаются на однихъ и тѣхъ же торговыхъ правилахъ, а логика этихъ правилъ заставляетъ насильно каждаго издателя-редактора поступать по примѣру самыхъ послѣдовательныхъ спекуляторовъ, то есть по примѣру гг. Краевского, Каткова или Старчевскаго. Будьте увѣрены, что во всемъ есть логика и послѣдовательность, даже и въ издательской практикѣ. Вотъ почему, такъ или иначе, а «Современникъ» и «Русское Слово», эти мнимо-радикальные журналы, непремѣнно пойдутъ по тому же направленію, по какому слѣдуютъ теперь «Отечественныя Записки» и «Русскій Вѣстникъ». Отъ крайняго либерализма до отчаянной реакціи — одинъ шагъ для издателей, въ родѣ гг. Благосвѣтлова и Некрасова; логика краевская и катковская побѣдитъ этихъ господъ; будьте увѣрены!

Одинъ и только одинъ принципъ: отдѣленіе части редакціонной отъ издательской — можетъ произвести коренную реформу въ журналистикѣ и спасти ее отъ продажности, разврата и паденія. Въ силу этого принципа, издатель, т. е. повѣренный подписчиковъ, долженъ быть совершенно устраненъ отъ редакціоннаго дѣла. Ему слѣдуетъ запретить не только брать на себя редакцію всего изданія или какого нибудь отдѣла, но даже рекомендовать редакторамъ какого нибудь сотрудника. Короче: издатель не смѣетъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ вмѣшиваться въ дѣла редакціи, а тѣмъ болѣе участвовать въ ней или вербовать сотрудниковъ.

Управляя журнальною или газетною конторою по довѣренности подписчиковъ, издатель долженъ завѣдывать исключительно одною хозяйственною частью, а редакціи выдавать только деньги на гонораръ сотрудникамъ и жалованье редакторамъ отдѣловъ. Эти деньги онъ обязанъ выдавать въ началѣ или въ концѣ каждаго мѣсяца съ такимъ расчетомъ, чтобы расходы по редакціи, вмѣстѣ съ прочими издержками на изданіе, не превышали въ общей сложности ежемѣсячнаго бюджета. Если управляющій конторою долженъ уравнивать расходы съ приходомъ, то редакціи не можетъ, разумѣется, требовать ассигновки сверхсвѣтной суммы. Ни редакторы, ни сотрудники не въ правѣ жаловаться на издателя, когда онъ выдаетъ имъ такую часть подписной суммы, которая приходится по расчету и уравнительной смѣтѣ прихода и общаго расхода по изданію.

б) Каждый отдѣлъ журнала и газеты долженъ имѣть особаго, вполне самостоятельнаго редактора.

По Указу 6-го апрѣля прошлаго года, всякому повременному изданію дозволяется имѣть нѣсколько отвѣтственныхъ редакторовъ. — Такимъ образомъ, выжившіе изъ ума издатель-редакторы, которые самовластно и самодурно царствуютъ въ журналахъ и газетахъ, могутъ совершенно законно отказаться отъ дѣлъ редакціи и замѣнить себя тремя, четырьмя и даже болѣе отвѣтственными редакторами. Это отреченіе отъ самодурства было бы похвальнымъ поступкомъ со стороны издателей-редакторовъ, если бы они рѣшились, притомъ, не мѣшаться во все въ редакторское дѣло и ограничились бы одними расчетами по хозяйственной части изданія. Никто не сомнѣвается, конечно, что гг. Катковъ, Старчевскій, Коршъ или Краевскій умѣютъ искусно считать и разсчитывать. Но если они знаютъ правила сложенія, вычитанія и таблицу умноженія и процентовъ, то съ другой стороны доказываютъ, что настоящіе правила редакторства имъ чужды и непонятны. Дѣло въ томъ, что издатели, редактируя журналы и газеты по своему торгашескому соображенію, смотрятъ на всякую статью, рецензію или повѣсть, какъ на болѣе или менѣе прибыльную и заманчивую рекламу. Говоря проще, каждый издатель-редакторъ своего рода г. Качъ, который публикуетъ: «Жду!» или «Дождались!» или «Доблесь!»

И охота, въ самомъ дѣлѣ, издателямъ утомлять свои срамные глаза, читая рукописи или корректурные листы! Охота имъ ломать свои деревянные головы, измышляя, какъ бы искуснѣе передѣлать и поддѣлать чужое выраженіе или сказать и замазать чужую мысль, чтобы представить ее въ нелѣпомъ, но за то «благонамѣренномъ» видѣ!... Сколько хлопотъ и непризнанныхъ мученій выносятъ такіе редакторы, напримѣръ, какъ гг. Некрасовъ и Благосвѣтловъ, которые проводятъ дни и ночи безъ сна и отдыха, неистово марая, сглаживая и вытравляя «опасныя» мѣста въ статьяхъ сотрудниковъ! Чего добиваются эти палачи мысли, эти журнальные инквизиторы?

Барыши! За нихъ и для нихъ берутся издатели редактировать журналы и газеты! За нихъ и для нихъ посягаютъ они на свободу мысли и выраженія! И все это дѣлается безбоязненно, не тайкомъ, а явно и нахально, съ увѣренностью, что сотрудникъ или вообще авторъ не постоитъ за свободу своей

идеи и ея выраженія!.. «Я посократилъ немножко вашу статью и сдѣлалъ въ ней кое-какія поправки», небрежно скажетъ иногда издатель редакторъ своему сотруднику и то не всякому, а только постоянному, котораго цѣнить, какъ дойную корову. И сотрудникъ молчитъ, молчитъ, а потомъ, вмѣсто всякаго возраженія издателю, проситъ у него въ займы, въ счетъ будущей поставки статейнаго товара!.. Позоръ и позоръ!

За поддѣлку монетъ, кредитныхъ билетовъ, серій и всякихъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ бумагъ, преступники судятся и наказываются по уголовнымъ законамъ. Но въ журналистикѣ свои законы, и поддѣлка авторскихъ рукописей считается правомъ издателей-редакторовъ, такимъ правомъ, противъ котораго не рѣшаются возставать журнальные и газетные писаки вѣроятно потому, что имъ зажимается ротъ настоящими, а не поддѣльными кредитными билетами. И эти писаки осмѣливаются еще голосить противъ произвола официальной цензуры! Какое безстыдство и какая недобросовѣстность!

— Но позвольте, скажутъ мнѣ: всѣ знаютъ, что издатели-редакторы мараютъ и поддѣлываютъ журнальные и газетные статьи по своему личному соображенію. Что же, однако, преступнаго въ такой поддѣлкѣ и что она имѣетъ общаго съ поддѣлкою кредитныхъ билетовъ или даже частныхъ бумагъ? — Не забудьте, что издатели, прибѣгая къ поддѣлкѣ статей своихъ сотрудниковъ, дѣйствуютъ въ интересахъ журнальнаго дѣла, потому что спасаютъ журналы и газеты отъ насильственнаго прекращенія....

Довольно! Я знаю хорошо, какой интересъ заставляетъ издателей предаваться редакторскому занятію, т. е. поддѣлкѣ чужихъ мыслей и выраженій. — Дѣло въ томъ, что подъ благодивнымъ предлогомъ спасенія журнала или газеты отъ запрещенія, наши издатели, особенно либеральные, въ родѣ г. Благосвѣтлова, желаютъ только спасти свои барыши. Но развѣ дѣлатели фальшивыхъ серій или банковыхъ билетовъ не желаютъ остаться въ барышахъ, когда пускаютъ въ обращеніе поддѣльные деньги?!

Нѣтъ, пока издатели останутся редакторами, до тѣхъ поръ наши журналы и газеты будутъ фабриками фальшивыхъ печатныхъ листовъ, которыхъ не слѣдуетъ даже брать въ руки. Вотъ почему, во имя общественной нравственности и пользы, изда-

телямъ надо строго запретить заниматься редакторствомъ, которое они обращаютъ въ самое вредное и преступное ремесло. Редакція каждаго повременнаго изданія должна состоять изъ нѣсколькихъ отвѣтственныхъ и самостоятельныхъ редакторовъ, которые обязаны, помимо издателя:

а) Составлять и объявлять программу изданія, раздѣлять его по частямъ или отдѣламъ, распредѣлять ихъ между собою и завѣдывать ими порознь и совершенно независимо.

б) Имѣть секретаря редакціи, который долженъ принимать и записывать въ шнуровую книгу всѣ исходящія и входящія бумаги или письма. Авторскія рукописи получать подъ росписку и передавать ихъ редактору того отдѣла, къ которому онѣ относятся по своему содержанію.

в) Каждый мѣсяць требовать отъ издателя, какъ повѣреннаго подписчиковъ, письменные отчеты въ приходѣ и расходѣ подписныхъ суммъ и ревизовать ихъ въ присутствіи депутатовъ отъ Думы, по крайней мѣрѣ дважды въ годъ.

г) Каждый мѣсяць требовать отъ издателя выдачи денегъ для расходовъ по редакціи. Выданную сумму, за вычетомъ своего жалованья (по 50 р. на редактора), раздѣлять съ общаго согласія для вознагражденія сотрудниковъ.

д) Гонораръ назначать по средствамъ, какія находятся въ распоряженіи, и во всякомъ случаѣ не болѣе 50 р. за журнальный листъ и пяти коп. за газетную строчку.

е) Не печатать никакихъ статей, рецензій, фельетоновъ, обзорнѣй и пр. безъ имени автора.

ж) Безъ вѣдома и согласія авторовъ не дѣлать никакихъ поправокъ и передѣлокъ въ корректурныхъ листахъ.

з) Рѣшать сообща и большинствомъ голосовъ всѣ спорные и сомнительные вопросы, которые касаются всѣхъ членовъ редакціи.

Вотъ основные принципы редакціоннаго дѣла. Я не стану развивать ихъ далѣе, желая закончить свою статью. Разсудительный читатель пойметъ, конечно, что я заявляю новые принципы журнальнаго дѣла не съ положительною, а съ чисто-отрицательною цѣлью. Другими словами: отрицая старую издательскую практику, я высказываю совершенно противоположныя ей принципы и на нихъ строю свою радикальную реформу, которую, разумѣется, назовутъ «непрактическою и утопическою». Все, что ново и разумно, то невозможно и недѣло;

такъ рѣшили наши практическіе и бездѣльные мудрецы, въ томъ числѣ и г. Благосвѣтловъ, который сказалъ мнѣ, что онъ трусь и не можетъ произвести въ «Русскомъ Словѣ» задуманной мною реформы. Надѣюсь, что подобная реформа, по своей «непрактичности», не западала еще въ голову ни одному журналисту!

Правду, сущую правду высказалъ я издателямъ и наемнымъ ихъ писакамъ. Правда должна быть правдой, то есть — голой, незамаскированной, неприкрытой вуалью намековъ, инсинуаций и разныхъ фразистыхъ выраженій. Что на сердца и въ умы — то и на языки — вотъ правило, которому долженъ слѣдовать каждый писатель, желающій сохранить силу убѣжденія, чувства и воли. «Говори по совѣсти и безъ страха все, что знаешь и думаешь» — вотъ правило, которому слѣдовали всѣ умные и честные писатели, въ томъ числѣ и Прудонъ.

«Про меня говорятъ, писалъ онъ, будто я ненавижу всѣхъ, на кого нападаю! Что сказать на это? Я ненавижу и презираю людей, потому что называю идеи, дѣла, лица и вещи настоящими ихъ именами и по своему убѣжденію!! И медикъ, значитъ, ненавидитъ больного, когда опредѣляетъ его болѣзнь!... Конечно, я считаю счастливымъ того писателя, который, запуская свой зондъ въ глубь общественной язвы, сохраняетъ невозмутимое спокойствіе духа и свою флегму; что же касается меня лично, то объявляю, что я пересталъ бы уважать себя и считалъ бы себя мертвецомъ, если бы походилъ на такого автомата... Что бы вы сказали о солдатѣ, который въ разгаръ боя сталъ бы распѣвать подблюдныя пѣсни съ балалайкой въ рукахъ и въ нарядѣ паяца! Нѣтъ, à la guerre comme à la guerre, на войнѣ, какъ на войнѣ, говоритъ пословица».

И меня упрекали за «презрительный» отзывъ о Миллѣ и за «ругательныя» выраженія, съ которыми я обратился къ Юлію Жуковскому, вызывая его снять съ себя маску. И меня станутъ еще упрекать за жестокое обличеніе издательской спекуляціи... Войте журнальные и газетные шакалы и гіены, войте!

Et rira bien qui rira le dernier!